

Бессмерт

ДРАКОНА

Лука Василиса

Сочные вишни кровавыми каплями пробивались сквозь листву. Подбираясь к ягодам, выхватывая их одну за другой, Элен услышала шорох, обернулась. Позади неё в беседке на оттоманке расположился мужчина, закинув руки за голову. Рядом с ним сидела хорошенькая рыжая девушка, почти без одежды. Тонкими пальчиками, лаская и путаясь в завитках на его груди, она не замечала Элен. Жгучий, красивый брюнет спокойно смотрел Элен в глаза. В его вытянутых, узких зрачках не было ничего, кроме любопытства. Вместо того, чтоб отвернуться, Элен стояла как вкопанная. Он встал, стряхнул с себя руки ласкающей дивы. Его бархатный шёпот коснулся уха девушки: — Вам нравятся вишни?

Глава 1

— Как бы меня сейчас не грохнули. Или не поимели!

Ещё минуту назад Лена, аккуратно пробираясь по незнакомому лесу, рассмотрела сквозь ветви небольшую проталинку.

Было что-то пугающее в звуках, доносившихся оттуда. Две удивительные фигуры сидели в высокой траве на полянке и чем-то смачно чавкали. Возле них мирно паслись три лошади. "Странно", — подумала Лена. "Лошади три, а мужика два".

Впрочем, странным было всё, начиная с внешнего вида тех двоих. На головах удивительные чешуйчатые шлемы, как маски. Сине-зелёные, с гребнями, узкими прорезями для глаз и вытянутым носом.

Похожие на ящериц. И руки, вернее их ладони с когтистыми пальцами в зелёной чешуе. Перчатки, наверное.

От компании веяло тревогой.

"Да это ж, наверное, квесты на исторические ролевые игры!" — догадалась Лена. Однако выходить к двум непонятным мужикам было опасно.

Девушка решила отступить, обойти их, как вдруг сзади её больно схватили за волосы. Приподняли и тычками погнали вперёд.

В первую секунду Лена лишилась дара речи. Во вторую сгруппировалась, поджала ноги и резко дёрнулась. Её выпустили, она рухнула на колени.

Попыталась вскочить, однако её уже крепко держали за шею.

Оставалось только зацепиться обеими руками за чужой бицепс, чтоб ослабить хватку.

Её втокнули на проталинку, к тем двоим.

— Ты где это нашёл? — те двое узко шурились.

— За вами смотрела из за ёлки. — жирный заржал.

Только сейчас Лена сумела его рассмотреть.

Тоже зелёный и с когтями. И маска лосниться, как мамин блин.

— Наверное, ведьма лесная.

— Доспехи чудные. На мужика похожа. — долговязый ткнул когтем в Ленкин лётный комбинезон.

Другой, не долго думая, рванул ворот пятернёй, молния моментально разлетелась вдребезги.

Из повисшего двумя половинками лётного обмундирования выглядывала розовая футболка.

— Да не, это баба.

— Проверь у неё в штанах, нет ли хвоста. А то может, из наших.

— Э,э... вы тут чё, мухоморами закусываете что ли? Это вам не нудистский лес. Совсем охренели? Нечего с меня штаны стягивать. — адреналин у Лены зашкаливал. Так страшно ей никогда не было.

Один из незнакомцев вплотную приблизил к ней свой вытянутый нос с клыками, свисающими из под губы. От него противно пахло потом и тухлятиной.

Он шумно втягивал воздух, обнюхивая Лену.

— Да убери ты от меня свою дешёвую морду, — она оттолкнула его ладонью. Сзади прилетел подзатыльник.

Ясно, она встретилась с клиническими идиотами, которые заигрались в свои исторические переодевалки.

Бежать было некуда, разодранный комбез свалился ярким пятном под колени. Лена осталась в лосинах и майке. Уселась в траву, сняла комбез, перешнуровала ботинки.

Притулилась спиной к дереву, подтянула к себе колени, обняла их руками.

А ведь всё обещало быть очень даже приятным с того самого момента, как она вошла в самолёт.

Её первый прыжок прошёл отлично. (Будь он неладен!).

Приземляясь, она ухнулась во что-то зелёное. С хрустом, но не больно. Кусты, гостеприимно распахнув палки-ветки сдемпфировали падение.

Тадам! Проскакав пару минут в радостном танце вокруг остывающего парашюта, девушка огляделась.

Интересно, где все. До неё целый отряд перворазников высыпался. Кроме того парня, что устроил истерику, как только самолёт набрал высоту. Пацан стал стягивать с себя амуницию, швыряться башмаками, верещал, что помрёт.

Между нами сказать, Ленкина пятая точка тоже уговаривала хозяйку передумать. Да куда там! Наша Лена экстрималка и спортсменка на всю голову.

Единственно, он сделала главную ошибку начинающего парашютиста: посмотрела вниз из открытого люка.

Весь её организм сразу захотел жить, ноги самостоятельно попятились назад. "Не так страшна смерть, как восемьсот метров до неё", голова согласилась с пятой точкой, решила передумать.

Но тут добрый дяденька инструктор спросил:

— Готова?

— Нет! Не-е-ет...

— Не бойсь! Дальше земли не пролетишь! — оптимистично поддержал девушку и легонько вытолкнул из самолёта.

Сначала мозги решили, что помрут, потом ощутили крепкие рывковые объятия системы Д-6. И поняли, что им не умирается.

Вот попрыгунья уже на земле собирает парашют по всем правилам в рюкзак.

Лена огляделась. Она приземлилась на склоне. Позади неё угёс. Девушка взабралась на него, вершина, маленькая, как автобусная остановка, просвистывалась ветром.

Пришлось оставить на вершине рюкзак. (Не тащить же его на себе). Кроваво-красный, заметен будет издали. Вдруг её искать будут. Их так инструктировали.

Сверху, стоя на вершине, внимательно осмотрелась.

Вокруг сплошной лес. Уступ обрывался зияющей пропастью. Там далеко, в самом низу серебрилась узенькая лента реки. К краю страшно было подойти. Она и не подходила, заглянула издали.

Лена спустилась по склону, уселась и стала ждать, когда её заберут. Между прочим, у неё сегодня день рождения. Вечером гости придут. Скорее бы домой.

Девушка уже и сидела и лежала. Стало вечереть. Она забеспокоилась. Решила искать дорогу самостоятельно. И, конечно, приключения ждали её за первой ёлкой.

Дождались!

Всё оказалось не таким радужным. Лена, попав в неожиданный плен, перепуганная, так и сидела возле дерева.

Троица доедала свой обед, искоса поглядывая на неё.

Лена лихорадочно искала пути отступления, пыталась успокоить беседой этих заигравшихся в "древность" недоумков:

— Ребята, я уважаю ваши игры, но я не из вашей тусы. Дайте мне телефон.

"Ребята" недоумевающе переглянулись. Ещё с самого первого взгляда на них, её зацепило нечто странное в их взгляде. Дошло что именно только сейчас!

У них зрачки вытянутые. Не круглые, а узкой палочкой стоят. Это же какие маски стали делать!

Отобедав, троица засобиралась. Жирный подхватил девушку. Одним махом перекинул её через плечо и потащил.

— Куда он меня тащит? — сердце Лены бухало надрестнутым колоколом.

Жирный грубо перекинул её через шею лошади. Удивительно, когда она видела такое в кино, ей в голову не приходило, насколько это "не айс" в реальности.

Девушка больно ударилась правым боком о луку седла. В голове успело промелькнуть: — ну, надеюсь, приеду к адекватным людям. А то что-то заигрались эти придурки. Прямо в роль вошли.

У нее невыносимо болел правый бок, в него упиралось седло. Каждое движение лошади мучило, резало тело справа. Свисая вниз головой, девушка зажмурилась. Её мучило от вида травы, подпрыгивающей перед глазами.

Лене казалось, это путешествие будет длиться вечность. К счастью, вечность тоже заканчивается.

Выбрались из леса, через поле спешили у одинокой корчмы. Поодаль от неё стояла пара телег. Рядом топтались такие же зелёные в масках.

Жирный стянул Лену с лошади. Облапал всю, больно ущипнул за бедро, шлёпнул по попе. Зло плюнул, выругался. Перепоясал девушку верёвкой как сноп соломы, швырнул её к стене у входа в корчму.

— Ты чего там? — окликнули его двое.

— У неё задницы нет, не продать дорого! — закручинился продавец и в грустном, некоммерческом настроении потопал в корчму.

— Тоже мне, горемычный ценитель женской красоты, — справедливо негодовала Лена, размышляя про себя; — Верхние выпуклости у меня третьего размера. Нижние пятидесятого. Есть у меня зад! Офигенный!

Лена работала медсестричкой в частной клинике. Полутра тратила на наведение красоты перед зеркалом. А весь вечер на поддержание этой красоты в фитнес центре.

Девушка обожала спорт, нагрузки в фитнесе казались ей сказочным релаксом. Эффект, который она демонстрировала своим телом плюс роскошной копной платиновых волос был фантастическим. Сбивал дыхание многим мужчинам. Лена знала, что она "няшка" и пользовалась этим.

Придорожная корчма гостеприимно зияла отсутствующей дверью. Лена, скрученная верёвкой сидела снаружи у входа, оперевшись спиной на стену.

Тугое кольцо из колючей пеньки стягивало, врезалось в кожу, натирало предплечье — всё тело ныло. Ожидание логического завершения путешествия сменилось растерянностью.

Лена наблюдала, как троица нырнула внутрь. Ей было видно, как в центре комнатухи на открытом огне крутился вертел с куском кого-то.

Исчадие синего дыма висело под низкими балками потолка. На крепких столах насыпом валялись грязные щербатые кружки, плоски с кусками хлеба и овощей.

Внутри помещения уже теснились человек пять ящеров (так Лена называла их про себя). Они не отличались от её похитителей, и были не рады вошедшим.

Случилась совсем недружественная мешанина между посетителями. Слово за слово, рык, стук, грохот.

Первым в дверной проём вылетел хозяин "кафешки" с кувшином наперевес. Спрятался за телегой и воздев глаза к небу, что-то отчаянно прищёпывал.

В драку, начавшуюся между соискателями еды и выпивки, вметелилось всё. Посуда со стола летела особенно прицельно. Правда, и скамья, взметнувшаяся в воздух грохнулась на пару несчастных.

Девушка слышала тошнотворно булькающий звук, смачно впечатавшейся скамейки в голову Жирного. Всё, что оставалось Лене, так это отодвигаться подальше от проёма.

Драка закончилась также внезапно, как и началась.

Тот, Жирный, что вёз её впереди себя, лежал недалеко. Из его проломленного черепа пульсировала, толчками выливалась плотная струя крови. Убит.

Теперь Лена точно поняла.

Это не кино. Не батл с переодеваниями. Это она куда-то вляпалась. А вот куда, пока неизвестно.

Одно было ясно, две банды схлестнулись. Одна у другой отбила товар. Лену.

Один из победителей, выйдя из помещения, присел перед девушкой. Лена вдавилась в стену от страха. Ящер понюхал её голову, потрогал волосы. Срезал верёвку с девушки, жестом велел идти к телеге.

Там, в жухлой соломе сидела кучка женщин. На головах накидки, вся одежда похожа на туники с завязками у горла. Девушки чуть подвинулись, уступили место пленнице. Лена примостилась с самого краешка.

Исподлобья девушки смотрели на новую соседку. Лена тоже удивлённо их разглядывала. Девчата были примерно все одного возраста. Молоденькие, чернявые.

Подошёл зелёный, связал им всем запястья. Девушки молчали, безвольно ожидая своей участи. Им ничего не оставалось, как смотреть на ворон, кружащих над теми, чьи трупы только что выволокли из корчмы.

Чёрные, жадные птицы уже расселись вокруг, медленно приступая к своему погребальному делу.

Телега дёрнулась, тронулась. После недавних дождей глинистая дорога раскисла, лошадь скользила, телегу потряхивало.

— Ты откуда? — тихонько спросила та девушка, что была ближе всех к Лене.

— Э..А ты? — Лена сообразила ответить вопросом на вопрос. Справедливо полагая, что её ответ "С неба свалилась" вряд ли кого обрадует.

— Мы все из дальних земель. Нас вот эти захватили, — она подбородком указала на Ленкиного спасителя. Остальные девушки понуро молчали.

— Зачем? — Лена ещё не догадывалась, что происходит.

— Как зачем. Это же драги.

— Драги? А кто это.

— Ну ты что, не знаешь? Драги это мутанты-ящеры. Разбойники. Им развлечения нужны. Женщин драгов не бывает. Вот они и крадут девушек в деревнях. Продают друг другу.

А бывает, найдётся счастливица и попадёт к богатому воину, или даже к начальнику. Говорят, иногда самые красивые попадают к самому Лорду Алонсо.

— А это кто?

— Странная ты. Лорд Алонсо Истинный Дракон.

— А с нами что будет? — кажется, Лена начала въезжать в ситуацию.

— Продадут. Хоть бы кто купил, а то...

— А если не купят нас, то что? — Лена хотела разобраться во всём. Немедленно.

Девушка закрыла рот ладонью, в её глазах отразился ужас. Она замолчала и отвернулась.

Лена закрыла глаза. Сцепила зубы, пытаясь остановить злые слёзы. Она— сорванец по натуре, смелая, умная девчонка с высшим образованием, вляпалась!

"Поздравляю, Лена! Ты прилетела в рабство к мутантам-драконам" — девушка накручивала сама себя. Её осенило: надо бежать!

— Эй, вы! Я пить хочу!

Удар в лицо на секунду выключил Лену. Далеко в голове выстрелила искорка и пронеслась перед глазами. Лена проморгалась.

Связанными кистями рук стёрла струйку крови из губы. Во рту стало солоно. Тупо заныли зубы.

Тот, кто ударил её, уже валялся на земле, рядом с телегой. Командир драгов наподдал ему еще раз ногой. Тот харкал кровью.

Маг огласил всю округу. Доходчиво и ясно командир объяснялось всей шайке: товар не портить.

Через минуту на телегу поставили кувшин. Лена отпила первой — её чуть не вырвало. Это же редкая гадость. Надо же, какая мерзкая жижа.

Девушки с благодарностью смотрели на Лену, с жадностью пили, передавая кувшин друг-другу.

— Дайте воды! Обыкновенной воды! — Лена не собиралась оставлять свою жажду без внимания.

— Заткнись, — процедил сквозь зубы командир, — На, прикройся.

Кинул в телегу скомканной тряпкой. " Да уж, с любезностью у них напряжёнка", — подумала девушка, разглядывая прилетевший подарок. Оказалась, это точно такая же туника, как на девчатах: колокол с прорезями для рук и головы.

" Ну, и как мне это надеть, если руки связаны?" — Лена озадачилась вопросом. Пока она прикидывала, что делать с нарядом из грубой, коричневой ткани, тот, что ударил её, поравнялся с телегой.

В упор уставился Лене в лицо щелками кровью налитых глаз, прошипел: — Ну, погоди, тварь.

У Ленки была фишка. Сначала говорить, потом думать.

— Что же ты не сдох, когда был маленьким? — она засмеялась ему в лицо.

Драги вокруг заржали. Взбешённый драг так жажнул кулаком по бортику телеги — дерево брызнуло щепками.

— Оставь её. В город товар везут. — посоветовали идущие рядом разбойники.

— Не дам. Моя добыча. — проревел обиженка не сводя с Лены глаз.

Девушки передали строптивой подружке кувшин. Там на дне ещё оставался мутный коктейль. Лена почувствовала себя городской идиоткой. Все пьют, а она выделяется.

Забродившее пойло, или что там плескалось на дне, сотворило пользу. Она, переборков отвращение, всё же хлебнула из кувшина. Захмелела сразу, сознание подёрнулось дымкой. Лена задремала.

Она очнулась от резкого толчка. Телегу занесло на повороте. Девушки повалились друг на друга.

Разбойники подъехали к ночному лагерю. В сумерках тускло блестели зелёным серебром зловонные лужи.

В центре лагеря стояли стреноженные лошади. К ночи похолодало. Видно было, как от дыхания животных белый пар вылетал туманными облачками. Кони танцевали, переминались с ноги на ногу, тревожно фыркали. Верный признак, что волчья стая рядом.

С темнотой чёрные волки становились смелее и всё ближе подбирались к лагерю. Они давно обнаглели, еды было много, они даже кости не обгладывали. Из-за этого отовсюду стойко несло отвратительным смрадом гниющей падали.

Люди всё плотнее сбивались в кучу, поближе к кострам. Собак давно не осталось, волки утащили их одну за другой. Теперь жертвами становились невыкупленные женщины.

Несчастные изо всех сил пытались понравиться драгам, чтоб сохранить себе жизнь хотя бы ещё на одну ночь.

Измученных, голодных девушек прибывших с отрядом, сгрузили возле юрты. Тот урод, что охотился за Леной, крутился рядом, не отступая от неё ни на шаг.

Девушки забрались внутрь. Снаружи полыхал костёр. В воздухе висела жуть от воя волков. Пленниц развязали, разрешили умыться. Выдали по куску мяса, хлеба.

Девчата, оказавшись под шатким кровом, повалились и уснули. Сквозь щели в пологе юрты пробивался свет от сполохов костра, слышались выкрики солдатни.

Лена подтянула колени к груди. Задумалась. Мысль о побеге не покидала её. Планируя, что делать дальше, уснула.

Из полудрёмы её выдрал рывок. Одной когтистой лапой ей закрывали рот. Другой сгребли за шиворот, потащили прочь от юрты.

В рассвете утра Лена разглядела в похитителе того чокнутого, что караулил её с ночи. Лагерь просыпался. Началась обычная утренняя возня. На этих двоих никто не обращал внимания.

Драг был дьявольски силён, волок её всё дальше и дальше. В сторону от лагеря, туда, где начинался подлесок.

Лена упиралась, старалась вырваться. Ничего не удавалось. Пытаясь ухватить с земли палку или камень, твёрдо решила " Убью или убьюсь!"

Нападавший с размаху толкнул её на стог высушенной травы. Оказавшись распластанной на соломе, Лена спружинила, отскочила в сторону. Краем глаза сканировала пространство. Ни булыжника, ни коряги.

Ухмыляясь, нападавший, поигрывая бицепсами, делая непристойные жесты языком, медленно подходил к Лене, расставив руки в сторону.

Он развлекался наблюдая за ней как за разъярённой кошкой. Она дразнила его своей свирепостью. Драг наслаждался сопротивлением рассерженной женщины. Но терпение его заканчивалось.

Он уже готов был свалить её одним ударом, но Лена опустила голову, сделав вид, что подчиняется. Сама рывком подсобрала подол, точно, крепко заехала ему ногой в пах.

Перескочила через упавшего Драга. Тот успел ухватить её за подол, туника треснула. Лена оглянулась. В какую сторону бежать?

Привлечённый шумом, к ним подъехал некто на мощном вороном коне. Его сопровождал отряд воинов. Все они были не похожи на драгов, к виду которых привыкла Лена.

Это были высокие крепкие амбалы. Их красивые мужские фигуры выглядели вполне человеческими, лица правильные, но вот глаза...Всё те же чёрточки вместо зрачков.

Командир обратил внимание на разъярённую женщину в лохмотьях. Растрёпаная, с разбитым лицом, с горящими глазами, она оглядывалась собираясь бежать. Следом подскочил драг, воины оттеснили его.

Тот, что был на вороном коне, переложил поводья в другую руку. Поманил Лену к себе.

Она подошла. Спаситель наклонился и пристально уставился ей в маковку, зачем-то потрогал волосы.

"Дались им мои волосы. Чего они меня трогают и нюхают!" Лена отшатнулась.

Всадник достал с пояса мешочек с монетами, бросил драгу. Тот, возбуждённый, злой, тихо рычал.

Командир махнул рукой. Отряд двинулся прочь. Лену посадили в обозную телегу. Ей уже неважно было, куда везут. Лишь бы подальше отсюда.

В телеге нашла овечью шкуру, укуталась в неё, волчонком глядя на оборачивающихся на неё воинов. Последнее, что увидела, — драг, обескураженный поражением всё шёл и шёл за отрядом. Скоро стал точкой и она потеряла его из виду.

Над телегой носились вороны, высматривая, куда направляется отряд. Точно зная, где отряд — там пожива.

Её убаюкало мерное раскачивание телеги, она задремала.

Скрипучая развалюха везла девушку туда, где уже бушуют страсти, кипят интриги. Где каждый пытается поймать счастливую звезду, упавшую с краешка неба.

Почти рассвело. Сидеть среди вонючих бочек было неудобно, тело затекло, правый бок беспощадно ныл. Продрогшая, голодная Лена то засыпала, то выныривала из дрёмы.

Вдалеке видна была стена замка. Лена не заметила, как снова провалилась в темноту, уснула.

Зато заметила как проснулась.

Старуха в удивительной одежде по-хозяйски вертела за подбородок Ленкино лицо. Засунула ей палец в рот, зубы что ли хотела посмотреть? Конечно, Лена цапнула её за палец и еле увернулась от пощёчины, перехватив руку старой дуры. Лена оскалилась, прорычала: — Убью!

Что-то все достали её. Лапают, хватают, связывают — охренели совсем?

Старуха, не меняя выражения лица, подёргала Лену за волосы, продолжая гортанно спорить с воином, её спасителем. Они оба не отходили от телеги, тыкали в Ленкину сторону.

Тот, кто привёз её, упирался, махал руками. "Торгуются", догадалась девушка, выглядывая из-за бочек.

Наконец, те двое договорились. Солдаты вытряхнули Лену из обозной тарантайки.

Сняли верёвки с рук, пересадили в открытую карету.

Старуха сидела напротив, хитро смотрела на девушку, что-то прикидывая. Откуда Ленке было знать, что перед ней самая знаменитая сводня при Драконе. Именно она поставляла драгоценный груз к ложу властителя. Торговалась с невестами и женихами знати, умело манипулировала сладкими страстями. О! Эта бабушка знала такие тайны, за прелесть которых многие отдали бы больше, чем имели.

Карета, миновав подвесной мост, въехала в город, гулко гроыхая по мощёным серым бульжником улочкам.

Приближающийся грохот в небе привёл лошадей в смятение. Возница еле удерживал их на месте. Все вокруг с почтением задрали голову, уставившись в облака. Мощные хлопки разорвали небо. Из вышины приближался белоснежный Дракон, рассекая воздух мощными взмахами крыльев. Истребителем пронёсся над головами горожан, скрылся за величественной стеной замка.

Потрясённая, Лена не могла перевести дух. А что, если всё это ей только привиделось, всё не настоящее? Может, она, приземляясь, так треснулась головушкой, что сейчас в дурке? Или, может сериалов пересмотрела. Там, кстати, вечно кого-то убивают. Например, таких, как Жирный.

Лена разглядывала небо, стену замка, отчаянно отказываясь верить в происходящее. Пыталась уцепиться за реальность.

А может она в коме? Ну точно. Приложились мозгами приземляясь и сейчас мотается по закоулкам сознания.

Звонкая пощёчина обожгла лицо и сразу вывела Лену из "мотаний".

Реальность в виде бабушки в средневековой одежде стояла перед ней во весь рост. И что самое главное, эта реальность была сердитая.

— Ну, чего как неживая? Вылезай давай, — обернулась, невежливо познакомилась:

— Меня Марева зовут — бойкая старушенция схватила рабыню за руку и потащила за собой.

Марева мастерски лавировала в разношёрстной толпе, пересекая улицу по направлению к замку. Её долгополая одежда сметала всю пыль на мостовой. Лена еле попевала за ней, придерживая на груди расплзающую рогожку.

Девушка исподлобья смотрела на разношёрстную толпу. За некоторыми хозяйками шли женщины в кандалах, были и в ошейниках. Ни одного раба мужчины.

— Марева, где мужчины?

— Молчи, несчастная любопытная сорока! — старуха даже не обернулась.

В коридорах замка, с их бесконечно вытянутыми сводами было холодно и мрачно. Войдя в одно из боковых ответвлений, женщины спустились на несколько ступенек. Они оказались в небольшой полутёмной комнатке.

Как только девушка вошла, дверь за ней захлопнулась, с той стороны провернулся ключ.

Девушка осмотрелась. Небольшое оконце, вернее проём в стене почти не пропускал света. Под окошком притулился деревянный стул с крышкой. Девушка, приоткрыв её, заглянула. Дыра внутри уходила далеко в черноту. Потянуло вонью. Ясно, это горшок, вещь хоть и не эстетичная, но очень даже нужная.

Топчан с тюфячком в углу, вот и всё убранство.

Лена в изнеможении села на кровать, сняла ботинки. Два дня в обуви дали о себе знать. Ноги распарены как вареники. Только девушка коснулась босыми ногами ледяного пола, наслаждаясь ощущением, дверь приоткрылась.

Появилась корзинка, дверь снова захлопнулась.

Лена с любопытством схватила плетёнку, что там? Кувшин, каша, хлеб. Ни ложки, ни стакана.

Девушка тут же приспособила кривую от многочисленных падений, крышку от кувшина под стакан, плеснула воды.

Бррр, вино... Лена ярая противница спиртного. Тут, кажется, это никому не было интересно. Хлебом стала зачёрпывать кашу. Беее, не солёная. Прямо, блин, веганство в чистом виде.

От выпитого её сразу повело, она свалилась, как подкошенная.

Ну, у судьбы были другие планы, её вскоре растормошили и повели, не сказав куда.

Оказалось, в баню! Как Лена обрадовалась!

Неглубокий бассейн, лавка, мочалки. Ароматные куски чего-то тёмного, вероятно, мыла. Запах от этих некрасивых брусочков был изумительный. Мелиса, мята, лаванда, всё вместе слилось в потрясающий букет.

Горячая вода лилась прямо из стены, клубы пара обволакивали, успокаивали.

Пришли девушки, как оказалось, служанки. Принялись за Лену. Она пыталась сопротивляться, когда женские руки вцепились ей в волосы, в кожу. Потом успокоилась.

Ей намывали волосы, чем то мазали, полоскали, вычёсывали. Кожу смывали и натирали снова чем-то пахучим. Движения банщиц были чёткие, крепкие.

Через час девушку проводили в её "покои".

Лена, отдохнувшая, села на топчан.

Снова пришла мысль бежать.

Куда? Попасть в руки к драгам, к тому, кто разбил ей лицо, в нечистоты к жутким крысам в солдатском лагере? Нет, только не это. Ужас щупальцами проник в живот, её чуть не вырвало от страха.

Чуть позже пришла Марева.

— Хочу вкусную еду! — нагло потребовала Лена.

— Ты мне поговори! Пока что я кормлю и одеваю тебя за свой счёт. За тебя ещё никто не заплатил.

Марева присела рядом с Леной.

Как зовут тебя?

— Елена.

Сводня пожевала губами, как бы пробуя имя на вкус:

— Будешь Элен. Так лучше.

Под мужиком-то была?

Лена кивнула

— Умеешь?

— Что "умеешь"?

— Ясно, научим. А ну, пройдишь!

— Бабушка, вы о чём?

— Прикуси язык. Дуру-то из себя не строй. Чтоб тебя продать за хорошие деньги, это мне ещё расстараться надо!

Сводня зло смотрела на Лену:

— Грудь вялая, задницы нет, морда худая. Кому ты такая нужна? Одна в тебе польза: волосы, да кожа белая. Заказ на такую есть.

Да как тебя показать, ты же не образованная!

Зашибись! Лену, (то есть Элен), как обухом по голове ударили.

Да она профессиональная медсестра с высшим медицинским. И внешность у неё "няшная". А тут...офигеть, кастинг не прошла.

Старуха пошла к двери.

— Смотри мне, ешь, что дадут. А не послушаешь, пороть буду солёными шлейками. Точно говорю: тебе не понравится.

Уже закрывая дверь, плюнула злыми словами:

— Больно востра на язык. Слово поперёк скажешь, к солдатне выброшу!

Лена, честно сказать, испугалась.

Подбежала к двери:

— Постойте, не уходите.

— Чего ещё?

— Помогите мне.

— Что, что?

— Научите, что делать...

— Откуда ты такая взялась? Чувствую, подлое ты задумала. Да я подлее.

— Не сердитесь. Потом посчитаемся. Что от меня надо?

— Делай, что скажу. Сладим.

Марева ушла. Лена, то есть Элен, переодетая в чистую льняную рубашу, спрятала маечку, лосины под тюфяк, ботинки засунула в дальний угол.

Без сил свалилась и тут же уснула.

Она и не догадывалась, что эта ночь разделит её жизнь на "было" и "будет". Навсегда поставит точку на прошлом.

— Стой здесь. Смотри, никуда не уходи.

Марева пригрозила рабыне, подхватила юбки и скрылась в коридоре замка, оставив девушку на пороге.

Перед Элен, через лужайку была видна беседка. Увитая китайской розой, она утопала в вишнёвых деревьях.

Сочные вишни кровавыми каплями пробивались сквозь листву.

Подбираясь к ягодам, выхватывая их одна за другой, Элен услышала шорох, обернулась.

Позади неё, в беседке, на оттоманке расположился мужчина, закинув руки за голову. Рядом с ним сидела хорошенькая рыжая девушка, почти без одежды. Тонкими пальчиками, лаская и путаясь в завитках на его груди, она не замечала Элен.

Жгучий, красивый брюнет спокойно смотрел Элен в глаза. В его вытянутых, узких зрачках не было ничего, кроме любопытства.

Вместо того, чтоб отвернуться, Элен стояла как вкопанная.

Он встал, стряхнул с себя руки ласкающей дивы. Его бархатный шёпот коснулся уха девушки:

— Вам нравятся вишни?

Элена задохнулась от восторга. Он был чертовски обаятелен, этот голос. По спине рванули мурашки, девушка замерла.

Она не решалась взглянуть красавчику в лицо. Мужчина был так близко, она чувствовала тонкий запах его парфюма. Тончайшая ткань белой сорочки бугрилась на мышцах своего господина.

Элен отвела взгляд, закусил губу. Внезапно вишенка, за которой она охотилась, оказалась у неё перед носом.

Наклонив ветку, хозяин бархатного шёпота коснулся её уха:

— Хватайте её, она ваша!

— Я... — голос предательски сел, она кашлянула, прошептала, заливаясь краской, — простите.

Не оборачиваясь, почти бегом вернулась туда, где Марева велела ждать.

Добежав до двери, остановилась, не решаясь оглянуться.

Мимолётный близкий шёпот, коснувшийся её уха не давал покоя. Он был такой приятный и одновременно странный. Наполнял её тревогой, неизвестностью. А глаза? Холодные, опасные и притягивают так, что оторваться невозможно.

Элен тряхнула головой, пытаюсь сбросить наваждение.

Примчалась Марева. Схватила Элен за руку, потащила за собой.

Каменное строение, к которому так спешила сводня, оказалось швейной мастерской.

С Элен сняли мерки, подобрали пару готовых нарядов. Выдали бельё, рубахи, ещё что-то.

Марева всё щупала, перепроверяла, махала руками.

Элен всё ещё находилась под впечатлением от неожиданной встречи возле беседки.

Образ мужчины стоял перед глазами.

Длинные тёмные волосы, брови вразлёт, прямой нос. Красивые губы, твёрдые, чётко очерченные застыли в тонкой усмешке.

Марева окликнула её:

— Спишь что ли? На, держи.

Старуха, наконец переругавшись со всеми швеями, нагроутила Элену ворохом вещей. Скомандовала: — Идём!

Сама первая выкатилась коломом, шустро помчалась к замку. Элен еле поспевала за неугомонной бабкой.

У себя в комнате девушка бросила корзину с одеждой, решила пообедать. Из еды ей снова принесли кашу в глиняном горшке, хлеб и овощи. Серебряный кувшин с водой. Вот и всё меню.

— В кафешечку бы сейчас, — Элен осеклась. Нет, ни слова о прошлом. Иначе можно сойти с ума. Не успела девушка расстроиться, как дверь распахнулась и на пороге вновь появилась Марева.

Она вращала глазами, глотала воздух.

Замахала руками, схватила за руку ничего не понимающую девушку, потащила за собой по коридору.

Из её причитаний ясно было одно: срочно готовиться, переодеваться. Случилось непредвиденное: Элен пригласили на ужин к Лорду Алонсо.

Марева потрясала длинными рукавами, прижимая ладошки к толстым щекам:

— Как мне успеть приготовить тебя к встрече с ним! Вот скажи, где ты довыдывалась, что тебе так губу разбили...—

Марева вертела подбородок Элен в разные стороны, прикидывая, как скрыть синяк.

Пришли мастерицы. Каждая, со знанием дела, принялись за девушку. Маникюр, педикюр и далее по списку.

— Ты не представляешь, какая тебе выпала честь! Это мечта любой девушки. Тебе надо очаровать лорда и тогда он выберет тебя. И если Совет Драконов утвердит, ты сможешь стать его женой и родить ему сына.

— А что для этого надо сделать?

— Выиграть у тех двух, что уже стоят в очереди.

— А как это?

— Да ты дура совсем, что ли? Сама не знаешь как? Или думаешь, на тебе одной свет клином сошёлся. Лорд Алонсо уже три года жену выбирает. Никто ему не нравится.

"Ничего я не думаю. И нечего обзываться" — насупившись, Элен мысленно ссорилась с Маревой.

Та, подбоченясь, размышляла вслух:

— Мне вот интересно, откуда он узнал о тебе. Кто мог ему проговориться? Сеул, так на него не похоже.

Сводня бурчала, придирчиво следя за каждым движением мастериц. Она была раздражена, заметно нервничала.

— Лорд Алонсо, какой он? — Эления немного трусила, голос её дрожал.

Марева всплеснула руками:

— А то ты вчера его не видела!

— Вчера... Там был дракон. Так он же, э... как сказать-то. Он же зверь? — вопросительно повернулась к Мареве и тут же схлопотала подзатыльник. Из свежей причёски со звоном вылетела шпилька.

— Прикуси свой язык, несчастная! — зло шептала на ухо перепугавшаяся сводня,

— никогда не произноси это слово вслух.

Оно обозначает естество Дракона и живёт внутри него вечно.

А по земле он в теле человека ходит.

Марева отошла от Элен. Выглянула за дверь, продолжила:

— Рано, ой рано тебя позвали. Кто же мне все карты спутал. Я тебя ничему и не научила. Охо хо...

В дверь вошёл Сеул, грозная правая рука и свирепый телохранитель Дракона.

Он пришел сопроводить Элен к ужину.

Пора.

Её шаги отдавали тихим эхом. Мрачные стены коридора замка давили своей тишиной. Элен шла сквозь ощущение пустоты и отчуждённости.

Темноту рассеивал единственный факел в руке Сеула.

Поднявшись по ступеням из нижнего этажа, Элен очутилась в волшебном царстве цветов и света. Окна, бесконечно высокие, впустили в себя свет сиреневых сумерек приближающегося вечера.

Тысячи свечей наполняли пространство желтоватым туманом. Огромные вазоны в облаках розовой пены благоухали немислимыми ароматами. Ковёр под ногами ловил каждый звук.

Элен, затянута в светло-жёлтый шёлковый корсет, парила мотыльком в вихре складок из золотой парчи развевающейся юбки.

У самых дверей, за которыми была назначена встреча, Сеул остановился. По-хозяйски холодно и одновременно с прищуром оглядел девушку.

Как же он ей не понравился! Она видела его второй раз, а чувство неясной тревоги и недоверия уже завладело ею. Она просто боялась его физически.

Высокий, мощный как бульдозер, с шипованными браслетами на руках. Рассмотреть его лицо было невозможно, он носил капюшон с коротким плащом не снимая.

Видны были только тонкие губы и отметина на правой щеке, оставленная укусом валькерии. Мастерицы говорили, он скрывал свои безобразные шрамы на голове и спине. Был немисливо жесток и злопамятен.

Дворцовые тяжёлые двери распахнулись перед ней, она, не чувствуя ног под собой, вошла.

Элен зажмурилась от яркого снопа света, вырвавшегося навстречу.

Она трепетала в ослепительном зале.

Бесчисленные огни свечей отражались повсюду. Лаковый паркет, зеркала, витражные окна — всё сияло, блистало роскошью.

Длинный стол в складках белой скатерти сверкал серебряной посудой. За ним сидели две женщины напротив друг-друга.

Эления растерялась, горло перехватило, она не знала, что сказать, куда сесть. Теперь ясно, почему так сокрушалась Марева. Девушка и вправду была не готова к приёму.

Сеул указал ей на место с торца, посередке между красотками.

В рыжей слева Элен с удивлением узнала ту, что видела сегодня в беседке с красавчиком. Чернявую девицу, сидящую справа видела впервые.

Обе женщины, холёные, шикарные сидели неестественно прямо, в полной тишине. Краем глаза сканировали новенькую и Элен просто утопала в волнах их ревности, накатывающихся на неё с обеих сторон.

"Конкурентки", — догадалась девушка, поёживаясь от повисшего напряжения.

— Лорд Алонсо! — возвестил служка, открывая двери перед своим господином.

Увидев его, Эления вскочила, открыв рот от удивления. Это тот самый красавчик, что спрашивал её про вишни!

Заметив, что девушки сидят не шевелясь, тоже села. Она во все глаза смотрела на лорда, не веря своим глазам.

— Будем считать, что все знакомы, — лорд расположился с другой стороны стола. Спокойный, элегантный, откинулся на спинку стула, позволил налить себе вина.

— Руфина, ты познакомилась с девушкой? — он коротко, цепко взглянул на чернявую.

Та шевельнула губами, опустила голову.

— Какая ты негостеприимная. Как ты посмела не приветствовать мою гостью? — он отпил вина, мельком глянул на Руфину, продолжил:

— Надо будет проучить тебя. — повернул лицо к рыженькой.

— Ну, а ты, Армисия, познакомилась?

Рыженькая испугано посмотрела на Элению, та кивнула ей одними глазами.

— Да, немного...

Руфина, так звали чернявую, умудрилась оскалиться не открывая рта. Она просто испепелила взглядом рыженькую.

— Ну, вот и молодец.—

Лорд кивнул головой Сеулу, указав подбородком на Руфину. Принялся за мясо, поставленное перед ним.

Сеул поманил рукой чернявую. Руфина, уходя, прошипела двум оставшимся гостям лорда: "чтоб вы подавились!"

— Как вас зовут? — лорд Алонсо ел, спросил, не взглянув на Элен. Казалось это был просто вопрос вежливости, в никуда, но у Элен похолодело между лопаток.

Она не знала, как к нему обратиться, как ответить. Встала, неловко зацепившись юбками за стул:

— Элен, мой господин. Я рада вас видеть.

Всё, капец! Ну что она за дура? Кто за язык тянул. Надо было просто сказать "Элен". Так нет же, понесло!

Иногда девушка сама себя ненавидела: сначала скажет, потом соображает, что брякнула.

Он завис с вилкой у рта, брови съехались домиком, в уголках глаз мелькнуло удивление. Лорд Алонсо внимательно посмотрел на неё.

— Присядьте.

Она села, залилась краской. От волнения кусок не лез в горло, ей было неловко, тяжело, она не понимала что делать.

Ужин закончился в тишине. Элен так и не смогла проглотить ни кусочка от волнения.

— Подойдите, — он кивнул Элен, — расскажите мне о себе. Лорд дотронулся до её талии, направляя к окну.

Она, неожиданно для себя, ойкнула (правый бок давал о себе знать).

— Что случилось?

— Я, э-э. ударилась, — еле слышно промямлила Элен.

Он посмотрел ей в лицо, заметил желтеющий синяк на скуле, кивнул Сеулу.

— Отвези её к лекарю.

Тут же потеряв интерес к Элен, вернулся к столу.

Она, не оборачиваясь, шла за Сеулом, не понимая, как можно было так закосячить "собеседование".

На выходе из замка их ждала крытая карета. Сеул разместился напротив девушки. В темноте подкрадшейся ночи его вовсе нельзя было разглядеть.

Она чувствовала его, хотя он, как затаившийся зверь, даже дышал неслышно. Все его

движения напоминали поступь крадущегося тигра.

Плавные, мягкие и одновременно хищные, беспощадные. Элен сидела не шевелясь, от напряжения свело шею.

Карету подкидывало, трясло, она всякий раз пыталась удержаться, чтоб не съехать с узкого сидения и не коснуться Сеула.

Лекарь оказался здоровенным ящером, с когтистыми лапами и длинной мордой.

Указав девушке лечь на стол, подошёл и протянул над ней руки (или лапы?).

Они так плавно двигались, не касаясь Лены, выводили над ней неведомые маршруты, потом переместились к правому боку.

Затем лекарь аккуратно приложил холодную, чешуйчатую ладонь к лицу девушки. Осторожно потрогал губу.

Через минуту Элен уже наложили тугую повязку на, как оказалось, сломанное ребро. Дали мазь для губы, отправили домой.

Домой... теперь у Элен вот та каморка у Маревы была домом? Да...

Зайдя к себе, она почувствовала, что валится с ног.

Надо было распустить все шнуровки, переодеться. Элен спохватилась, а во что? С нее сняли одежду там, в массажной. В темноте Элен на ощупь перебирала вещи из швейной мастерской, что притащила с утра. Нашла рубаху. Ёлки, а платье куда деть? Мебели никакой. Пришлось положить прямо на пол, в угол.

На неё накатило голод. Вспомнила, что с утра толком не ела. Примерки, подготовка к встрече с лордом. А потом стеснялась кусок проглотить.

К счастью, корзинка с обедом стояла нетронутой.

Элен с жадностью ела пресную кашу, зачерпывая её хлебом, отхлёбывала кислое вино и чувствовала, что засыпает.

В голове стоял образ лорда, мысли путались.

Наконец, она свалилась, провалилась в глубокий сон.

Однако, у судьбы на неё были другие планы...

В полусне Элен подскочила. В комнате кто-то был.

Это Марева. Старуха зажгла огарок свечи, присела на топчан. Элен, подтянув колени к подбородку, примостилась рядом:

— Когда мне дадут другую комнату? Я как бродячая собака сплю на тюфячке.

— А ты и есть бродячая псина. До тех пор, пока ктонибудь не заплатит за тебя.

Элен зарылась лицом в колени. Марева панибратски подтолкнула её плечом.

— Я пошутила. Заплатили уже. Завтра утром переберёшься на женскую половину, в отдельные покои. Ишь, как тебе повезло. Первый раз у меня такое.

— Марева, как быть? Я сегодня толком не знала как себя вести на приёме?

— Ничего. Научишься. Главное, упаси тебя небо, не перечить и рот не открывать, пока не спросили.

— Я видела Армисию в саду с лордом Алонсо. Ну, они там... Я не буду этого делать без любви. Ещё и соревноваться с кем-то, кто лучше. Ну, как Армисия.

Марева схватила Элен за волосы и неожиданно крепко вдавила её лицом в соломенный тюфяк. Зашипела горячо, назидательно:

— Будешь! Ещё как будешь. Ноги раздвигать, да языком ворочать обычная бабья работа!

Старуха отпустила Элен, миролюбиво похлопала её по спине:

— Не будешь, так выкинут тебя на улицу. Кому достанешься? Хорошо, если полукровку какому. А ну как баба богатая купит. Такого я и врагу не пожелаю.

Марева отошла, поправила фитилёк на свече. Элен обиженно надулась, сидела выпрямившись, следила глазами за грозной старухой.

— Бывало, убивали девку. На месте. Хочешь жить, слушайся. Не высовывайся. Язык крепко за зубами держи.

Элен вдруг стало так страшно, тоскливо. Она вспомнила из той жизни свой дом. Не заплакала, нет. Завыла! Да так горько, протяжно...

Марева озадаченно посмотрела на девушку. Ну что ж. И не такое видела.

— Ты, главное, учись хорошо. Тебе надо Руфину и Армисию обойти. А потом ещё разрешение Высшего Совета Драконов получить.

Совет раз в год собирается. Как примула у подножия вулкана зацветёт, как первые огненные реки переполнят его чашу, так и слетаются главы. Это вот вот произойдёт.

— А что надо, чтоб его получить?

— Узнаешь, — Марева уже выходила, Элен ухватила её за руку.

— Что мне делать? Его женщины ненавидят меня.

— А ты как хотела? Дракон выберет одну. Других, если в любовницах не оставит, перепродадут.

— Что? — Ленка села, как громом поражённая.

Марева вышла, дверь запирасть не стала.

Элен крикнула:

— Дверь! Вы не заперли.

— Я тебя уже продала. Хочешь бежать, беги. Драги будут рады.

Свеча догорела. Каморка снова утонула во тьме, Лена, измученная, растерянная, не знала на что надеяться.

Через минуту взяла себя в руки:

Она, девчонка из 22 века, да не пробьётся?! Ещё посмотрим, кто кого.

Из охранного лагеря под стенами замка доносился пьяный гудёж солдат. То и дело издалека приносило протяжный, жуткий волчий вой.

Элен забралась на свой тюфячок, закуталась в овечью шкуру. Долго сидела без сна, перебирая события дня.

Утро наступило с первыми лучами солнца. За Элен пришла служанка, разбудила, надела сандалии на ножки своей госпожи, аккуратно подхватила под локоток, повела за собой.

— Стой! Как тебя зовут?

— Аманда.

— Жди здесь.... — Элен вернулась, забрала спрятанные майку, лосины. Достала ботинки, всё прижала к себе, двинулась за служанкой.

Аманда хотела помочь, Элен рыкнула:

— Не трожь, моё! — почему то ей показалось, что никто не должен трогать эти вещи. Как будто это была та незаживающая душевная рана, которую она должна обязательно ото всех скрыть.

Её привели на половину невест. Огромная гостинная разветвлялась на коридоры, каждый вёл в личные покои избраниц.

Роскошная общая комната, уставлена множеством диванов. На стенах потрясающей красоты гобелены, картины. Цветы. Много цветов. Они были повсюду, расставленные в огромных вазах на полу, на постаментах, даже на каминной полке.

Подносы с фруктами, тускло сверкающие серебряные кувшины, стекло фужеров, бархатные шторы — роскошь просто вываливалась из каждого угла.

Элен прибыла в свою комнату.

Прекрасные витражные окна остроконечными арками упирались в потолок. Лаковый паркет. Резная мебель: стулья, стол, этажерки — божечки, какая прелесть!

Гобелен на всю стену со сценой страстного поцелуя пастушки с пастушком на фоне барашков, зашибись!

Элен запрыгала, радостно закружилась, прижав ладошки к щекам.

А постель! Элен с разбегу плюхнулась в потрясающий ворох подушек и шёлка, пища от восторга. Класс!

Служанка, молодая девчонка (Элен она почему-то не понравилась), принесла воды, умывальные причиндалы и довольно мастерски принялась за внешний вид своей госпожи. Время до завтрака пролетело незаметно.

Прозвенел колокольчик к завтраку. Армис и Элен в сопровождении служанок отправились по коридору.

Прибыли в распоряжение Сеула. Элен поёжилась от его взгляда. Вроде молчит, слова не сказал, а страшно возле него.

Их пригласили к столу. Руфь наказана, сегодня будет отсутствовать.

Девушки не переглядывались, обе расправили плечи, за столом сидели напряжённые, как на экзамене.

Лорд вошёл, кивком приветствовал дам. Приступил к завтраку, ни на кого не обращая внимания. Просматривал почту, хмурился. Велел налить себе вина.

Неосторожно, от чрезмерного старания, слуга щедро плеснул вина в серебряный кубок. Оно хлынуло через край. На белой скатерти медленно расплывалось кровавое пятно.

— Пошёл вон! — на шее, на висках Алонсо выступили полукружья белой чешуи. Жёлтая радужка вздыбилась красным.

"Как легко он впадает в ярость", — Элен похолодела.

Она хотела выпить кофе, но боялась звякнуть ложечкой. Армисия, напротив, спокойно пила, закусывала восхитительным бисквитом.

Алонсо отложил газету.

— Кто сегодня составит мне компанию? Армисия?

Ответа не ожидал, справедливо полагая, что никому и в голову не пришло бы отнекиваться. Даже Сеул помчался бы на свидание, если бы предложение поступило лично ему.

Элен ощутила, что у лорда Алонсо была удивительная манера говорить. Иногда его голос звучал обычно. Временами же этот голос лез под кожу, проникал до самых печёнок, гипнотизировал, лишал возможности сопротивляться.

Обволакивал мистическим страхом. Парализовывал. Случались те восхитительные моменты, когда его голос приглашал в сказку. Например тогда, возле беседки.

Рыженькая порозовела, с улыбкой закивала.

— А вы, Элен? Всё так же любите вишни? — он пристально посмотрел ей в глаза, предоставив возможность заливаться краской.

Элен нечаянно задержала на нём взгляд дольше обычного. Приоткрыла губы, не зная, что сказать. Поправила выбившуюся прядку, в смущении опустила глаза.

Растерялась, закусила нижнюю губу. Вновь посмотрела на него. О небеса! Он всё ещё смотрел на неё, но как! Он просто раздевал её глазами.

Она вспыхнула, прижала ладони к щекам. Резко одёрнула сама себя, спрятала руки под стол.

Она сама толком не поняла, что произошло сейчас, сию минуту. Однако знала точно: только что проиграла ему в партии флирта.

Он снова околдовал её, как тогда, своим шёпотом. Как это у него получается...

Неожиданно появился Сеул с подносом. Принёс письмо. Лорд Алонсо пробежал его глазами. С первых строк нахмурился. Отбросил письмо. Посидел с минуту, сорвался с места. Сеул бросился за ним.

Девушки остались одни. Переглянулись, и...

Элен видела, Алонсо стремительно выбежал на поляну, обернулся через левое плечо и в мгновение ока превратился в то совершенство, когда Элен увидела его впервые.

Светло-стальной, огромный и мощный дракон, с жёсткими гребнями на спине, в переливах золотистой чешуи.

Он вулканом взмыл в воздух. Плавные, хищные изгибы его крыльев, широкими куполами раскрылись с обеих сторон.

Оглушительно хлопая, они уносили своего хозяина всё выше и выше!

Сеул, следуя за хозяином, обернулся чёрным грифоном, исчез в вышине.

Обе девушки, замороженные зрелищем, стояли у окна, вцепившись в подоконник.

Из ступора их вывела Марева. Когда Сеул отсутствовал, она отвечала за бабье царство.

— Чего застыли, кукушки. А ну, марш на урок! На днях бал, а они ни сесть, ни встать не умеют. Зато в окошке торчат, окоянные! — Марева продолжала бухтеть, подгоняя их в дамскую гостинную.

В ожидании учителя, там, среди цветов и подушек сидела Руфина. Лилась тонкая музыка, музыканты сидели в углу, не смея поднять глаз на женщин.

Элен заметила испепеляющий ненавистью взгляд Руфины и чтоб подразнить её, села на диван рядом с ней, поближе.

Руфина зашипела, Элен выбрала самый спелый персик, запустила в него зубы, вытягивая нежнейшую мякоть. Наслаждаясь фруктом, по-приятельски заглянула в глаза Руфине:

— Я — твой лёгкий способ испортить тебе жизнь.

Руфина затряслась, Армисия, пытаясь всех помирить, предложила ей вина:

— Не хочешь ли выпить мадейры?

— Ты кабацкая потаскуха. Скоро будешь распивать эту дрянь с драгами! — Руфина брызгала слюной.

Армисия покраснела, опустила кубок, отошла.

— В тебе есть хоть проблески человечности? Зачем ты обижаешь Армисию? — Элен продолжала упиваться персиком, не сводя глаз с чернявой.

— Подстилка для драгов! Пусть сдохнет! — Руфина продолжала шипеть.

— Руфина, ты трясёшься, как гадящая собачонка. Ну, чего ты? — Элен протянула ей блюдо:

— На, выплюнь яд.

Руфина побелела от бешенства. Кажется, даже концы её смоляных волос стали белыми.

— Ну чем тебя утешить, шизоидная истеричка? Может быть, рассказать, что ты старше меня, стало быть, умрёшь раньше и я стану наследницей твоих украшений?

Элен перехватила замахнувшуюся руку Руфины, вцепившуюся во фруктовый нож. Глядя в глаза разбушевавшейся психичке сказала чётко и ясно:

— Убью. Нечаяно махну ладошкой и крынтец. Я же баскетболистка. Не балуйся!

Марева, наблюдавшая всё со стороны, прыснула.

Хлопнула в ладоши, тем самым закончив сражение, поманила всех за собой.

В другом большом зале было пусто. Лишь музыканты, перебежавшие сюда из гостинной, сидели у стены, всё так же не поднимая глаз на женщин. Струилась тихая

музыка, зашла учительница, начался урок вальса.

Оказалось, танцевать вальс непросто. Держать спинку, тянуть локоток, пальчики... счет, поворот, скольжение.

Урок давно закончился, а Элен всё репетировала сама с собой. Стемнело. Пришлось отпустить музыкантов.

Элен осталась в полумраке зала добиваться точности в движениях, надеясь на завтрашнем уроке быть лучшей.

Устав, как канадский лесоруб, отправилась к себе.

Заблудилась в сумрачных коридорах, и случайно оказалась у двери, откуда слышны были голоса Руфины и Маревы.

Приблизившись на носочках, стала смотреть в щёлку и слушать. Вязкий страх, как густой кисель напел на её плечи по мере того, как до Элен доходил смысл услышанного.

— Марева, отдай мне Белую.

— Зачем она тебе?

— Ты знаешь, зачем.

— Убить её хочешь? — Марева пристально смотрела в глаза Руфины.

Та не выдержала взгляда, опустила глаза.

— Дракон всё реже зовёт меня. Не отдавай ему Белую, сделай чтоб она заболела. — Руфина положила звякнувший мешочек на стол. Старуха спокойно спрятала деньги в карман.

— Даже не думай навредить Белой. Если попробуешь, сделаю так, что гнойниками пойдёшь на весь свой зад.

Руфина вздыбилась, дёрнулась.

Марева продолжила:

— Белую я дорого продала и мне ещё денег дадут. Когда научу её главной науке. Мужика радовать это не просто ноги раздвигать. Тут наука тонкая. Надо чтоб упругой, жаркой змеей его обвивала.

Руфина не дала ей договорить, перебила, схватила за руку:

— Научи меня!

— У тебя так не получится.

— Это почему это? — Руфина недоумённо округлила глаза.

— А потому, что ты рожала.

— Только скажи кому, я тебя уничтожу, — чернявая собиралась ударить старуху.

Та проворно ухватила её за волосы и прижала головой к столу:

— В твоём злом чреве даже младенец выжить не может.

Марева отпустила Руфину, та ухватила за голову.

— Остынь, Руфина. Прикуси язык. — Марева разожгла трубку, сквозь дым, сощурясь, наблюдала за чернявой. Та не находила себе места, ёрзала на стуле, заламывала руки.

— Марева, дай мне средство, чтоб Алонсо снова захотел меня.

— Мне это невыгодно.

— Ах ты, старая сводня! Думаешь, на тебе свет клином сошёлся? Ну так я другую Мареву найду!

Руфина опрометью выскочила, не заметив Элен, стоявшую за дверью.

— Руфина, подружка, куда спешишь? — Элен насмешливо крикнула ей в спину.

Руфина замерла, обернулась, уставилась круглыми глазами на Элен, прошипела:

— Подслухала?!

— Ой, не суетись. Расскажи лучше, куда ты дела своего ребёнка?

Руфина молчала. Распалённая до самых печёнок, чернявая исподлобья глядела на Элен.

— Чего молчим? Ты что-то вялая, как на валерьянке настоящая. — Элен смотрела вроде спокойно, даже с улыбкой, но такой взгляд вызывал оторопь.

Из Руфины, откуда-то изнутри вырывался рык. О, таким звуком впору было камни крушить.

— Слушай, я бы пригласила тебя на чашечку кофе, еслиб ты не ела детей на завтрак. — Элен улыбалась.

Руфина зажала уши руками и побежала прочь от Элен.

— Куда ты? Твоя тайна со мной. Помни об этом.

Элен стало легко и даже весело. Может быть, теперь у неё шансов выиграть батл на невесту побольше, чем пару часов назад.

Какая прелесть, чужие тайны!

Как испортить настроение на раз? Ничего нет проще, если завести тупую служанку.

За окном с оглушительным треском разорвалось небо. Огромными валунами ворочался гром. С силой рванул ветер по стёклам. Высоченные витражи заскулили, занервничали.

Элен подскочила, со сна не сообразив, что это. Бушевала гроза, слугам велено было растопить камин, просушить, прогреть замок.

Аманда, самая ужасная служанка на свете, неуклюже возилась с дровами, гремела, пыхла.

Элен скривилась. До чего же противная девка ей досталась. Она нехотя вылезла из под одеяла. "Ой, ну всё! Настроению крындец" — подумала Элен, когда холодные пальцы Аманды касались её спины, справляясь со шнуровкой.

Зацепившийся гребень за серьгу в руках у служанки больно дёрнул ухо. Это положило конец терпению хозяйки:

— Пошла вон отсюда! Чтоб на глаза мне больше не попадалась.

Элен сегодня же попросит Мареву заменить эту дрянь.

Сама закончила со своим внешним видом, отправилась на завтрак.

Руфину всё ещё не простили.

На завтрак подали невообразимой красоты творожный пирог. Построенный замком, в россыпях малины, с малюсенькими бабочками из лепестков фиалки — пиршество для глаз и вкуса.

Элен чинно помешивала кофе (вот не могла она пить кофе без сахара!). Армисия ела всё подряд. Элен тоже хотела слопать всё, что было на столе, почему-то стеснялась.

Она уже не раз перехватывала на себе долгий взгляд лорда, от этого смущалась ещё больше.

— Элен, — лорд Алонсо откинулся на спинку кресла, — Составьте мне компанию. Приглашаю вас на бал.

У Элен пересохло в горле. Она уставилась на Армисию. Та, как будто ничего не слышала, слизывала желе с ложечки.

Элен вскочила, радостно вспыхнула, прижала ладошки к груди.

— Подойдите. — Алонсо поднялся ей навстречу, кивнул Сеулу.

Тот уже был рядом, держал в огромной лапице инкрустированную перламутром шкатулку. Лорд вынул оттуда ожерелье и повернулся к Элен.

Она закусил нижнюю губку. Мысли затуманились, девушка чувствовала его горячие пальцы на своей коже.

Тяжёлая драгоценность послушной змеёй улеглась на груди. Щёки и шея нещадно горели, выдавая чувства Элен с головой.

Бархатный баритон полушёпотом разлился у неё над макушкой:

— Сегодня вы будете блистать!

С самого первого раза, с тех самых "вишен" на первой встрече, его голос гипнотизировал её, она с этим ничего не могла поделать.

Вот и сейчас она стояла зачарованная, околдованная. Недолгие минуты длились слишком долго, она уже не вмещала в себя всё счастье.

Он предложил ей руку, проводил до двери:

— Отдыхайте до вечера.

Какое там отдыхайте! Марева уже всё знала, выхватила её из сопровождения Сеула, встретила как всегда "радужно":

— Чего сияешь как медный таз?

И уже неслась к швеям. В мастерской закипела работа, надо было подогнать то, что имелось.

Перебирая платья одно за другим, прикладывали к коже девушки. Мареве всё не нравилось. Надо было выбирать поскорее, времени в обрез. Работа предстояла нешуточная.

Марева злилась. Остановились на платье небесного цвета. Шёлк в бликах морской волны, в переливах, то что надо. С украшениями из бриллиантов в ореоле аквамаринов будет роскошно!

Элен была в эйфории, позволяла крутить себя, дёргать. В животе у неё не то что бабочки, табун скакунов метался от радости.

В голове плясала, кружилась мысль "Он выбрал меня!"

Покинув швейную мастерскую, Марева примчалась с Элен на урок соблазнительных танцев. Руфина и Армисия уже были в зале.

Элен подстроилась, стала повторять движения за всеми. Лилась плавная музыка. Марева уселась в подушки, вытянула ноги.

Со смешанным чувством Элен наблюдала за движениями танцовщицы.

Не напрасно она терпеть не могла эти гаремные телодвижения.

Плавно водя руками по изгибам своего тела, облизывая подрагивающие губы кончиком языка, женщина показывала что делать дальше.

В такт раскачивая бёдрами, брала виноградку, водила по груди, обхватывала губами, в глазах появлялась поволока.

Не сходя с места, рисовала бёдрами восьмёрку. Резко повернулась спиной, дёрнула задом вверх-вниз. Три коротких, один длинный...

Нет, нет, это не танец. Это шоу для мужчин, откровенное приглашение к сексу.

Эту танцовщицу сменила другая, та, что учила вальсу.

Марева прогнала Руфину и Армисию. Сегодня не их день. Сама не спускала глаз с Элен.

Вот тут девушка напряглась по настоящему. Сегодня у неё экзамен, там точно будет вальс и ей надо быть на высоте!

После обеда набежали массажистки, мастерицы; засучив рукава, принялись за девушку. Марева всех подгоняла, нервничала.

Наконец, всё закончилось. Марева придирчиво кружила вокруг, осматривая Элен.

Облитая драгоценностями, в ворохе тончайшего кружева и шёлка, она выглядела достойной спутницей самого богатого холостяка.

Элен была счастлива. Ощущала себя диснеевской принцессой, барбичкой из детского мира!

На неё напал страх,

— Марева, я боюсь.

— Знала бы ты, как я трушу! Ты ведь и вправду дура-дура. Ни встать, ни сесть не умеешь. Ну, что делать.

— Маревушка, дай совет, научи.

Марева провожала девушку к карете, всё наставляя, втолковывая:

— Не ешь там, ты не с голодного края. Не пей. Фужер возьми, в руках крути, губами не

ляпай. Останется след на стекле и будешь, как свинья стоять.

Помогая сесть в карету своей протее, поправляла складки. Добавила:

— На все вопросы отвечай:

не знаю. Уж лучше выглядеть глупой, чем брякнуть то, что потом не исправить.

Она хлопнула дверцей и долго смотрела вслед удаляющейся карете.

Элен потеряла её из виду, вздохнула в радостном предвкушении.

Она даже не догадывалась, что её ждёт по возвращении...

Двери зала распахнулись. Лорд Алонсо предложил ей руку она несмело, почти неслышно взяла его под локоть, смутившись от такого внимания.

Он был так близко от неё, слышен был его запах, она касалась его плеча. У неё кружилась голова от восторга.

Мужчина, которому она доверила руку, интересовал её всё больше и больше.

Дворецкий провозгласил прибытие лорда Алонсо со спутницей. Она видела, что им кивают, сама вежливо кивала в ответ, понятия не имея кто это, что о ней думают и что надо думать ей самой.

У Элен сбилось дыхание, сердце частило пулемётом от того, как много глаз оценивали её. Новые туфли порядком натёрли ноги, но девушка держала осанку, шла легко, чуть задрав подбородок.

Вскоре они затерялись в толпе, напряжение обручем сковало Элен. Лорд Алонсо был вежлив, уделял ей внимание, представлял как свою спутницу Элен.

А она в панике всё ждала, что ей зададут вопрос, на который она не будет знать как ответить.

Мимо сновали официанты с подносами. Вино, шампанское лилось рекой. Фуршетный стол был завален изысками.

От блеска драгоценностей, шороха шёлка, негромкого смеха, музыки, от праздничного гула кружилась голова, звенело в ушах.

Элен сжималась внутри от любого слова, обращённого к ней, ожидая что разоблачат её как самозванку, в прямом смысле, свалившуюся с неба.

Заиграл вальс.

Алонсо предложил ей руку, проследовал к центру зала. Элен успела подумать, как хорошо, что она вчера весь день репетировала с учителем, а потом наедине долбилась с этим танцем.

Алонсо оказался чутким партнёром. Его крепкая рука держала ее за спину, другая переплелась с её пальцами. Элен мечтала, чтобы танец не кончился.

Его стелющиеся, плавные движения по мозаичному полу увлекали Элен за собой, она ступала ему в такт, невесомо кружилась.

Заметила, с каким восхищением следят за их парой.

Ещё больше отклонилась назад, выпрямилась, приподняла локти, вытянула пальчики на его плече. Его глаза, ставшие почти коричневыми, цвета густого янтаря, неотрывно смотрели ей в лицо.

Музыка закончилась, шаги замерли.

— Вы отлично танцуете, — прошептал на ухо так, что у неё мурашки рванули по всему телу.

Алонсо подвёл её к диванам, где расположилась стайка женщин. Вальяжно обмахиваясь веерами(с единственной целью продемонстрировать свои украшения), женщины синичками щебетали о том, о сём.

Она проводила его взглядом до двери, оббитой зелёным сукном. За ней видна была буфетная, столики, крытые тем же зелёным сукном. Мужская берлога, в которой не было места для дам.

Элен повернулась к дамам, перехватила их взгляды, зависшие на крупных бриллиантах её колье.

Женщины сделали вид, что продолжают интересную беседу. Элен не понимала, о чём они, ей оставалось просто слушать.

Каждая в этом щебете пыталась вставить реплику поумнее, хвастаясь у кого на каком курсе учатся дети в Академии Драконов, где какие сменились деканы, какие приглашены новые профессора.

Обычные разговоры обычных матерей. Ясно, они перечисляют регалии своих детей, хвастаясь кошельками своих драконов.

Наконец, дамы заметили Элен, хотя умышленно делали вид, что не замечают.

— А вы, милочка, невеста лорда Алонсо?

Элен поперхнулась. Началось! Вот что ей ответить? Что она на третьих позициях проходит кастинг? О небеса! Поэтому ответила просто:

— Я надеюсь.

Обмахиваясь веерами, дамы молча продолжали смотреть на неё, ожидая услышать чтонибудь ещё, поинтереснее, о чём можно будет посудачить.

— Простите мою дерзость, я несколько растерялась. С вашего разрешения, пройдусь. — Элен постаралась как можно вежливее откланяться.

В спину слышала:

— Лорд Алонсо самый богатый холостяк.

— Да, в этом году он занесён в пятёрку богатейших драконов.

— Она простовата для него.

— Да, у богатых драконов свои причуды, кто знает, что он в ней нашёл.

Элен отошла от них подальше. Пусть судачат!

Побродила по залу. Вращаясь среди непринуждённого смеха, звона бокалов, плавно скользящих гостей увидела его.

Он разыскал её глазами и сейчас направлялся к ней. Она вся вспыхнула, ей захотелось побежать ему навстречу, обнять, прижаться к нему всем телом. Элен попыталась взять себя в руки. Глаза предательски сияли, сердце тарахтело.

Алонсо был не так щедр на взаимность. Это остудило её пыл.

Неожиданно к ним подошла женщина. Она была необыкновенной красоты, с чёрными волосами, и улыбкой на лице:

— О! Братец. Давно не виделись.

Черноволосая красотка скрестила на груди изящные руки в чёрных перчатках по локоть. Перевела взгляд на Элен. Злые, непримиримые глаза буравили девушку, море огня топило узкий зрачок.

Ужас пробил Элен от этого взгляда. Алонсо не отвечал, сделал шаг вперёд, плечом заслонив Элен.

Красотка грациозным, плавным движением взяла фужер с шампанским с мимо проплывающего подноса, не сводя глаз с Элен.

— Ты с новой девкой? На каких помойках ты их собираешь, братик? От неё же человечинной прёт. Фу...

Элен заметила, к ним быстрым шагом приближался мужчина во фраке.

— Стелла, ты выпила, пойдём, дорогая — он попытался взять её за локоток. Она

выдернулась, прошипела;

— Не лезь, когда я с братом разговариваю.

— Стелла! — совсем по другому прозвучал голос её спутника.

— А? Что такое? — мгновенно сменила роль черноволосая. Голосок её стал елейным, она улыбалась. Вот актриса! (Большой театр аплодировал бы ей стоя!).

Элен стало нехорошо, она сердцем почувствовала, какая угроза таится для неё в этой красоте.

Проводив глазами удаляющуюся Стеллу, Элен и лорд Алонсо вышли на террасу. Конечно, Элен с благодарностью отметила про себя, что Алонсо сразу защитил её от нахалки. Заслонил собой, Элен оставалось только выглядывать из-за его плеча.

Чудесный, тёплый вечер натянул сапфировое одеяло на небо, густая синева плотно укутала землю.

Он смотрел вдаль. Элен, собравшись с духом, отважилась спросить:

— Мой господин, зачем вам я?

Он недоумённо повернулся к ней.

— Столько очаровательных женщин ищут вашего внимания из... — (Элен хотела сказать "зверинца", памятуя о его сестре, вовремя прикусила язык),

— из вашего общества.

Алонсо отвернулся, ответил:

— Всё просто. Мы драконы огненной стихии. Не переносим сырости, влажности. Земли, завоёванные мною на Севере, требуют правителя. Мне нужен сын от земной женщины. Я наделю его волшебством дракона, а мать способностью к выживанию на севере.

Конечно, Элен не знала меры. Она снова открыла рот. У неё появилась куча вопросов. Он приложил ей палец к губам.

— Расскажите о себе, Элен.

Она чуть не потеряла дар речи. Он вопросительно смотрел на неё, тронул выбившуюся прядку волос. Она во все глаза смотрела ему в лицо, искала и не находила слов, что сказать.

— Я очень издалека. Из Москвы. — да, вот так просто решила сказать правду. Её говорить всегда легко.

— Вероятно, это очень далеко, я не слышал о таком поселении. Это где-то на севере?

— Да, мой господин.

— Кто ваши соседи?

— Я не помню.

— А как вы здесь оказались?

— Я не помню.

Он озадаченно посмотрел на неё. Отвернулся.

Снова стал далёким, отстранённым. От его расположения не осталось и следа.

Знала бы Элен, это только начало квеста, где цена поражения — смерть.

Один маленький косяк может испортить любой праздник.

Элен грустила, на негнущихся ногах брела за своим господином. Бал закончился, она возвращалась в замок.

Спускаясь по каменным ступеням, опираясь на его руку, с сожалением думала, о том, как бесславно закончился вечер.

Она зябла, предательский ветер холодными порывами прогонял её прочь из наивной мечты.

Подали карету. Алонсо сухо кивнул, развернулся на каблуках и скрылся, не оборачиваясь.

Девушка залилась слезами. Сколько она готовилась к балу, боялась брякнуть что-либо не так, выдать себя неумелым поведением, а попалась на простом.

Как ей не пришло в голову заранее придумать ответы на вполне законные вопросы. Рано или поздно, её бы спросили об этом! Она готова была прибить себя, отвесить подзатыльник, да что толку?

Элен чувствовала, что равнодушна к лорду Алонсо.

Теперь борьба с Армис и Руфиной приобретала совершенно другое направление.

Теперь ей надо не просто выжить и не оказаться перепроданной. Надо завоевать сердце человека, который ей симпатичен и от которого зависит её судьба. Блин, приходится признать, она полностью в его власти.

И вот, только Элен показалось, что она справилась, добилась взаимной симпатии, как снова провал! Она посеяла сомнения в своей искренности, не смогла толком рассказать о себе.

Конечно, откуда он знает, кто она. Может быть из враждующего клана, а может её выкрали из прокажённого поселения. Тут можно нафантазировать выше крыши. Как можно было не продумать ответ на этот вопрос!

Ну, а с другой стороны, кто соседи её поселения? Рассказать про Тверь, Новгород, может ещё Питер упомянуть? Если про Москву не знают, то и остальное перечислять ни к чему.

В невесёлом настроении, подъехав к замку, Элен тут же сбросила туфли. Натёртые до мозолей ноги с удовольствием коснулись холодных каменных плит.

Девушка, размахивая надоевшими башмаками, неспешно подошла к дамской гостинной. В ней, по обыкновению горели свечи, пылал камин, было тепло и спокойно.

В бордовом мареве уютного полумрака Элен заметила полоску света под дверью Руфины. "И чего ей не спится. Злюка. Да, войну она мне объявила нешуточную", подумала Элен, толкнув дверь в свои покои.

С удивлением увидела служанку в столь поздний час.

— Ты что тут делаешь так поздно? — Элен оглядела комнату. Всё было как всегда. Камин бушевал жарким пламенем, аромат цветов наполнял ночной сумрак комнаты. Всё же что-то было не так. Элен оглядывалась, интуитивно чувствовала тревогу.

— Э..., да я..., вам что нибудь нужно, госпожа? - служанка мычала что-то нечленораздельное, поспешно стягивая тряпки с рук. Она выглядела растерянно, голос подрагивал. Девушка с первой минуты не нравилась Элен, ей хотелось быстрее от неё

избавиться.

— Нет, только спааать, — Элен бросила на пол противные туфли, только хотела плашмя повалиться на кровать, как вдруг...

— Стой! — велела остановиться пытавшейся улизнуть служанке.

Та остановилась, пряча руки за спину.

На постели Элен, приглядевшись, увидела, что шёлк на подушке странно отливает голубизной.

Повернулась к Аманде — у той бегали глаза, дрожали губы. Подушка, тряпки на руках, странная служанка... Пазлы сложились!

Элен схватила подушку за угол и со всей силы врезала по голове Аманде:

— Почему наволочка блестит?

С ужасом обнаружив, что следом за подушкой с головы несчастной сполз пук волос.

Элен била, в истерике хлестала подушкой служанку, пока та не свалилась в угол.

Элен увидела, как с девушки пучками слезают волосы. Её череп был наполовину лысым, редкие пряди ещё свисали с него. Элен выпустила подушку, в ужасе посмотрела на свои руки. Схватила кувшины, стала лить на руки всё, что попадалось: вино, воду, пытаюсь смыть с них отраву.

Элен накрыло первобытным ужасом. Она закричала, бросилась в коридор, пытаюсь позвать на помощь.

Стража стояла не шевелясь, из своих покоев выскочила перепуганная, растрёпанная Армисия, Руфина не появилась.

Элен в панике металась по коридору, решила бежать к Мареве, ей навстречу появился Сеул.

Элен тыкала в сторону своих покоев, глотала воздух ртом. Схватила Сеула за руку, тут же выпустила, ощутив холодную сталь его браслетов с острыми шипами.

Побежала к себе, Сеул не отставал.

Армисия стояла на пороге её комнаты, не решаясь войти. Посторонилась, пропуская Элен и Сеула.

В комнате служанка ползала на четвереньках. Безумно оглядываясь по сторонам и тяжело дыша, собирала волосы с пола, прикладывая к лысой голове.

Растерзанная подушка валялась рядом, всё было залито кровавыми лужа вина. До Элен издалека добралась мысль, что сейчас на месте служанки должна была быть она сама! Она могла облысеть, или даже умереть.

Элен пыталась унять дрожь, сердце колотилось, как после стометровки.

Краем глаза она увидела, что Армисия сбегала за Маревой, изображение поплыло, а дальше темнота...

Очнулась Элен в гостинной. Было светло от того, что зажгли все свечи, имеющиеся в комнате. Марева прикладывала ей холодную тряпицу ко лбу.

Элен хотела вскочить, прятаться, девушке казалось, что теперь за ней охотятся. Только что она убедилась, что игры "плохой-хороший" закончились. Ей реально пытались навредить.

— Ну, ну, успокойся. С тобой всё хорошо. — Марева спокойно сидела рядом, ничему не удивлялась.

— Марева, кто-то хотел меня убить, — судорожно цепляясь за руку старухи, скороговоркой шептала Элен.

— Теперь всё хорошо, — Марева успокаивала дрожащую девушку.

— За что, я не сделала никому плохого — Элен тоненько плакала, размазывая слёзы по щекам.

— Когда решается судьба человека, демон в чёрном сердце распускает крылья.

Элен немного успокоилась. Встала, прошептала: "пойду к себе".

— Э, нет. — Марева усадила её обратно на диван. Туда теперь нельзя. Там всё уберут, помогут. А ты сегодня здесь поспи.

— Нет! — взвилась перепуганная Элен. Только не здесь. Тут до меня может добраться любой, — Элен снова разрыдалась, говоря сквозь всхлипывания:

— Я теперь всего боюсь. Вот пить хочу, а вдруг вода отравлена?

— Хочешь, иди поспи в своей камерке. Там ещё не занято. — Марева дружески потрепала девушку за плечо.

"Бежать с поля боя? Ну уж нет. Дратся, так до конца", — к Элен вернулось самообладание, способность мыслить.

— Ладно, спасибо тебе, Марева. Я тут останусь. Скоро рассвет.

— Хорошо.

Марева ушла, Армисия, всё время простоявшая перепуганным истуканам, пошла в свои покои.

Тяжёлая, бессонная ночь продолжалась.

Для Элен принесли перину, свежие подушки, новое шёлковое бельё. Застелили диван, притушили свечи. Камин плескался жарким огнём, чернота ночи расползлась по углам. Снова было тихо.

Девушка сидела в любимой позе, подтянув колени к подбородку. Перед глазами обрывками мелькали картинки с бала, злые глаза Стеллы. Безумные, белые от ужаса глаза служанки, ползающей по полу. Элен засыпала, вздрагивала, вновь проваливалась в дремоту.

Теперь она точно понимала, что вступила на дорогу войны, которую ей навязали. Сначала в этой войне надо выжить, а уж потом завоевать право быть избранной драконом.

Утро добрым не бывает не только по понедельникам. Вряд ли оно будет радужным после ночи, когда тебя хотели отравить. По всему видать, в стане драконьей не все об этом знали.

— Доброе утро, госпожа!

Незнакомый голос доносился откуда-то сверху.

Элен резко села, не успев проснуться. Сквозь золотистую дымку рассвета увидела перед собой незнакомку.

Круглолицая девушка в белом чепце, тёмно-коричневом платье с сцепленными руками на животе улыбалась.

Элен натянула одеяло до глаз, настороженно озираясь. Вспомнила весь ночной кошмар, рухнула в подушки, уткнувшись в них лицом. Девушка терпеливо ждала, не меняя позы.

— Ты кто? — Элен снова села.

— Я Клотильда. Или Тильда. Как вам удобнее. Я ваша новая служанка, а вы моя дорогая госпожа. К вам прислала меня госпожа Марева.

— Откуда прислала? — до Элен ещё не всё доходило. Плавая в обрывках ночных впечатлений, кожей ощущала опасность вокруг себя.

— Госпожа Марева забрала меня из сиротского дома. Я специально училась прислуживать богатым леди. Госпожа Марева выбрала меня специально для вас, да, для вас. Так и сказала: "Смотри, Тильда, ты будешь служанкой самой шикарной белой леди. Старайся!" Я буду, буду стараться, госпожа Элен.

Элен всё думала о своём, не прислушиваясь к служанке. Та всё говорила, не останавливаясь. Вот болтушка!

— Сегодня все вещи из вашей комнаты сожгут, да, сожгут, чтоб не осталось заразы...

Элен не дала ей договорить, кинулась в свои покои.

— Стойте, вам нельзя туда, нельзя — Тильда пыталась остановить Элен.

— Заткнись! Пошла вон! — Элен в ярости обернулась на Тильду.

— Постойте, постойте. Дайте, я принесу то, что вам надо. Так мы уберём вас от отравы. Вдруг она на всех вещах.

— Прости, Тильда, я не хотела тебя обидеть.

Служанка смущённо опустила глаза. Элен рассказала ей, где спрятала корзину.

Вдвоём они подошли к порогу. Элен побоялась толкнуть дверь в свои покои, вдруг на ручке остались следы состава, что были на подушке.

Заглянула в свою комнату и не узнала её. Хмурая, чужая, кругом пух, влипший в кровавые лужи разлитого вина. Всюду ужасные клочья волос. Они казались мёртвыми змеями, скорчившимися, скрутившимися от невыносимой боли. От них исходило что-то тошнотворное, Элен поспешила отвернуться, сдерживая порыв рвоты.

Добрела до дивана.

Расторопная девушка примчалась через минуту с вещами. Элен хотела их взять, Тильда остановила её жестом.

Вынимала вещи по одной, щупала, прикладывала к лицу, к голове.

— Тильда, надо это сберечь и снова спрятать в новой комнате.

— С радостью, госпожа.

Элен подманила девушку к себе. Её до сих пор мутило, страх волнами перекатывался, топил её. Ей не хватало воздуха. Истерика всё крепче сжимала в своих объятиях. Её снова окунуло в ужас прошедшей ночи. Элен махнула:

— Воды!

Выпила холодной водички, отдышалась, успокоилась.

Утро забирало свои права. Готовились к обязательной церемонии завтрака. Тильда оказалась умничкой. Привела Элен в порядок. На лице госпожи ничто не напоминало о слезах и волнении.

Прибыл Сеул, звякнул колокольчиком, приглашая всех к столу.

У Руфины закончился арест, она первой выплыла из комнаты. Увидев Армисию, по привычке хотела съязвить. Осеклась, перехватив взгляд Элен.

В гостинной, где подавали завтрак, женщины заняли свои места. Их общение свелось к вежливому кивку. Они казались вполне сдержанными людьми.

Лорд Алонсо долго не появлялся. Дамам предложили кофе. Чарующий аромат восхитительного напитка, одуряющий ванильный дух горячей выпечки, яркие всполохи солнечных бликов на хрустале делали утро нарядным, ярким.

Дамы не смели притронуться к завтраку в отсутствии своего господина, не произносили ни слова. Зачем слова, когда Руфина источала ненависть молча, Армисия пряталась ото всех, перебирая бахрому скатерти. Элен дразнила Руфину, пристально глядя ей в лицо.

Лорд Алонсо вошёл, всё пространство вспыхнуло, запылало тревогой. Повисла та особенная тишина, которая бывает перед первым раскатом грома.

Алонсо опёрся на кулаки, навис над столом. Он смотрел на Руфину, из него вырывался рык такой дикий, звериный!

Глаза полыхали раскалёнными углями, на лбу выступили тёмные полукружья чешуи. Тонкий батист белоснежной рубахи лопнул, расползлся на плечах, обнажая острия вздыбившихся чешуй.

— Ты посмела влезть в мой выбор! — он говорил медленно, отдельно, чеканя каждое слово.

Алонсо указал подбородком на Руфину.

Сеул мгновенно оказался позади неё, схватил за плечо и увёл за собой.

Несомненно, лорду доложили о ночном происшествии.

Из служанки Элен, Аманды выбили кто и как задумал содеянное, дал ей порошок и научил сделать то, что она и сделала. Она назвала имя Руфины.

Элен догадывалась, что это происки Руфины, но ей и в голову не пришло, что бабьи дразги так взбесят Алансо.

Лорд сел, знаком разрешил ухаживать за собой. Кивком пригласил девушек к завтраку. Они всё ещё не могли перевести дух, тупо уставились в свои чашки, не в силах проглотить кусок.

— Ешьте! — Алонсо так жажнул по столу кулаком! Подпрыгнули ложки, чашки, фрукты. Расплескались напитки. Официанты расторопно промокали лужицы, меняли приборы.

Через секунду весь стол снова сиял блеском, тонул в колких лучах разбушевавшегося солнца.

Лорд Алонсо шелестел газетой. Элен что-то ела, отпила глоток. Руки дрожали.

Армисия, напротив, спокойно лакомилась шоколадным тортом. Она была как лучший солдат.

Сказано утопиться — утопится, сказано есть — значит кушать, наслаждаясь едой. Её абсолютная покорность, отсутствие эмоций, и педантичность удивляли Элен. Что это? Страх за свою жизнь уничтожил сопротивление, или это метод отличницы, упорно рвущейся к своей цели?

Завтрак затянулся. В дверях появился Сеул.

— Элен! — Алонсо отложив почту, спокойно смотрел на девушку. Полукружья гневных чешуй исчезли, рубаха на плечах зияла прорехами. Голос дракона был спокойным.

— Вы под моей защитой. Никто и никогда вас больше не потревожит.

Алонсо кивнул. Сеул вышел на середину зала, бросил корзину. Из неё выкатилась голова Руфины.

Окровавленные пряди чёрных волос на отрубленной голове. Сдавленный крик Армисии, поплывшая белая скатерть перед глазами...

Это последнее, что помнила Элен. Она свалилась в обморок, Сеул отнёс её в покои.

Элен лежала в своей кровати, в окно били лучи солнца, она слышала, как ветер скребётся в стёкла.

До неё доносился негромкий говор.

— Как она?

— Всё хорошо, госпожа Марева.

— Смотри, Клотильда, шкуру с тебя спущу, если с ней что не так.

— Не беспокойтесь, госпожа Марева. Я присмотрю за нашей Эленочкой.

Разговоры стихли, Элен окончательно пришла в себя.

— Как хорошо, вы очнулись, моя госпожа! — Тильда махала веером над своей хозяйкой.

— Не извольте ни о чём беспокоиться, Эленочка, ни о чём. Вас теперь никто не обидит, точно-точно. Всех-всех наказали!

Тильда тараторила, Элен обратила внимание, служанка повторяет слова дважды.

— Так вот, служанку вашу бывшую, Аманду эту поганую, повесили. Ведьму, что дала зелье, чтоб вам навредить, сожгли вместе с лачугой. Так им и надо, так и надо!

Тильда уже поправляла причёску госпожи, ловко справляясь с золотыми шпильками, продолжала:

— Великий дракон, лорд Алонсо, издал указ, что если волосок упадёт с любого, проживающего в замке, выкосят весь род виновного.

— Откуда ты знаешь?

— Так глашатаи с утра трубят на площади. Все только об этом и говорят.

— Подай воды.

Тильда шустро наполнила хрустальный фужер, поднесла Элен, самонадеянно заявила:

— А тут я вас буду защищать. Уж я им всем-всем покажу.

Забрала фужер, присела на коленки перед Элен, преданно заглянула в лицо:

— А когда у вас появится младенец, лучше меня няньки не найти, не найти!

— Что ты несёшь, Тильда. Какой младенец. Я такая же раба, как и ты. Просто служу другому.

— Да что вы, дорогая госпожа Эленочка. Что вы такое говорите! Посмотрите, какие розы прислал вам лорд Алонсо. — Тильда указала на огромный серебряный вазон, наполненный белыми цветами.

— Он такой тяжёлый, его двое слуг тащили. Хотела ближе к вашей кровати подвинуть, да, подвинуть. Так не смогла, сил не хватило, совсем не хватило! — Тильда развела руками, — Этих цветов столько, что я и перебрать ещё не успела.

У Элен забилось сердечко. "Ах, какая прелесть. Алонсо не рассердился на меня за обморок!", она вдыхала аромат цветов, касалась лицом холодного алебаstra шелковистых лепестков, зачаровано впитывала совершенство грандиозного букета. сердце наполнялось радостью. Подошла к окну, с нежностью прикасаясь к белым, хрупким, лепесткам, прижала их к лицу.

Тут же вернулось оглушающей вспышкой: Руфину убили. Женщину, которую она

проводила взглядом пару часов назад, больше нет.

Осмыслить произошедшее не удавалось. Мысли путались, было жалко несчастную девушку, было страшно за себя, а ещё примешивалось чувство вины.

Получалось, что косвенно виновата она, Элен. В попытках разобраться, разум сдал позицию эмоциям. Снова лились слёзы, душа рвалась от бессилия что либо изменить.

Элен вышла из покоев. На диванчике в гостинной сидела Армисия, бесцельно смотрела в окно.

— Ты как? — Элен под села рядом.

Армисия пожалала плечами. Её лицо ничего не выражало.

Что тут спрашивать. И так ясно, всем тяжело.

Можно же было наказать по-другому: сослать куда-то, ну, перепродать, наконец. Но убить! Такой жестокости в человеке она не предполагала.

Чтобы отвлечься, Элен спросила:

— Армисия, скажи, тебе страшно с ним наедине?

— Мне с ним всегда страшно.

— Я имею ввиду постель. Он грубый, злой? — Элен не знала как спросить, стесняясь назвать вещи своими именами.

— Когда как. Он всегда проявляет инициативу. Если не слушаешься, злится.

— Это что же такое он требует, что можно не послушаться?

— Всякое бывает.

Девушки молчали.

Армисия повернулась к Элен, спросила, сощурившись:

— Мы вдвоём остались. Кто следующий?

— О чём ты — Элен непонимающе смотрела на рыженькую.

Кинжальный блеск распорол взгляд Армисии, вырвался из её нутра, достиг самого сердца Элен.

Ровно на секунду. Тут же стал прежним, потух, повис пустотой.

Так вот она, сущность "отличницы"! Элен сидела сражённая открывшейся ненавистью соперницы. Армисия всегда казалась такой нежной, милой, беззащитной. Но этот взгляд! О божечки, что же варится, кипит внутри этой рыженькой головки.

Элен как ошпарило открытием. Ей больше не хотелось сидеть рядом с этим скрытым чудовищем.

Чтоб немного развеяться, она отправилась бродить по замку. Ноги привели её на нижний этаж, к комнате, в которой обитала Марева.

Старуха дымила трубкой, потягивая что-то из длинного носика серебряного кувшина. Вопросительно уставилась на появившуюся в проёме Элен.

— Марева, что мне делать?

Старуха прищурившись смотрела на Элен. Дым застилал ей глаза, она не спешила с ответом.

— Мои советы денег стоят.

— Ты знаешь, у меня нет денег.

— Знаю. Поэтому дай слово, станешь его женой, замолвишь за меня словечко.

— Замолвлю. Если стану.

Элен прошла в комнату, уселась на бархатную кушетку без приглашения. Покои Маревы располагали к уюту, много цветов, ковры, мебель. На Элен сейчас было не до уюта.

Марева пыхнула трубкой, вырвалось сизое облако дыма. Девушка терпеть не могла, когда курили рядом, дым из трубки жёг ей горло, но куда деваться, она в гостях.

Марева снова затянулась. Сквозь дым не сводила глаз с Элен.

— Истинной тебе не стать. — оборвала себя на полуслове.

— Ты молчишь? Хочешь что-то сказать и не решаешься?

— Иди, Элен. Иди... Придёт время, скажу.

— Армисия, она кто? — Элен перевела разговор.

— Раскусила её? Она баба подлая. Не в пример тебе, простоте деревенской. Смотри, не ведись на её "тупые глазки".

— У меня тут друзья есть? Что ж я как в банке с пауками?

— Ты здесь не для того, чтоб друзей собирать.

— А для чего?

Хитрая старуха сделала вид, что уснула. Девушка ушла, она, попыхивая трубкой проводила её взглядом сквозь опущенные ресницы.

Что ж делать. И она, древняя, изворотливая сводня, была грешна. Собирала все сплетни, не гнушалась судачить с торговками на ярмарке. Всюду у неё были свои уши.

Её приглашали в серьёзные дома, просили помощи в щекотливых делах.

Вот только и сама она ходила по гадалкам, по ведьмам. Знала их наперечёт. Заказывала приворотные настойки, отворотные зелья. В её сводническом деле без этого никуда.

Так вот, было ей пророчество, что появится северянка из ниоткуда. Девушка с длинными, белыми волосами и белой кожей. Станет она усладой для глаз и сердца дракона. Внук её наведёт порядок на тех землях, куда заведёт её судьба.

Однако, в тех пророчествах было большое НО. Опасность будет поджидать Белую на каждом шагу. Судьба коварна и есть вероятность, что не доживёт северянка до рождения сына. Уж больно коварные силы вступили в игру. Тут уж кто кого перевесит.

Пропечённая жаровой жизни, эта бабушка для себя точно решила, на чьей стороне будет играть.

Как ощутить роскошь? По запаху.

Входя в гостинную на завтрак, Элен вдохнула дорогой дымный аромат сигары.

Воздух, напоенный запахом гостя, звенел роскошью. Всё, начиная с кончиков его наманикюренных, ухоженных ногтей, с крупного перстня с бриллиантом на левой руке. С манжетов на лёгкой бриллиантовой запонке до причёски, уложенной волосок к волоску, говорили о статусности хозяина.

Незнакомый мужчина (как оказалось, отец Алонсо, лорд Ванишгтон), в белом кителе, шитым золотом, вальяжно развалился в кресле перелистывая газету.

Лорд Алонсо, кивком приветствуя девушек, продолжил перебирать почту.

Соперницы присели, расторопные официанты предложили чай, кофе. Их ловкие руки неслышно летали вокруг красоток. Казалось, сами официанты были произведением волшебства: их не было слышно, видно, но порядок на столах был абсолютный!

Вскоре перед каждой из девушек стояли дымящиеся оладьи, блинчики.

Драконы, не обращая внимания на дам, говорили о своём, неспешно перелистывая полосы газетных разворотов.

— Алонсо, драги свирепствуют на Северных землях, надо бы их урезонить.

— Это не ко мне. Обратись к Стелле. Её муж этим заведует.

— Драги гребут без разбора женщин, скоро рожать будет некому. Мужиков натащили немерено, армия драгов раздута.

С твоих земель идут жалобы, вот ты и обратись к сестре.

— Она мне не сестра, — зло парировал Алонсо.

— Ну, ладно, ладно. То, что у вас разные матери, не повод отказываться от Стеллы.

— Она пьёт и не держит себя в руках. Ты знаешь об этом. В серьёзные дома её приглашают только потому, что боятся обидеть меня, то есть мои капиталы.

— Ну, что с ней поделать, — миролюбиво закрыл тему лорд Ванишгтон.

Завтрак давно закончился. Слуги убрали приборы, на столе появились фрукты. Элен пристально смотрела на Армисию, находя в девушке новые черты, которые ранее ускользали от неё.

Армисия, как всегда, делала вид что её тут нет. Бесцельно перебирала предметы на столе, наконец уронила кофейную чашечку. Та с тонким звоном разлетелась вдребезги, нарушив тишину.

Драконы прервали беседу. Лорд Ванишгтон впервые обернулся к девушкам, сидящим на другом конце стола. Отложил сигару, задержался на них взглядом. Хмыкнул.

— Алонсо, ты уверен, что хоть одна из них пройдёт собрание Совета Драконов? Мне кажется, они глупы, не образованы. Из всех достоинств, разве что хорошенькие.

Алонсо терпеть не мог поучений отца. Казалось, старый брюзга только за этим сюда и приезжает. Но, как бы не сердился на папашу, нет-нет, брал что-то дельное себе на заметку.

Впрочем, по привычке дал отпор:

— Не эти, другие найдутся. — закрылся газетой.

Лорд Ванишгтон повернулся к сыну, нахмурился:

— Прошу тебя не забывать о договорённостях. Пока твоему сыну не исполнится

двадцать, мы не можем поставить правителя в Северные земли. А у тебя ещё даже матери нет для него.

Алонсо, не вылезая лицом из газеты, что-то буркнул.

— Белая в приоритете, — лорд Ванишгтон сделал паузу, чтоб отхлебнуть вина,

— У Северных все с белыми волосами. Значит и наследник будет невосприимчив холоду.

Элен всё бесило и коробило. О ней говорили как о породистой лошади. Вообще, у неё кто-то собирается спрашивать про её личное мнение?

И раз она, Белая, такая зачётная, к чему игры с выбором? Армисия тогда что тут делает?

Раздрай в мыслях, обида на его отца отвлекли Элен. Она не заметила, что им дали сигнал выйти. Армисия направилась к выходу, Элен с опозданием поспешила за ней.

Вопрос настиг её уже у двери.

— Говорят, вы были на балу.

И как впечатления?

— Разве подданные своего господина могут иметь личные впечатления, милорд. Я рабыня и хорошо знаю своё место — злость на своё положение бушевала в ней, она, как всегда, не вовремя прикусила язык.

Лорд не нашёлся, что ответить.

— Ну эта хоть понимает, кто она, — озадачено произнёс лорд Ванишгтон.

Повернувшись к сыну, предложил:

— Их надо бы подучить.

— Уж не в Академию Драконов ты хочешь купить им абонемент? — ехидно ухмыльнулся Алонсо, дразня папеньку,

— Лучше мозгоправа поищи для своей дочери.

Лорд Ванишгтон пропустил колкость мимо ушей.

— Ну, раз ты не нашёл никого достойного себе в пару из Академии, пусть Академия доберётся до твоих баб. Здесь, в замке.

— Не начинай, — Алонсо закипал.

Сеул увёл девушек из гостинной. Элен шла впереди Армисии, спину ей жгло завистью. Армисия молча переваривала слова про "белая в приоритете".

Элен резко остановилась, повернулась к сопернице:

— Хочешь что-то спросить?

Армисия от неожиданности опустила глаза, помотала головой.

"А вот я хочу спросить. Много чего. И ответы эти у Маревы!", Элен отправилась к старухе, не заходя в свои покои.

Она торопливо шла по коридору, моля только об одном, чтоб Марева никуда не умчалась по своим делам. Как назло, у сводни было заперто. Элен стучала, бессильно била кулаками, зная, что за дверями никого нет.

Что делать. Ответы ей нужны немедленно. Элен нарезала круги по коридору, нетерпеливо поджидая старуху. "Вот где её носит!", — когда Элен загоралась вопросом, она не могла от этого отделаться.

Как только услышала не по возрасту лёгкие шаги Маревы, бросилась ей навстречу.

— Вот где ты ходишь! — они давно стали на "ты"

— Где надо, — беззлобно огрызнулась Марева, неспешно доставая связку ключей.

Элен собираясь войти в комнату следом за сводней, чуть не получила дверь по лбу:

- Подождёшь.

Элен выдохнула. На самом деле, что за спешка. Надо учиться брать себя в руки. Из-за закрытой двери донеслось:

— Заходи.

Элен нетерпеливо толкнула вожделенную дверь.

Красивый интерьер, высоченные окна заливали комнату светом. Россыпи цветов, изящные вещицы вперемешку со всякими снадобьями в баночках.

Сваха ценила роскошь, окружала себя приятными тканями, богатыми коврами.

Вбежав, Элен уставилась на Мареву, разжигающую камин. Старуха, переодевшись в свободную домашнюю тунику, накинув поверх неё алый шёлковый халат, возилась с дровами.

Поленница дров развалилась, Марева не торопясь складывала её снова.

— Почему у тебя нет служанки? Ты, такая богатая, делаешь чёрную работу сама.

— Не твоё дело. — Марева поднялась с колен. Удобно расположилась на бархатном диване среди разноцветных шёлковых подушек:

— Ну, говори, зачем пришла.

— Отец лорда Алонсо говорил, что драги разгулялись на Северных землях. Это где?

— Зачем спрашиваешь?

— Понимаешь, он сказал, что ребёнок нужен, чтоб править там. Вот я и спрашиваю, где это? Географическая карта у вас есть?

— Какая карта?

— Ну ты совсем древняя, что ли. Этот рисунок с землями, озёрами и названиями. Там можно увидеть, в какой стороне север. Я ведь северная, может там моя земля. Я посмотрю на карту, вспомню откуда я, смогу показать Алонсо.

— Нет, про это ничего не знаю.

— Марева, он спросил меня, как я здесь оказалась. А я и сказать не могу. Не помню.

— Правда не помнишь, или говорить не хочешь?

— Вот и ты тоже. Я же говорю, что из Москвы. С неба к вам свалилась. Это правда!

— С неба, говоришь...

Марева спокойно, внимательно смотрела на девушку, молчала.

— Ну, а ко мне зачем пришла?

Элен решила сменить тему:

— А где Академия Драконов?

— Про это знаю. Отсюда полдня пути. А тебе зачем?

— Лорд Ванишгонг велел, чтоб оттуда учителя сюда приехали, нас с Армисией учить.

— Вот старый греховодник!

— Марева, там только дети лордов учатся?

— Нет, там все вхожи, у кого деньги есть.

— Эх, жаль, мне туда не попасть.

— Да ты ошалела совсем? Зачем тебе науки. Ты к лорду в постель с книжкой полезешь?

— Точно, я про учёбу у лорда Алонсо спрошу. А то скучно целыми днями ничего не делать.

— Ах ты, кукушка окоянная, — Марева не на шутку разозлилась, побдоченилась:

— Лучше думай, как лорда охмурить. Я вот диву даюсь, как на тебя вообще мужик залез!

Ты же не баба, ты же сама мужик!

Ни заигрываний, ни флирта в тебе ни капли. — Марева зло уставилась на Элен.

— Да я понимаю, о чём ты. — Элен встала, начала мерить комнату шагами:

— Просто это некрасиво, самой себя предлагать. И вообще, понимаешь... Ну не могу я об этом без любви думать.

У Маревы вытянулось лицо:

— Да это первая наука, которую ты должна выучить. Без всяких там Академиев!

Она немного отдышалась, успокоилась.

— Тебе драг о любви говорил, когда бил? Наверно руку и сердце предлагал, когда рёбра ломал? — старуха поднялась, кочергой поправила вывалившийся уголёк:

— Сядь, Элен, не маячь.

Недоверчиво посмотрела на Элен:

— Уясни. Здесь ты нужна как желанная женщина. Надо чтоб лорд захотел тебя. Вот посмотри на Армисию. Она же булка горячая, пирожок свеженький: разжигает в нём страсть на раз. Тут она тебя сильно обгоняет.

— Кроме влечения, мужчине нужен интересный собеседник.

— Э-эх, дура ты! Поговорить он и с папой может. Кулаки на войне почешет. А вот другое место ему надо в желанные ворота пристроить, — тыча Элен в лоб, зло выплюнула:

— Академия, карта, тьфу.

Марева снова встала, поворошила разгорающееся пламя. Алые языки огня жадно лизали головешки, требуя дров ещё, ещё!

Марева набила полное горнило дубовыми чурками, камин загудел, взвыл, радостно треща и разбрызгивая искры.

— Дай-ка мне воон тот кувшинчик, слева. И две рюмки.

Элен принесла, подала, что просили.

— Садись тут, — сводня хлопнула рукой возле себя. Налила стопочку себе, другую подала девушке.

— Что это?

— Ох, седьмое небо! Пей. Вишнёвочка это на травах настоящая. Враз успокоишься.

— Я не пью.

— Слушай, не зли меня, пей, говорю. Это для блеску в глазах и порядку в мозгах.

Элен зажмурилась, выпила. На редкость приятная, сладко-терпкая густая влага разлилась по груди. Элен сразу стало легко, спокойно. Тревога улетучилась.

— Послушай, девочка. Ты как-то всё с налёту пытаешься одолеть, узнать. Не торопись. Всему своё время.

Она помолчала, задумалась, глядя на огонь.

— Ставку, вероятно будут на тебя делать. Вот как решится вопрос, я тебе много чего расскажу. А пока нет у меня на это права.

— А если не в мою пользу решат, что со мной будет?

— Я и не знаю. Это уж Алонсо решит. Или в любовницах оставит, или подарит кому. А может, мне велит перепродать.

Элен уныло смотрела в камин. Да уж, перспектива.

— Чтоб не случилось такого, я тебя подучу. — Марева вся подобралась, придвинулась к Элен поближе.

Понизив голос, заговорила:

— Ты, девчуля, в комнате то не торчи. Почаще в сад выходи. Там беседка, качели. Садись так, чтоб он тебя из окна видел. Глазами привыкал. А как подойдёт к тебе, отвечай

на вопросы весело, звонко. Рассказывай ерунду какую, а сама пальчиками "чик-чик" от запястья да к его плечу. Он смотреть на тебя будет, а ты будто не замечаешь, всё щебечешь, улыбаешься. Пальцами не щекотай, плотно к его коже прижимай...

— Ох, пойду я, — Элен оборвала Мареву на полуслове, — не за тем я к тебе пришла.

— Вот то, зачем пришла, выброси из головы. А то скоро не Северные земли будешь искать, а пятый угол в чужом доме.

Элен вышла расстроенная. Её занимала мысль разобраться в географическом положении места, где она находится.

Почему нужен сын от неё, а не от драконихи (или как правильно, драконши?).

Откуда берутся драги и куда деваются пленные мужчины.

Да, кстати, а куда они деваются? Элен развернулась и снова пришла к Мареве. Толкнула дверь:

— Марева, я спросить забыла.

Старуха от неожиданности выронила трубку, которую пыталось выбить и раскурить заново..

— Ах ты, сорока окоянная. Чего тебе?

— Откуда драги берутся? Нет, не так хотела спросить, — Элен поправилась:

— Куда деваются пленные мужчины?

Марева поманила её к себе. Элен подошла. Марева сделала знак наклониться пониже. Элен приблизила к ней лицо. Звонкий, болючий щелчок глиняной трубкой по лбу заставил Элен отпрыгнуть.

— Всему своё время.

Девушки, от нечего делать, проводили время в гостинной.

Только что внесли свежие цветы. В открытых окнах плавно полоскался тюль на свежем ветерке. Элен валялась на бархатном диване в своей излюбленной позе.

Лёжа на животе, помахивала в воздухе ногами, рассуждала на тему скуки. Вот если бы она завела себе собачку, пуделька, например, сейчас бы играла с ним.

Элен прыснула, пытаясь расшевелить приятельницу, брякнула:

— Ах, пёсик такой тёплый, такой доверчивый, смотрел бы на меня преданными глазками, вот прям как ты, Армисия, на лорда Алонсо.

Со стороны Элен выглядела комично. Складки пышного платья свалились ей на спину. Из под них виднелись шёлковые рейтузы в кружевных оборочках. Над всем этим ворохом белых кружев туда-сюда мелькали розовые пяточки.

Элен, опершись на локти, ела персик, наблюдая за Армисией. Та, меланхолично покачивая ногой, удерживала свисающую туфельку. Не обращала внимания на Элен.

— Скукотища какая, Армисия. Чем вы тут раньше занимались?

— Ждали такую дурёху, как ты.

— Ой. Почему это я дурёха?

— У тебя на лбу написано: "Я не от мира сего".

Элен улыбнулась. Точно, она не из этого мира. Была.

— Армисия, пойдём в сад?

— Нет, в сад не хочу.

— Знаю, знаю. Ты туда только с лордом Алонсо ходишь!

Элен залилась звонким смехом.

Армисия хотела ответить, уже окрысилась. Но, вдруг, взглянув поверх головы соперницы вскочила, выпрямилась по стойке "смирно".

Элен посмотрела туда, куда уставилась Армисия. Тоже вскочила, запуталась в юбках, чуть не грохнулась. Так и замерла с надкушенным персиком в руке.

В гостиную вошёл Алонсо. Сеул остался на пороге, глядя на девушек тяжёлым взглядом из-под нависающего капюшона.

Лорд Алонсо прошёлся по комнате, осмотрелся. Повернулся к девушкам.

Подошёл к Элен, поднял её руку, откусил зажатый в ней персик. Глядя в глаза, произнёс:

— Какой сладкий...ммм. Так вишни или персики? — снова околдовав её волшебным баритоном, оставил заливаться краской.

Уселся возле камина, раскинув руки, как крылья.

— Присядьте, дамы.

Элен пыталась успокоиться. Чего она так вздрагивает при его появлении. Просто красивый мужик, просто он ей нравится. В спор с разумом вступило сердце: "Он небожитель. Красивый, сильный. Хищный, загадочный. Такого она раньше не встречала...". Голова за словом в карман не лезла: "А ещё он убивает женщин!" Сердце оттархтело: "В этом грозном мире свои правила"

Господин в белоснежной рубашке, одетый во всё черное (на нём даже мягкие сапожки чёрного сафтяна), интересовал Элен всё больше. Она нисколько не боялась его. Все её

"вздрагивания", это скорее, неловкость, неуверенность. Элен ещё не включилась в правила, не всё понимала и настырно искала ответы на свои вопросы.

Элен присела напротив Алонсо, забыв надеть туфли и избавиться, наконец, от растерзанного фрукта.

Армисия чопорно расправила складки, села в отдалении, пожирающими глазами уставилась на своего господина.

Наступила тишина, пауза затянулась. Алонсо что-то обдумывал, переводя взгляд с одной на другую:

— Как вы себя чувствуете в замке? Всего ли Вам хватает? Хотите задать вопрос?

— Да, мой господин, — Элен впопыхах прикидывала, с чего начать:

— Можно ли выходить из замка погулять? Разрешите хоть раз побывать в Академии Драконов? Так хочется завести собачку, а то скучно. Пуделя. Можно?

Алонсо смотрел на неё незнакомым долгим взглядом. Уголки его губ чуть тронула улыбка:

— Нет!

Ответ прозвучал спокойно, но настолько ясно, что заткнул фонтан всех следующих вопросов, столпившихся на языке Элен.

Девушка разочарованно взглянула на Армисию, ища поддержки, опустила глаза.

Соперница, писанная картина маслом, сидела не шелохнувшись.

Лорд Алонсо направился к выходу. На пороге обернулся, добавил:

— Больше вам скучать не придётся.

— Какая ты дура, Элен! — Армисия была на себя не похожа. Как только лорд вышел, зашипела в лицо "приятельницы":

— В другой раз говори за себя!

— Да что я такого сказала? — Элен искренне не понимала, что так вздрючило Армисию.

— Может, к драгам сбегаешь, прогуляешься? Там весело, не заскучаешь. Глядишь, снова тебе морду разобьют и кости переломают?

— Да я вовсе не это имела ввиду. Здесь реально скучно. Чем заниматься до вечера?

— Кретинище! — Армисия обхватила голову руками,

— Вскоре нам найдут занятие. Слышала, что он сказал? "Теперь скучать вам не придётся".

— Вот и хорошо, что не придётся! — Элен истеричным голосом передразнила Армисию, всё ещё не понимая, по какому поводу кипеш.

— Это из-за тебя Руфина погибла! Если бы не ты, мы бы вдвоём добивались его любви. Выбери он её, она бы оставила меня в любовницах. А ты. А я..., я тебя ненавижу! Вот откуда ты свалилась?

— Тебе лучше не знать, откуда, — Элен не готова была к такому обвинению.

Сначала хотела вспылить. Набрав побольше воздуха, уже повернулась к Армисии, готовая растереть её в лужу соплей, — осеклась.

Перед ней сидела глубоко несчастная женщина. Сердце Элен наполнилось жалостью, она присела рядом с соперницей:

— Армисия, мне горе, произошедшее с твоей подругой выжгло полсердца. Но это её судьба. Руфина знала, что делает. Ступила на минное поле и подорвалась.

Армисия недоумённо посмотрела на Элен. Последние слова ей были не понятны.

Девушка поправила рыжий локон, снова вернулась в своё коматозное состояние. Сидела не шевелясь, смотрела в окно ничего не выражающим взглядом.

— Чего ты боишься, Армисия? — Элен спросила, не ожидая услышать ответ. Ошиблась.

Ответ последовал незамедлительно.

— Я боюсь умереть.

— Поверь, не я тому буду причиной. Моя душа для дружбы открыта. Заходи.

Армисия сидела как оглохшая статуя. Элен надоела игра в молчанку. Подошла к окну, услышала в спину твёрдое:

— Нет!

"Ну, нет, так нет". Элен плюхнулась в подушки дивана. В памяти всплывали приятные мгновения сегодняшней встречи.

Его лицо, глаза. Плечи, стянутые комзолом, им явно было тесно, они бугрились, их нестерпимо хотелось потрогать. Тепло его руки. Он держал её запястье удивительно чувственно.

От одного воспоминания мурашки пробежали по спине. Откусывая персик, он встретился с ней глазами. О... Как будто он требовательно касался её кожи, её губ, а вовсе не персика.

На пороге появился Сеул. Кивнул Армисии. Она подскочила, быстро поправила юбки, победно зыркнула на Элен:

— Он позвал меня, а не тебя!

Элен провожала глазами "не" подругу. Было странное чувство пустоты в душе, но не было ревности.

Отношения этих двоих: Армисии и лорда Алонсо начались задолго до её появления. Они её не касаются.

Зато Армисия торжествовала. Уже в дверях обернулась и показала Элен язык.

Зануда уже достал его своим нытьём про наследника и Северные Земли!

Не частые беседы с отцом всегда приводили Алонсо в бешенство. Сегодняшний день не исключение.

Почему он, дракон, в пять раз богаче собственного отца, должен всякий раз выслушивать советы нудного старика!

Алонсо, заложив руки за спину, пытался унять раздражение. Огненный характер зверя давал себя знать. От малейшего неудовольствия быстро вспыхивал и долго тлел, подогревая собственную ярость.

Перекаtywаясь с пятки на носок, дракон привычно скользнул взглядом по зелёному сукну стола. Здесь всегда торжествовал порядок.

Уголок к уголку сложена стопка бумаг, малахитовое пресс-папье, вычурная золотая чернильница в виде несущего её на своей спине дракона. Несколько перьев лежали в ряд, как на параде.

По стенам, обтянутым тёмно-зелёным, почти чёрным бархатом с серебряными вензелями из сплетённых букв его имени.

Остановился взглядом на чуть приоткрытом окне.

Оттуда доносится щебет птиц. Кажется, это единственный звук, который его не раздражает.

Взгляд наткнулся на беседку, обвитую парнасской розой. Нависающие над ней вишнёвые деревья создавали над беседкой шатёр из тени, забрызганной кроваво-красными каплями вишен.

Вспомнилась девушка, светлая, наивная. И запах. Да, да именно её запах. Такой свежий, с нотками экзотической ягоды. Ах, эти запахи — магический дар и мучение драконов. Они безошибочно рисовали любую картину, выворачивая наизнанку скрытые чувства собеседника.

Алонсо всё ещё не познакомился с девушкой как следует. Даже там, на балу, не было минуты, чтоб разглядеть её. Собственно, запомнил, что девушка произвела фурор среди присутствующих (к этому он привык. Его спутницы всегда роскошны). Достоинo вела себя в приступе гнева сумасшедшей Стеллы. Прекрасно подчинялась, была ведома в танце, подхватила ритм. И глаза, в которые он заглянул однажды — бездонные, чистые, глубокие озёра. Вот и всё, что он помнил о ней.

Лорду Алонсо пришла мысль навестить эту самую "новенькую". Зверь сразу утихомирился в груди и с любопытством замер, ожидая встречи.

Лорд неслышно ступал в мягких кожаных сапогах по коридорам дамской половины, приближался к гостиной. Про себя отметил, как давно он здесь не появлялся.

Странно, его не манило сюда раньше. Однако, сейчас оттуда доносилось нежное щебетание женских голосов, смех. Ему было приятно окунуться в эту лёгкость.

Распахнув двери, поразился, как много света в этом зале. Встретился глазами с перепуганной Армисией (надоела уже своей трясучкой), споткнулся о любопытный, весёлый взгляд Элен.

От неё пахло персиком. Открытая, немного наивная девушка сама была как персик. Он с удовольствием ощутил нежный, медовый вкус фрукта, без спроса позаимствовав его у

хозяйки.

Наслаждаться присутствием Элен мешал взгляд Армисии. Она лезла в глаза преданной собачонкой.

Алонсо сам был зверем, для него преданность — опасный коктейль. Тот, кто лижет руку за еду и право быть рядом, будет лизать другую руку так же усердно. Стоит только сменить хозяина.

Вот та, другая, с запахом персика, что сидела с босыми ножками и удивлённо во все глаза смотрела на него — она интересовала его. Он должен признаться самому себе, она, эта новенькая, всё больше магнитила его.

Он знал таких женщин. Они из породы верных, из тех, что стоят тылом за твоей спиной и берегут твои крылья.

Добиться расположения таких женщин бывает не просто. Решение принимают они сами.

Драконы живут тысячу лет. Успевают прожить не один брак с земными женщинами. К сожалению, даже счастливый романс на двоих для одного из них всегда заканчивается раньше.

Алонсо разглядывал, сравнивал девушек. Такие прекрасные и такие разные.

Он решил проявить господскую щедрость, разузнать, есть ли какие желания у дам.

Ту чушь, которую вывалила на него Элен, заставила улыбнуться.

Это же надо, придумать завести зверушку, псину, то есть волчью гадость в его доме, в логове зверя.

Одновременно с этим, лорд сделал вывод. Прав был его отец. Головы у его дам ерундой забиты.

Раз женщины не ценят ленность и негу, значит они должны быть заняты.

Да так, чтоб продыху не было, чтоб мысли завести собачку в голову не приходило. Это он им устроит. Это он умеет.

Лорд Алонсо шёл к себе, обдумывая запрос в Академию Драконов.

В письме к ректору уточнил свои требования, нисколько не заботясь о том, как их предстоит удовлетворить ректору в середине учебного года.

Открыл верхний ящик стола, скрепил конверт печатью, передал посыльному. Не успел Алонсо закрыть волшебным ключиком печать в столе, как на пороге вырос курьер. Вручил конверт и отбыл.

Коричневый пергамент и красный сургуч по углам, не оставлял сомнений — тревога!

Зверь, только что успокоившийся, сладко дремавший, взвился пружиной, зарычал.

Алонсо нетерпеливо разорвал конверт, так и есть. Собираются восстания людей на Севере, где драги полностью вышли из-под контроля.

Зверь внутри него плясал пламенем, требовал немедленных действий. Ему, огненному существу, нужны были жертвы, кровь, много крови. Чтоб испытать её, затушить пожар, захлебнуться ею.

Алонсо, в противовес своему внутреннему существу не принимал решения в таком состоянии, ему надо было успокоиться.

Сеул был рядом. Исподлобья наблюдал за Алонсо, видел, как чешуя рвёт кожу на его лбу, наливаются железом мышцы, ворочается в горле рык.

Верный телохранитель стоял, сложив на груди руки, широко расставив ноги.

Алонсо тяжело дышал. Это единственный знак, что выдавал неуправляемую злость, но

Сеулу и этого было достаточно. Опытный поверенный во всех делах своего хозяина, он точно знал масштабы будущей сдачи.

— Собери всех военачальников ко мне. И чтоб северяне успели. Иди. Сеул склонил голову, направился к выходу.

Алонсо окликнул его, слова прозвучали хрипло:

— Приведи ко мне Армисию.

Он стоял, невидящим взглядом уставившись в окно. Постепенно успокаивался, дыхание становилось ровным, он ждал женщину, зная, что это лучшее успокоительное.

Армисия подошла неслышно, положила руку ему на плечо.

Алонсо схватил её, зажал между собой и столом. Развернул спиной к себе, брал жестко, о любви тут не было и речи. Это как лекарство от головы. Упираясь локтем в стол, держал её за волосы, рычал.

Армисия пыталась пружинить руками в стол. Это были самые сложные минуты её подчинения. Она терпела и вытерпела бы ещё. Лишь бы не обозлить его ещё больше.

Он завис над ней. Тихий рык зверя всё ещё утробно шевелился внутри него. Армисия неслышно выдохнула. Дождалась, когда он уселся на диван.

Мягонькой кошечкой мурлыкала рядом, касалась его шеи. Ласково перебирала волны густых кудрей. Нежно слизывала, разглаживала морщинки в углах его глаз.

Плавно, успокаивающе оглаживала стальные бицепсы, шею. Чувствовала, как он успокаивается, как чешуя уходит прочь. Лоб, плечи снова становятся гладким.

Рычание сошло совсем на нет, её господин успокоился, зверь уснул.

Армисии страшно было признаться даже самой себе, что она боится Алонсо. В своей ненасытной ярости он бывал жесток, к счастью, это бывало редко.

Руфина не верила ей, когда они говорили об этом. Пожимала плечами, рассказывала, что таким не видела его никогда. Может врала, подумала тогда Армисия.

Вернувшись к себе в покои, девушка аккуратно подняла волосы с шеи. В зеркале отражались вспухшие полосы царапин от острых чешуй.

Ничего, всё пройдёт. Не в первый раз. Этьена, служанка Армисии, молча, без разговоров, обработала раны своей госпожи. Она была так же неразговорчива, как и её хозяйка, однако по-своему очень к ней привязана.

Обрабатывая раны настойкой из пузырька в зелёном стекле, дула на них, чтоб не щипало. Этот заветный бутылёк ей передала Марева. Настойка и впрямь была чудесная. На утро от царапин не останется и следа.

Армисия повеселела. Хозяин любит её. Предпочитает её белой задавке. Ей так и хотелось выбежать в гостинную и перекиривлять Элен. Крикнуть:

— Он выбрал меня!

Ох и трудно же плавать в серной кислоте!

Это была любимая поговорка студентов в меде. В своё время Элен училась там на сестринском отделении.

Именно сейчас пришла пора убедиться, насколько отличные у неё были преподы, и как много успели затолкать ей в голову!

Единственно, чего Элен до сих пор не усвоила: она суёт нос куда не надо. И сегодня она нарвётся на тайну, о которой лучше бы не знала!

Те два умника-профессора, что прибыли из Академии Драконов были удивительно непохожими на педагогов.

Тот, что втолковывал новоиспечённым ученицам историю древнедраконьего царства, был высоким, широкоплечим.

С головы до ног одет в чёрную кожу: брюки, куртку, высокие сапоги. Сидел на столе, помахивая ногой, образно жестикулируя руками, рассказывал немыслимую хрень.

Сыпал кучей фамилий, названиями кланов. Элен хлопала глазами, временами даже пыталась уловить мысль — тщетно! Она собиралась понять всё что он говорит, хоть как-то уяснить лекцию, подняла руку:

— А давайте всё сначала?

Преподаватель уставился на неё:

— Как это?

— Я не понимаю того, что вы говорите. Давайте схему нарисуем, или систему пропишем. Кто чей папа, куда делась бабушка великого рода, я запуталась.

Армисия приободрилась. Она тоже нифига не понимала, но помалкивала.

Учитель присел перед Элен. Протянул руку, хотел коснуться её макушки.

Элен перехватила его руку:

— Не советую обмениваться со мной ласками, дяденька.

У мужчины, затянутого в кожу, глаза на лоб полезли:

— Миледи, с какого неба вы свалились?

— С далёкого, — Элен сдула со лба выбившуюся прядку.

Преподаватель попятился:

— Во-первых, вы не должны меня перебивать. Я говорю специальным кодом. Знания сами улягутся у вас в голове.

Он нервно ходил по комнате.

Остановился, засунул руки в карманы:

— Во-вторых, я протянул руку, чтоб поправить ваше внимание. Оно рассеяно. У меня для этого есть специальный инструмент — он показал ладонь, в ней светился синий треугольник.

Обиженка снова заходил по комнате:

— И вообще! Я высший профессор истории. Меня сюда прислали по высочайшему распоряжению!

— Простите. Я и вправду позволила себе лишнего.

Элен опустила глаза, Армисия торжествуя, пододвинула ей записку: "Элен, ты дура".

Закончив лекцию, обиженный дядька выдал тетрадки с домашкой и ушёл.

Второй преподаватель был сущим одуванчиком. Старенький дедок с облачком мягкого пуха вокруг головы смотрелся мило и не страшно.

Однако, с первого звука стало ясно, что он втолкует свою аптечную латынь любому в самые печёнки. И треугольник на ладошке не понадобится.

Лекция закончилась. Старик, шаркая, медленно шёл по коридору. Элен набралась смелости, догнала его:

— Скажите, Профессор, а есть ли у вас карта местности. Ну, где земля, замок нарисованы?

— Нет, милая, мы пользуемся звёздными картами. У каждого дракона есть навигатор, как у птиц, вот тут, — он похлопал себя по темечку.

Элен расстроилась.

— А вы, милочка, поройтесь в библиотеке лорда Алонсо. У них обширная кладовая книг. Знатный, знаете ли род, многое могут себе позволить. В том числе и диковинные книги.

Ну конечно! Элен мысленно хлопнула себя по лбу. Библиотека! В каждом приличном замке должна быть библиотека с книгами и с привидениями. Так в кино показывают. Элен мысленно улыбнулась, вспомнив слово "кино".

Распровавшись со старичком, отправилась искать библиотеку.

Так, где это... Элен вытащила факел из закрепа в стене, пошла по боковой лестнице вверх.

Марева как-то показывала ей замок, рассказывала где что.

Кажется, сюда.

Элен толкнула огромную дверь. Та на удивление легко поддалась. Запах сырой бумаги, затхлости ударил в нос.

Она вставила в лунку факел, огляделась. В сумраке полоч, наверху одного из стеллажей увидела скрученные в рулон свитки.

Наверное, это то, что надо. Она взобралась на самый верх, балансирую, стала стягивать один рулончик за другим.

Решила на полу разобраться, что это. Потянувшись за одним из них, замерла. Ей послышались голоса.

Только сейчас Элен сообразила, что она одна, в темноте, с одним единственным факелом.

Нет, конечно, привидений она не то, чтоб не боялась, но вообще-то боялась...

Да, точно, она слышит голоса. Оттуда, из-за стены.

Элен залезла повыше, на самых носочках потянулась к звуку. Говорили лорд Алонсо и лорд Ваништон.

— Алонсо, пойми. Твоя рыжая лучшая кандидатка в жёны. Она боится тебя до смерти. Слушаться будет во всём и всегда. Нарожает тебе детей, сколько захочешь. Знаю, что спать с такими, как зубы по утрам чистить. Скучища.

— Я не спрашивал совета — ровный голос Алонсо пытался заглушить фонтан папашиных разъяснений.

— Да я о времени пекусь. Это не совет. Твоя белая девчонка сплошная загадка! С такой проблем не оберёшься. Понравится тебе она, оставь в любовницах. Вон, только что старый барбос из Академии хвалил её. Говорит, в аптекарских делах прям молодец. Воот. Как надоест тебе белая, подаришь ей аптеку, или к знахарю спровадишь. Делов то!

Алонсо зарычал. Страшная вибрация разорвала воздух, Элен чуть не свалилась. Опрометью скатилась со ступенек, заметалась, соображая что делать.

До неё дошло, что это чья-то тайная лазейка и здесь кто-то подслушивает лорда Алонсо!

Она схватилась за голову. Кому-то надо об этом рассказать. Мареве? Она заставит забыть об этом и не высовываться.

Бежать к лорду? Да, наверное к нему. И что сказать? Сердце Элен колотилось, тархтело. В горле стало холодно, ей не хватало воздуха. Она остановилась, взяла себя в руки.

Это проблема, её надо решить. Только почему-то смелой быть очень страшно. Что сказать лорду? Так, Элен, думай, думай...

Девушка шла по коридору, так сосредоточенно думала, что просто не заметила, как наткнулась на Сеула. Он, как ночной леопард, бесшумно крался по коридору, выискивая, вынюхивая. Вот кто ей нужен!

— Сеул! Иди сюда, что покажу.

Он грозно нависал над ней своим ростом. Могучие, необъятные плечи, укрытые чёрным плащом, спрятанное капюшоном лицо наводили ужас.

— Ты ко мне близко не подходи, я тебя боюсь, Сеул, — Элен отступила:

— Возьми ещё факел, нам надо в библиотеку.

Элен не показала фразу комичной. В кино бы реплику обыграли и взрыв хохота зрителей был бы законным. Миледи в темноте тащит телохранителя в библиотеку!

На самом деле её трясло. Она всё больше вникала в суть того, что в замке есть враг, предатель.

Сеул молча шёл за ней, зажав в кулаке два факела.

Элен первой вбежала в комнату, поманила Сеула к лестнице:

— Я доставала вот эти карты, или фиг знает, что это, вот оттуда, сверху, — Элен указывала на верхние полки, где появилась брешь в рулончиках:

— и там, наверху, услышала голоса. Эти голоса из-за стены. Сеул! Кто-то подслушивает всё, что происходит в кабинете лорда Алонсо!

Сеул не рискнул подняться по лестнице. Она бы рухнула на первой ступеньке под его весом. Он молча стоял перед Элен, загоразивая собой выход и не шевелился. Элен вдруг поняла, что никогда не слышала его голоса.

Страшное подозрение молнией пронеслось у неё в голове: " Может быть как раз Сеул и есть шпион?"

Утренний колокольчик пригласил дам к завтраку.

Элен уже успела вырваться из заботливых рук Тильды.

Неугомонная служанка всё утро умывала, одевала, шнуровала свою госпожу, не забывая пересказывать все новости. Где она их только собирала. Весёлый, озорной пересказ событий городских подворотен еле касался ушей Элен.

Она всё ещё не могла прийти в себя после вчерашнего происшествия.

Сеул проводил её в покои, предварительно они положили рулоны на место, туда, откуда их вытащила Элен.

Велел никому не говорить о том, что увидела. Даже Мареве. Теперь это не её дело. И кстати, голос, оказалось, у него очень даже обычный.

Элен шла на завтрак за Сеулом, исподтишка вглядываясь в его фигуру. Надеялась уловить жест, движение, хоть что-то, объединяющие их тайной. Но нет, Сеул, как всегда, был непроницаем.

Девушки нежными бабочками присели на свои места за столом, официанты неслышно колдовали над завтраком. Гренки, молоко, кофе. Элен удивлялась роскоши подаваемых блюд. Они не повторялись, были изысканными и поразительно вкусными.

Девушки только завтракали в гостях на половине лорда Алонсо. Обедали и ужинали у себя. Прелесть гастрономических изысков сопровождала их обеды и ужины на дамской половине тоже.

Элен знала, что именно за завтраком у неё есть возможность проявить себя. После фигови, случившейся на балу с её провальными ответами на вопросы, отрепетировала кучу возможных вариантов.

Лорд Ванишгтон шелестел газетой, лорд Алонсо задумчиво пил кофе. Теперь Элен, придавая завтраку совсем иное значение, незаметно ловила каждый взгляд, шорох, слово.

Анализировала, думала над тем, что происходит. Её наивность вчера кубарем скатилась с лестницы, там, в библиотеке. Теперь она понимала, что здесь ведутся не игры, — бои.

Подали лимонный мармелад. Прозрачные жёлтые кубики в хрустальном подносе играли искорками сахарных кристалликов. Элен забавлялась, выстраивая щипчиками мармеладный домик.

Она чувствовала на себе взгляд лорда Алонсо, побаивалась поднять глаза.

— Ну, с дамы. Говорят, вы преуспеваете в науках, — лорд Ванишгтон отложил газету, обернулся к девушкам. Они смотрели на него, ожидая вопроса.

— Вы, красота с огненными волосами, в какой науке вы преуспели, как вам даётся латынь?

Армисия побледнела. Пошевелила вхолостую губами, набрала воздуха, чётко назвала несколько слов на латыни, явно не понимая их смысла.

— Армисия преуспевает в другой науке, — лорд Алонсо спрятал улыбку в чашке чая, — Присядьте, Армисия, вы умница. Я вами очень доволен.

— Ну, иногда и этой науки достаточно, — лорд Ванишгтон велел принести себе виски.

— Да что ты? Не ты ли предложил забить им головы латынью? — Алонсо ехидно смотрел на отца.

У лорда Ванишгтона была поразительная способность пропускать колкости мимо ушей.

Девушкам дали сигнал быть свободными, они направились к выходу.

— Да, кстати, а вы, северная леди, понимаете в латыни?

— Да, господин. — Элен остановилась, на шаг приблизилась к лорду Ванишгтону.

— Ну, порауйте меня, скажите что-нибудь.

Элен произнесла на латыни фразу: "Не будите спящего дракона".

Мужчины от неожиданности забыли один про виски, другой про кофе.

— Это когда вы успели выучить? — первым пришёл в себя лорд Ванишгтон.

— Я училась на той земле, откуда родом.

— Чему ещё вы там научились?

— Врачевать, ухаживать за ранеными, мой господин.

— По нашим правилам женщины не должны этим заниматься, — его отец повернулся к Элен, его занимала беседа.

— Это не значит, что ваши правила лучше наших, —

Элен смело смотрела ему в глаза, помня о том, что слышала вчера. Она встала на опасный путь, но решила выиграть свою позицию у Армисии.

— Что вы имеете в виду? — лорд Вашингтон нахмурился, ему перестала нравиться смелость Элен. Тем более, он чувствовал, что Алонсо на её стороне.

— Это значит, мой господин, что я точно знаю своё место. С радостью и уважением приму ваши правила и никогда не буду их нарушать.

Лорд Ванишгтон не нашёлся что ответить. Только что он готов был потребовать, чтоб её прогнали вон за дерзость, но услышав такое...

— Это значит, — продолжила Элен, — что если судьба даст родить мне сына, то он будет уважать и чтить вас вечно, как и я, его мать.

(Браво, Элен, ты превзошла самоё себя, ангел-хранитель аплодировал девушке стоя.)

— Элен, вы не боитесь меня? — лорд Ванишгтон привык к тому, что все дамы его сына обычно теряют дар речи, завидев его такого красивого и властного. Но северянка была другая.

— Возможно, я буду присягать на верность вашему роду. Чего же мне бояться. Разве только потерять ваше уважение.

— Вы можете рассчитывать на мою благосклонность, — лорд Ванишгтон был ошеломлён.

Он сам нарвался на эту беседу, но никак не ожидал за две минуты поменять цвет своих фигур на шахматной доске. Теперь он играл на её стороне.

Элен вернулась к двери, встала рядом с Армисией. Чувствовала, как та искрит завистью. Ну что ж, дорогая, мы на войне.

Прибыв на свою половину, красотки ненадолго разошлись по комнатам. Тильда сняла с Элен тесные башмачки, прошла тёплой влажной салфеткой по коже лица. Без внимания на сопротивление Элен, уложила её на подушку, положила холодный компресс на глаза. Красота и здоровье во-первых, а потом всё остальное.

Элен была довольна собой. Может, немного лишнего сказала, но так лучше, чем вообще ничего не сказать. И проиграть тупице Армисии.

Выйдя в гостинную, увидела, что та сидит, закрыв глаза и повторяет домашнее задание. Прямо заучивает наизусть.

— Подружка, ну хватит уже зубрить. А то зубрилкой станешь. Идём за гербарием. Помнишь, профессор велел собрать.

Армисия не отвечала, всё так же напряжённо повторяла и повторяла слова.

Элен раздражала её, она не пыталась это скрыть.

— Ты со мной? — Элен и вправду надеялась вытащить соперницу прогуляться.

— Ночная кукушка дневную перекукует! — выпалила девушка, недобро глядя на Элен.

— Это ты в книжке прочитала?

— Надеюсь, тебе отрежут твой наглый язык вместе с головой! — Армисия перешла на рык.

Элен сощурилась:

— Как Руфине? Так, может, это ты постаралась?

— Замолчи, Элен!

— Ничего личного, Армисия. Просто сдача.

Элен переделалась в белую рубашку, надела свободную юбку, прицепила подтяжки, чтоб рубашка не выбилась из пояса, когда полезет копошиться в траве. Ей не хватало только сачка для полной картины. Девушка направилась в сад, прихватив папку для гербария. Даже не подозревая, что направляется своей судьбе навстречу.

— У вас воинственный вид, моя амазонка!

— Я охочусь за знаниями, мой господин, — Элен вздрогнула от неожиданности, услышав голос Алонсо.

Она сидела на коленках в саду, выискивая нужную травинку вблизи от куста розы. В руках у неё был скруглённый нож и лупа.

Рассмеялась легко, непринуждённо:

— Представляю, как я выгляжу и что вы обо мне подумали.

— Что же я подумал о тебе, вооружённая женщина? — Алонсо присел в траву возле неё, с интересом разглядывая белокурый подарок небес, взявшийся в его судьбе из ниоткуда.

Еще в своём кабинете, нервно шагая в раздумьях, он, глянув в окно, неожиданно заметил её, девушку с запахом персика.

Белокурая головка склонялась к травинкам, бесхитростно возилась с гербарием, не зная, что за ней наблюдают.

Невыразимая прелесть от фигуры, утонувшей коленями в мягком изумруде трав, хорошо очерченная круглая грудь. Лёгкая ткань, не поспевающая за изгибами бёдер своей хозяйки, ползающей в траве. Он видел подбородок, шею, плавно спускающуюся в вырез округлых перекатов. Ему нестерпимо захотелось дотронуться, почувствовать её всю, испить запах, свежесть.

Алонсо понял, что пропал. Он так долго искал ту, которая будет манить, тянуть его к себе одним своим видом, отпускать на свободу бродящие в нём чувства. Это она. Он нашёл её.

Зверь поднял голову, с любопытством, в предвкушении близкой нежности мурчал котом.

Алонсо шёл к Элен, сжав кулаки за спиной, сдерживая желание напасть на белую фарфоровую куколку, немедленно насладиться её.

Обычное желание обладать сменилось игривым флиртом, он хотел чувств, взаимности от той, которая выманила его из кабинета.

Сейчас, присев рядом, упиваясь свежим запахом её безмятежности рассматривал белокурую красавицу с платиновыми волосами.

— Взрослая девушка ползает на коленках под кустами, это и вправду смешно, — Элен взглянула на него, замолкла, почувствовав совсем другой интерес от мужчины напротив. Любая женщина считывает его на раз, через кожу. Воздух становится плотнее, становится труднее дышать, сердечко частит.

— Мой господин, я не заметила вас...

Он не дал договорить, приложив палец к её губам:

— Говори мне ты.

— Вот я и говорю, — Элен сбилась, запуталась в мыслях.

Она оказалась в чудесной игре, где не разум, а чувства правят исходом. Вся её женская натура вынырнула из глубин, в отличии от своей хозяйки точно зная, что надо делать.

— Удиви меня, красивая убийца травинок, зачем ты тут? — Алонсо не сводил глаз с женщины. Она околдовала его. Он не слушал, проваливался в страсть, она начинала закипать в нём, зверь ворочался.

Элен отвечала, рассказывала что-то про лекции, про аптечные сборы. Алонсо притянул её к себе, она замолкла, затрепетала.

Их глаза встретились. Его взгляд — жгучий, жадно-чарующий, обволакивал её всю с головы до ног. Медленные, уверенные движения сильного, желанного мужчины, обезоружили её.

Алонсо зарылся лицом в её волосы, требовательно притянул к себе, коснулся губами за ушком:

— Твоё имя, Элен, как льдинка на языке, холодная, колкая, обжигающая...

Он шептал, хрипотца его голоса проникала ей под кожу, провалилась в самый низ живота, растеклась по телу.

Элен чувствовала крепкую руку на затылке, зарывшуюся в её волосах. Другая его рука, горячая, тяжёлая, медленно скользила по шее, приближаясь к груди, касаясь её и забирая в себя.

Элен кружилась в вихре напряжения, всё сменилось растерянностью, затем хлынула неловкость. Элен пыталась остановить внезапно обрушившуюся на неё страсть, упёрлась кулачками в его грудь.

Слабое желание вырваться из смущения растаяло, наконец она сдалась во власть наслаждения, больше не сопротивилась.

Алонсо, скинув упирающиеся в него кулачки, аккуратно отодвигая прядь волос, поцелуями прокладывал дорожку от виска к губам. Коснулся нежно, потом требовательнее...

Тень от вишневых деревьев, приютившая влюблённых, давно расплзлась по саду. Серые, клубистые облака изгрызли солнце, стояла та тишина, что встречает неминуемый дождь.

Последние блики солнечных пятнышек прыгали зазевавшимися зайчиками на поляне перед замком. Наконец пролетел первый ветер, рванул дождь.

Те двое так и сидели рядом, не замечая сварливых капель, не в силах вынырнуть из глубины прекрасного озера зародившейся любви.

Она не помнила, как оказалась у себя в покоях. Тильда снимала с неё промокшую одежду, растирала кожу сухим полотенцем, заставила выпить горячего грогу.

Молча, со знанием дела, укутала Элен одеялом, добавила дров в камин, неслышно вышла на цыпочках из комнаты и стала дозорным цербером у двери. "Никто, даже муха не потревожит её хозяйку!"

Тильда, как только Элен отправилась в сад смотрела исподтишка за хозяйкой. Считала главной душевной обязанностью броситься наперерез ледяному ветру, столпу огня, водопаду с небес, лишь бы уберечь хозяйку.

А уж как только рядом появился лорд Алонсо, Тильда и вовсе прилипла к окну, с трепетом глядя на пару.

Вся остальная прислуживающая братия тоже со всех щелок следила за парой в саду. Слуги иногда знают о своих хозяевах больше, чем они сами.

Всем было любопытно, интересно. Каждый по разному болел душой за обоих. Но далеко не каждый радовался новому романсу о влюблённых.

У каждого из подглядывающих были свои планы на жизнь. И, эти планы далеко не так радужно совпадали с тем, что происходило на их глазах.

Как только грянул дождь, Тильда уже во всеоружие поджидала Элен. И всё то у неё было готово: сухие растирки, пылающий, с огня грог, взбитая постель.

Уложила хозяйку и вышла за дверь караулить её покой.

Тильда неусыпным тигром стояла возле двери, когда на пороге объявился Сеул. Мрачный великан молча, чуть задержав взгляд на Тильде, протянул папку с гербарием Элен, забытую ею на траве. Сверху лежал бутон белой розы.

— Тише ты, не топчи! — строго прошептала Тильда, взяла папку и скрылась за дверью. Неслышно вошла в покой, положила всё на столик перед Элен и отправилась на свой караульный пост.

Элен не спала. Наступал вечер. Дождливый, противный.

Ей не хотелось шевелиться, она не стала ужинать. Тильда ушла, наконец Элен осталась совсем одна.

Счастье, поселившееся птичкой в груди трепетало, искало себе место. Элен металась в сомнениях.

Он любит её? Или всё же для него соблазн — обычная игра?

Ах, он такой обольститель, может быть она, простушка, попала в его сети, принимает желаемое за действительное?

Слёзы радости и горечь сомнения вместе с дождём за окном непогодой метались в душе влюблённой девушки.

Тревожные подозрения поднимали голову и тут же прятались, не выдержав натиска счастливых эмоций.

Закрывая глаза, Элен снова переживала прелесть его прикосновений, куталась в одеяло, боясь потерять хоть мгновение из памяти.

Как же он красив. Черты его лица, прожигающий до пят взгляд, квадратный подбородок. Уверенные, наглые руки. Жар от его тела, запах, стальные бицепсы, голос — водоворот ощущений снова захватил её, она почувствовала, что слабеет.

Жестокий и нежный, непонятный и ставший родным за минуту — кто он, мужчина, забравший её сердце целиком?

Глава 21

Чтобы проснуться счастливой, надо уснуть счастливой. Ну, а если уснула в слезах и сомнениях, нечего на утро пенять.

Тильда заметила, что хозяйка не в настроении, попыталась развеселить её. Задавалась вопросом "почему грустит Эленочка, ведь всё хорошо?"

Служанке было невдомёк, что её распрекрасная хозяйка умудрялась стоять бараном перед новыми воротами ею же выдуманных сомнений. И не замечать той радости, которую дарит судьба.

Элен рассеяно слушала служанку. Ей самой уже надоело продумывать возможные варианты событий.

Душа витала в облаках, верила в собственное счастье, плескалась в чарующих лепестках влюблённости.

Кожа помнила его прикосновения, его рваный вздох над ухом. Нежность первого касания завитков на шее горячими губами, столб мурашек в спине. Его губы, ах, эти губы.

Дорожка от виска к её губам, ах.

Ален затрепетала, ощутив поцелуй заново. Она помнила силу его пальцев, зарывшихся в её локонах.

Как он жадно вдыхал запах её волос, как большим пальцем руки водил по её скуле, неотрывно вглядываясь в глаза. Элен помнила всё, мечтательно возвращалась в негу воспоминаний снова и снова.

Элен очнулась, Тильда несколько раз переспрашивала, какое платье наденет госпожа. Девушка рассеянно повернулась, увидела ворох одежды на кровати.

Тильда вывалила всё на кровать, тащила ещё.

У Элен внезапно сменилось настроение (влюблённых не понять), легко подпрыгнула, закружила служанку, повеселела. Схватила белую розу, что лежала на папке с гербарием, окунулась лицом в цветок.

— Вот и слава небесам, — служанка облегчённо вздохнула, простодушно радуясь за Элен. Госпожа улыбается, глазки сияют, значит всё будет преотлично!

Элен выбрала красное платье. Нет, оно было не совсем красное. Знаете, это если клубнику с солнцепёка, горячую, блестящую, перемешать вилок со сметаной и сахаром. Вот прям не так, чтоб совсем, а увидеть, как розовеет белизна, как тянутся яркие нити сквозь неё, кусочки рубиновой мякоти поднимаются из глубины.

Платье только сшили. Почти белое сверху оно багровело к низу, растекаясь сладкими сливками по спелому полю.

Элен крутилась перед зеркалом, сама себе нравилась, не могла дождаться колокольчика Сеула.

Тильда всё оглаживала платье, критично оглядывая со всех сторон хозяйку. Трещала не переставая. Радовалась за свою хозяйку: Элен влюблена, значит скоро будет так, как и должно быть у богатых — свадьба, балы, пиры, детишки.

И тогда в будущем, она, Тильда заведёт себе помощницу, будет покрикивать на неё, а сама ни на шаг от Эленочки.

Ах, сколько они мечтали в сиротском доме оказаться у хорошей хозяйки. Чтоб вот и богатая и не била, и чтоб красивая! Тильде повезло, так повезло.

Тильда проводила ненаглядную хозяйку, схватила белый цветок со столика. Вытянув руку перед собой, плясала, приседала, вдыхала аромат раскрывшегося бутона.

Твёрдо верила, что именно она, Тильдочка, будет приближенная к богатству великого лорда Алонсо, а не эта молчунья Этьена. Уж сильно она сама себе на уме, эта служанка.

Впрочем, и её хозяйка рыжая Армисия не лучше. Ходят обе, как рыбы вялые, исподтишка глазами лупают. Фу!

Тильда аккуратно опустила цветок на прикроватный столик, поправила лепестки. Принялась за обычную работу. Сколько же у неё дел, кому сказать. Сколько дел!

Элен шла за Армисией, от нечего делать наблюдая за плавными покачиваниями складок её платья.

Конечно, ничего странного в том, что они не подружились. Однако, теперь в Элен росло чувство острой неприязни.

Ей хотелось одной идти по коридору. Без Сеула. И чтоб образ соперницы растаял в её памяти.

А ещё её волновало, что Сеул никак не реагировал, не подавал ей знака про их общую тайну в библиотеке. Элен же интересно!

В глубине мозга шли игры, нет-нет, да всплывали предположения, что это Сеуловы штучки, может он лихо прячется, затаился, а сам и есть главный вражина?

Внезапно Сеул остановился и пронзительно посмотрел в глаза Элен через голову Армисии.

Элен чуть не поперхнулась. Сеул как будто прочитал её мысли, пробуравил её таким страшным взглядом, что у Элен все тайны вылетели из головы. На фига она вообще полезла в эту библиотеку.

Войдя в зал, увидела Алонсо. Он, по обычаю, уткнулся в газеты, мельком взглянул на дам, кивнул. Задержал взгляд на Элен, совсем чуть-чуть, снова скрылся за газетами.

Элен расстроилась. Она не прочитала в этом взгляде ни-че-го.

Подали безумно вкусный вишнёвый пирог. Тесто, белоснежное, пористое, сахарное — можно язык проглотить.

Рядом в креманках вишнёвый мус, взбитые сливки, засахаренные фрукты. Милейшие корзинки свежей ягоды, перевитые шёлковыми лентами. От пиршества можно с ума сойти!

Элен с восторгом подумала, как угадала с платьем. Прямо в тему вишнёвой палитры. Не то, что Армисия. Вечно, то в белом, то в зелёном.

Элен осторожно перевела глаза на мужчину, в которого влюблена. Он неотрывно смотрел на неё, откинувшись на спинку.

Элен вспыхнула. Вот дурёха! Наворачивала пирог за обе щёки, небось вся моська в сиропе, а он наблюдал за ней.

Она снова подняла глаза, он улыбался уголками губ.

Отпустил её взглядом, не стал мешать наслаждаться едой, зашелестел газетой.

У Элен настроение взлетело до небес. Она взглянула на Армисию. Та спокойно, как кукла, смотрела ей в лицо, сразу сделала вид, что её тут нет.

" Вот бы тебя и вправду тут не было " — подумала Элен, вставая на приглашение Сеула покинуть завтрак.

— Элен, задержитесь, — Алонсо поднялся к ней навстречу.

Элен не чуя под собой ног подошла к любимому мужчине. Сердечко её стучало, будто встало на цыпочки, боясь заглушить малейший вздох влюблённой девушки.

Алонсо приобнял её за талию, подвёл к этажерке. Там, на золотом подносе лежала россыпь драгоценных жемчужин.

Матовые, бело-серые, чуть тронутые молоком... Тусклый отсвет выдавливал глубинное сияние из каждого камня, казалась, на золоте подноса тлеет белый костёр из прогорающих снежинок.

Алонсо надел бусы на Элен. Нежно сдувая прядки кудрей с её шеи, аккуратно щёлкнул застёжкой.

Прикоснулся поцелуем к шее, вдохнул аромат её волос. Она повернулась к нему, он поймал её губы своими. Жадно, на одном вдохе забрал себе всю прелесть стоящей перед ним женщины.

Держал руками её личико, отстранился. Горячий шёпот коснулся её ушка:

— У нас сегодня гости. Не опаздывай.

Элен еле стояла на ногах. Что говорить. Она была счастлива.

Он проводил её к выходу, передавая Сеулу, добавил:

— Платье доставят к обеду. Сегодня вы будете блистать.

Она хотела обернуться, вдыхать его запах. Слушать, слышать его. Но...

Она шла за Сеулом, ей хотелось рассказать грозному амбалу, что счастлива. Ну, ни к чему это.

Как жаль, что Марева умчалась куда-то на пару дней. Как её сейчас не хватает.

Войдя в свои покои Элен была встречена радостным визгом Тильды. Служанка во все глаза смотрела на свою госпожу. Вернее на её жемчуга, хлопала в ладоши.

Вдруг прижала палец к щеке, задумчиво скруглила брови и выскочила из комнаты.

"Вот ведь торпеда скоростная", Элен некогда было задумываться о служанке.

Однако через некоторое время Элен стояла открыв рот, наблюдала картину.

В комнату хозяйским маршем вошла Тильда, за ней шёл Сеул, таща в руке тяжёлый кованный сундучок.

— Вот сюда поставь. Да, сюда. — скомандовала Тильда, указывая на каминную полку.

Сеул взгромоздил инкрустированную серебром вещь, ушёл. Его короткий плащ чёрными крыльями взвился вслед хозяину.

— Тильда, что это было? — Элен ушам своим не верила:

— Ты что, с Сеулом разговариваешь?

— Ну да. Госпожа Марева где-то ездит, ключи у него. А куда я должна подарок великого лорда Алонсо должна положить. И так ваши бриллианты лежат без догляду на полке. А тут и ключик есть, вот он! — Тильда победно покрутила ключиком.

Элен обомлела. Она боялась поднять глаза на Сеула, а эта девчонка от него что-то требует.

— И ты не боишься его?

— А чего мне его бояться? Что не так сделает, так я вам пожалуюсь, да, пожалуюсь. Будет знать.

Тильда с усердием принялась за Элен.

Наперво сняла с неё бусы, уложила в сундук, туда же отправились бриллианты с бала. Закрыла на ключик, повесила его себе на грудь. Готово!

Обернулась к Элен, переплела причёску, передела. Ох, сколько у неё еще дел, сколько дел!

Отправиться вместе с госпожой к купальщицам, к массажисткам, к парикмахершам. А

то Тильда знает, за ними за всеми глаз да глаз. Вот не проследи, сделают всё спустя рукава. Тильда им задаст!

Элен отдалась на милость расторопной служанке. Сама просто парила в облаках. В душе звучала музыка, Элен неслышно что-то мурлыкала про себя.

Дождь лил не переставая, камин жарко пытел.

Элен утопала в волнах счастья.

Совершенно забыв о том, что бочку мёда можно испортить одной маленькой ложкой дёгтя. Вот эта ложка уже выехала к ней навстречу.

Мужчин пригласили в отдельный зал. Дамы, в преддверии ужина остались скучать в гостевом зале.

Вдоль диванов, на круглых фуршетных столиках были изысканные угощения. Взбитые сливки, клубника, шоколад. Разноцветные горки мармеладных россыпей, пирожные, фрукты в сахаре — всё было в изящном совершенстве упаковано лентами, серебром, фарфором.

Стелла лакомилась любимым десертом, накалывала золотой вилочкой клубнику, окунала её в ром, затем во взбитые сливки. Дама уже изрядно набралась, перепробовав молодые вина, шампанское, всё, что было на подносах фланирующих по залу официантов.

Молоденькая жена поверенного в делах, леди Стефания сидела рядом со Стеллой, не сводя с неё глаз.

Развязная, нагловатая жена главы полиции очаровывала всех новеньких и приводила в ужас всех дам, давно знакомых с нею.

Жгучая брюнетка знала себе цену и демонстрировала её где надо и не надо.

Две другие её знакомые отделались кивком и умышленно не приближались к Стелле.

А ей было плевать на них. Ей вообще было на всех плевать. Она давно переступила границы дозволенного, особенно, когда добиралась до спиртного.

К гостям Элен вышла в чёрном платье с многослойной гипюровой юбкой, и глубоким вырезом, отделанным драгоценным кружевом. Расшитое камнями, оно полностью теряло свой мрачный цвет, переливаясь серебристыми бликами.

Матовые бусины жемчуга тяжёлыми кольцами придавили грудь, тонко шуршали при каждом её движении.

Элен снова не знала, как себя вести. Кто она? Не хозяйка, не невеста. Содержанка? Конкурсантка на выбывание? Как же её бесило это положение.

Переступив порог зала, Элен сразу заметила Стеллу в компании юной девушки. В другом конце гостинной сидели две другие гости. Они приветственно помахали Элен.

У девушки радостно забилося сердечко. Приблизившись, любезно поздоровавшись, Элен сразу попала в весёлое чириканье.

Дамы представились. Леди Дейзи (она была в тёмно-красном шёлке, с чёрными разводами, захватившими подол её платья затейливым узором). Гранатовое кольцо, — тёмное, горячее, спелой каплей горело на её бронзовой коже. Смелая, весёлая, она радостно пожала руку Элен.

Леди Эстер, (дама в жёлтом), необыкновенно приятная в своей полноте, оказалась хохотушкой. Элен успела стать "своей" через минуту, казалось, они знакомы давным-давно.

— Как Вас зовут, дорогая? Элен? Какое приятное имя. — Дейзи улыбалась искренне.

— Вы потрясающе выглядите. Ослепительно!

— Это не я, это камни, — Элен скромно опустила глаза. Она на самом деле сама себе нравилась.

— Элен, разрешите наш спор. Я говорю, что мода на узкие платья без шнуровки подходит только худым, а леди Дейзи не соглашается. — Эстер лукаво смотрела на Дейзи.

Та нарочито схмурила брови:

— Ну что вы такое говорите. Пусть каждый выбирает, что нравится.

— Вот вы, Элен. Что обычно выбираете в модных журналах для себя? — обе новые

знакомые заинтересованно ждали ответа.

Снова засада. Оказывается, здесь есть модные журналы, а она как из леса, здрасьте!

— Простите, у меня не было возможности выбрать.

— Почему, дорогая? Лорд Алонсо не хочет тратиться на кружево?

— Я здесь недавно и не видела журналов.

Элен не стала ничего придумывать, но и правду о том, что не в тех отношениях с Алонсо, чтоб просить о кружеве рассказывать не стала.

— Я пришлю вам последние, самые модные журналы. В следующий раз обсудим и увидим на чьей вы стороне. — Дейзи радостно взмахнула рукой.

— Ах, вы обе засмутили меня, — Эстер примирительно прикрыла лицо веером,

— Вы обе худышки и можете носить платья без шнуровки. А я? Куда я со своими боками.

Со спины подошла Стелла. Элен почувствовала её кожей.

— О, дамы! Вы, наверное, хотите узнать у этой — Стелла с головы до ног смерила Элен презрительным взглядом,

— Как завоевать сердца драгов, танцуя с ними в кабаках?

Элен как язык проглотила. Стояла ошпаренная стыдом, не зная, что сказать. Силой воли она затолкала подальше желание "заехать кое-кому в морду".

Ну, не может же она затеять скандал, в конце-концов, кто она.

— Стелла, мы вынуждены вас огорчить, — леди Дейзи насмешливо обернулась к сестре Алонсо, — Нас интересуют совсем другие темы.

— Да, да, — подхватила леди Эстер, — леди Элен интересная собеседница.

— Это кто вам сказал, что она леди? Обыкновенная потаскуха из плена, выкупленная у драгов. — Стелла развязно, громко рассмеялась, тыча фужером в сторону Элен, — Вот это леди? Позорище!

— Леди Элен, — Дейзи обратилась к Элен, сделав ударение на слове "леди", — Стелла шутница. Не принимайте всерьёз её слова.

— Что? Мои слова показались кому-то несерьёзными?! Скоро вы убедитесь, насколько они серьёзны, — Стелла демонстративно повернулась к дамам спиной, скривив губы в отвращении, прошипела в лицо Элен: — Особенно ты! Пошла вон с моей дороги!

Уходя, она задела Элен локтем.

Элен стояла молча, потому, как крепко, до боли прикусила язык зубами. "Ну, наверное, достаточно" — решила Элен, не подавая виду.

— Ну, ну... Не переживайте, Элен. Стелла не такая плохая, как кажется, — Дейзи пыталась успокоить Элен.

— Когда трезвая, — как бы про себя добавила Эстер, пряча слова за взмахами веера.

Элен, вежливо кивнув, отправилась следом за Стеллой.

Та в гневе рушила букет мармеладных роз, зло тыкая их серебряными щипчиками. Элен подошла нарочито близко, потянулась через руку скандалистки к засахаренной малине.

— Пошла вон, — зарычала Стелла, не разжимая челюсти.

— Да пошла ты, — Элен аккуратно складывала малину по яголке в розетку.

— Что?! — Стелла от неожиданности перешла на фальцет, её губы побелели. Она, кажется, протрезвела.

— Иди ты на..., мля! — Элен уставилась ей в лицо, по губам змеёй ползла сдача.

Стелла стояла раскрыв рот, как громом поражённая.

Открылись двери переговорной. Мужчины выходили с озабоченными лицами. Всех пригласили к ужину.

Лорд Ваништон и лорд Грейс подошли к Элен, учтиво приветствовали её, выразили почтение, сделали комплимент.

Алонсо подошёл к Элен, предложил ей руку. От неё исходили флюиды тревожности, Алонсо подумал, что это от стеснения.

— Как ты провела время?

Он при всех обратился к ней на ты? Что бы это значило. Некогда было размышлять, Элен трепетала от нового поворота в общении с ним. Смущённо пробормотав "спасибо", опустила глаза.

Его отец, лорд Ваништон, громко, чтоб все услышали, оказывая поддержку Элен, сказал:

— Сын мой, я очарован твоей спутницей. Прелестная девушка!

Конечно, всё это не осталось незамеченным Стеллой. Казалось, она свернувшейся в кольцо коброй следила за Элен с другого конца зала.

— Лорд Алонсо! — к паре подошла Дейзи, держа под руку военного в тёмно-синем мундире,

— Мы вами недовольны.

Дейзи деланно погрозила пальчиком:

— Держите свою даму в неведении, у неё не оказалось модных журналов. Закажите же, пусть прорисуют журнал для Элен. Надо же нам разговаривать о своём, о женском.

Алонсо молча улыбнулся, накрыл пальчики Элен своей ладонью, сопроводил девушку к ужину.

Гости рассаживались. Стол был достаточно широким, по центру его делили вдоль выставленные изящные ладьи. В каждой из них, в голубой лазури желе замер сахарный лебедь. С его крыла как бы упали по два пера, на них были вписаны имена приглашённых.

Элен оказалась напротив леди Эстер, чему была рада. Справа от Элен место было свободно, девушка успокоилась. Но не тут то было! На пёрышке, лежащим справа от прибора Элен, было вписано имя Стеллы.

Сначала перед лицом Элен мелькнула сумочка. Влетев в стол, смешав приборы, звякнув посудой, сумка оказалась точно на её тарелке.

Развязный голос Стеллы заставил всех замолкнуть и обернуться к ней.

— Я не сяду рядом с дворняжкой!

Алонсо не громко, но чётко сказал:

— Ты распустил её Грейс. При тебе она стала несносной.

Все гости напряжённо, с любопытством смотрели спектакль семейных разборок. Алонсо повернулся к сестре:

— Стелла, ты можешь уйти, если тебе не нравятся мои гости. Жди мужа в карете.

— Что? Да как ты смеешь выгонять меня, обменяв на эту мерзость!

Элен сидела одеревенев, не шелохнувшись.

— Тебе надо протрезветь, Стелла. Я помогу. Ты помнишь мой подарок? Кажется, с него ты рассчитываешься с ювелиром? Я отбираю у тебя виноградник и шале в Глейнташ. Ты

наказана за неуважение к моей гостье.

— Ты не можешь отобрать, это моё!

— Уже отобрал.

— Ты братец, скоро сам станешь псом, раз снюхался с подзаборной швалью!

Внезапно Элен почувствовала острую боль. Стелла рванула её за волосы, вцепившись в причёску. Золотые шпильки, казалось, пробили голову Элен насквозь.

Ещё пару минут назад у Элен в душе теснилась обида. Ей надоело плавать в луже глубокого стыда. Это чувство (да что же это такое, откуда оно у неё взялось!) сопровождало её всякий раз, как она оказывалась под пулемётной очередью беснующейся Стеллы. Всё это уже сидело в печёнках.

На Элен все смотрели, с удовольствием наблюдали за разворачивающейся драмой.

Элен затопило осознание того, что её оскорбляли в плену, она пережила шизоидные нападения Руфины, терпела затаённую злость Армисии.

А сейчас...стрелой сквозанул позор и острая, разлившаяся боль от выдранных волос.

Дальше Элен не помнила себя. Казалось, она смотрит со стороны на замедленные кадры в кино.

Оскорблённая девушка встала и со всего маху, развернувшись в плече, отвесила оплеуху Стелле.

Пробовали силу удара баскетболиста? Не рекомендую. Вот Стелле прилетело. Она рухнула на стул и, наконец, замолкла.

— Или ты займёшься её лечением, Грейс, или я этим займусь, — Алонсо дал знак официантам начинать ужин, заиграла музыка.

Все тут же сделали вид, что ничего не произошло, принялись громко говорить на отвлечённые темы.

Элен сидела, не зная, что делать. Эстер одними губами строго сказала:

— Элен, ведите себя так, как будто ничего не было. Улыбайтесь.

Стелла постепенно приходила в себя, громко выла, брыкалась, несла непотребную чушь.

— Или ты уйдёшь Стелла, или прямо сейчас поедешь в клинику — тон Алонсо не оставлял сомнения, что именно так и будет.

— Грейс, поедем отсюда, — Стелла сверкнув глазами, потребовала, чтоб муж следовал за ней.

Грейс побелел. Она, пьяная дрянь, которая надоела ему давным-давно, позорила его при самых серьёзных персонах клана. Он давно знал, что не справляется с нею, сегодня она выписывала особо опасные кренделя.

Все лица повернулись к Грейсу. Он должен был принять решение.

— Приношу извинения. Стелла нездорова, вероятно устала. Я вынужден оказать ей помощь.

Он обескуражено обвёл глазами общество.

Стелла, снова впав в ярость, смахнула всё, что было перед ней на столе, пыталась сдёрнуть скатерть, снова напасть на Элен.

Алонсо кивнул, Сеул железными тисками сковал беснующуюся женщину, вынес её из зала. Грейс поспешил за ним.

Официанты в мгновение ока привели стол в порядок. Через минуту в гостинной ничего не напоминало о неприятном происшествии. Ничто, кроме того, что творилось в душе Элен. Она сидела внешне спокойная, но внутри как натянутая струна.

Кошмар пережитого вытеснил из головы понимание того, что Алонсо назвал её своей женщиной.

Сколько ещё предстоит распутать интриг, чтоб это действительно до неё дошло.

Вы когданибудь пробовали усмирить подвыпившую (да что там говорить, набравшуюся) драконшу?

Вот и Грейс не пробовал. Но, пришла пора!

Грейс был в бешенстве. Стелла выставила его в самом неприглядном свете. На глазах военачальников, командиров он оказался под каблуком собственной распоясавшейся жены. Стыдоба какая!

Идя по коридору, Грейс крепко держал за локоть Стеллу. Она дёргалась, пыталась вырваться, шипела, плевалась. В тишине высоких сводов коридоров замка резко, неприятно отдавала эхом отстукивающая каждый шаг хищные шпильки её туфелек.

Боже, во что превращалась Стелла, стоило ей выпить! Узкие зрачки заплывали красным киселём, лицо бледнело, все черты обострялись. Гладкая причёска чёрных волос, такая эффектная, стильная — становилась чёрным шейфом, обрамляющим череп внезапно постаревшей женщины. Глаза проваливались, кипели безумием, горели углями.

— Стелла, зачем ты это делаешь?

— Что именно, дорогой? — она вела себя как школьница, забывшая тетрадку в школе.

— Скажу грубо: тебе дали в морду.

— Ах, это такой пустяк! Ты не представляешь, какая сдача последует.

— Чего ты привязалась к его женщине?

— А ты чего её защищаешь? Уж не присмотрел ли себе новую шлюшку?

Им подали карету. Второй день шёл дождь, было сыро. Бульжная мостовая, каменные ступени — всё было чёрным. Лужи отливали зеленоватым серебром. Кони фыркали, неуютно переминались с ноги на ногу.

Грейс помогал Стелле сесть. Она возилась, пугалась в подоле. Холодные капли попадали ему в лицо, за шиворот. Грейс злился всё больше.

Ему не хотелось садиться рядом, жена всё нестерпимо противной становилась ему. Пересесть бы в другой экипаж, но он должен договорить.

Наконец, карета тронулась.

Грейс, раздражённый, пытался говорить спокойно:

— Ты дракон высоких кровей, Стелла. Ведёшь себя неподобающе. Позоришь себя и меня.

— Вот видишь, Грейс. Ты даже рот не можешь мне закрыть. А всё почему? — Стелла икнула, неприятно передёрнулась:

— А потому, что боишься моего брата. Признавайся, ведь так?

Она захохотала, истерически повизгивая.

— Послушай, Стелла...

— Даже не начинай. Я всё равно плевать хотела на твои сопли. До тех пор, пока мой клан богаче всех других, вся шушера будет целовать мне пятки.

Она уставилась на него, вдруг ее лицо приняло совсем другое выражение, то которое в секунду приводило его в бешенство.

Она начинала играть роль маленькой девочки, строила глазки, хихикала:

— Грейси, я так больше не буду. Прямо никогда. Ну, иди ко мне, мой противный шалунишка!

— Успокойся! — он потерял контроль над собой,

— Закрой уже свой поганый рот!

Грейс схватил её за шею, еле сдерживался, чтоб не сжать руку так, чтоб шея хрустнула и слова истеричной бабы застряли у неё в глотке.

— Больше ты никуда не выйдешь без моего разрешения. Всё спиртное под замок.

— Ой, как страшно. Да кто ты такой, скажи мне? Побирושка у ног моего клана. Ты всего добился только потому, что моя семья тебе благоволит. Не женись ты на мне, кем бы ты был, захудалый чешуйчатокрылый коп?

Он отвернулся от неё. О чём ещё говорить с пьяной бабой. Несёт чушь. Неужели Алонсс прав и она скоро окажется в больнице.

— Знаешь, что Грейс. Давай ка, ты не будешь скулить, включишь мозги, а я тебе что-то расскажу.

— Началось...

— Если я помешаю рождению наследника Алонсо, у него будет нарушен договор на единоличное владение северными землями. Ещё 21 год, и тогда северные земли станут нашими, общими с ним. Получается, по договору, правителем может стать только двадцатилетний его сын. Девять месяцев эти земные клуши вынашивают своих выродков. Значит, осталось подождать, протянуть только три месяца! Если она не успеет забеременеть, мы оттяпаем своё! Разве ты против денежного кусочка, Грейси?

Стелла победно уставилась на ошеломлённого мужа.

— Ты что несёшь, идиотка? Ты куда лезешь?! — Грейс зашипел, приблизившись к самому её лицу.

— А что? Всё моему братику? Нет, конечно. Надо сейчас помешать рождению наследника, а через три месяца пусть делает что хочет. Как земли станут общими, я смогу заполучить свой кусочек земельки.

— Да ты и вправду больна. Твоя жадность приведёт тебя в изгнание.

— Ханжа. Сам, небось, прям слюнку пустил, как про денежки услышал. А не станешь помогать мне, так я первая расскажу, что ты со мной заодно.

Стелладохнула перегаром, Грейс с отвращением отвернулся.

— Конечно, заодно, — продолжила интриганка, — беспорядки на северных землях ты не пресекаешь. Дела там всё хуже, а ты медлишь. О моих планах ты знаешь.

— Стелла, этому не бывать. Я положу конец твоим фантазиям.

— Теперь это не фантазии, а наши общие планы. Вот и живи с этим!

Стеллу укачало, она замолкла. Завалилась в угол на тесном сидении кареты. Натянула на себя плед, засопела.

На её бледной шее пульсировала жилка. Грейс смотрел как колотилась струйка под тонкой кожей. Вот взять, накрыть подушкой её лицо и эта струйка перестанет шевелиться. И тогда он больше никогда не увидит, не услышит эту гадину. А главное, не почувствует смрада от смешавшихся духов, перегара и пьяной отрыжки. Стелла была пропитана им насквозь.

Прибыв домой, ко дворцу, он вышел из кареты, не обернувшись на храпевшую там женщину. Предоставил слугам честь тащить её в спальню, приводить в чувство.

Грейс нервничал. Стелла втягивала его в опасный заговор. Профессионал, сыщик, отличный юрист, Грейс знал, куда приводят такие вещи. Или на эшафот как предателя, или к долгим разборкам с доказательствами (часто бесплодными), что он тут ни при чём. Скорым

шагом Грейс отправился к себе. Ему было о чём подумать.

Утро трещало по швам. Лорд Алонсо отбыл по делам. Две заклятые подружки завтракали на своей половине.

Элен не отрываясь, поддразнивала Армисию, та злобно выглядывала из-за букета жёлтых хризантем, уплетала суфле.

К счастью, сегодня был день индивидуальных занятий, Армисия побрела к историку долбиться с родословной ветвью какого-то там драконьего рода.

Элен, забрав гербарий, прихватив лупу отправилась разыскивать "аптекаря". Как только она не называла про себя профессора аптечных дел; и "старикашка", и "одуванчик", да по разному, в зависимости от цвета собственного настроения, но всегда по доброму.

Она привязалась к старику, он тоже платил ей симпатией.

Заглядывая в пустые комнаты и не находя учителя, в одной из них застала интересную картину.

Историк, затянутый в чёрный кожаный прикид, размахивал руками, стараясь вдолбить узоры родословных дремучих драконов в рыжую голову бездарной ученицы.

Армисия смотрела на него широко распахнутыми глазами, накручивая на палец рыжий локон. Выпускала его, он брякался ей на грудь, прорываясь внутрь декольте.

Учитель сбивался с мысли, провожая глазами рыжего шалунишку, переводил взгляд на хозяйку. Та не шевелясь, затаившейся гадюкой смотрела ему в глаза, меланхолично снова накручивая локон на палец, заново скидывая его в декольте.

Наверное, в этой ситуации великому маэстро истории его синий треугольник в ладони не пригодится, как бы он не пыжился своими кодированными знаниями.

Элен прыснула, вышла, делая собственные выводы. Неужели Армисия собирается получить зачёт за красивые глазки?

Навстречу по коридору шла Марева.

— Маревочка! — Элен бросилась ей навстречу,

— Ну, как ты? Приехала? У тебя всё хорошо? Как же я ждала тебя.

Элен обнимала, целовала старушку. Та и сама расстрогалась от такой душевной встречи, только открыла рот позвать к себе свою протееже, как сзади раздалось сухое покашливание.

— Элен, вы не забыли, у вас урок. — Одуванчик шаркал, направляясь в комнату.

— Да, профессор, конечно. Уже бегу. — Элен радостно пожала руку Мареве.

— Ну, иди, моя хорошая, — Марева улыбнулась Элен, — Я пришлю за тобой.

Обернувшись к гордо стоящему "Одуванчику", Марева сообщила:

— Глупости ваши уроки!

Она собиралась отстоять право на первенство, ей тоже хотелось посудачить с Элен,

— Я её сама научу чему надо.

— Учиться, милочка, надо у тех, кто добился успеха! Мои знания бесценны. — "Одуванчик" затряс белым венчиком редких волосков, гордо подняв подбородок.

— Да что вы там напридумали?! Чем больше женщина знает, тем хуже у неё дела в постели! — Марева оставила победу за собой. Поравнявшись с профессором беззлобно добавила:

— Сам ты милочка.

Элен ухватила старика за рукав, потащила в свободный класс.

На уроке была внимательна, отвечала бойко, в какой-то момент "Одуванчик" спросил:

— Элен, вы нашли ту книгу, что искали?

— Нет, — Элен помотала головой, — Не нашла.

— А что именно вы искали? Быть может, вам надо помочь?

— Надо бы. Я искала документ, который помог бы мне разобраться где я.

"Одуванчик" озадаченно смотрел на неё, обдумывая, как подобраться к этому вопросу.

— Понимаю, насколько это важно для вас, но не совсем понимаю, о чём вы.

Элен взяла лист бумаги, придвинулась к нему, стала чертить карту Евразии. Как могла, изобразила моря, нарисовала Урал. Поставила точку. Москва.

— Это я рисую, как если бы лететь и смотреть сверху на землю.

Осмотрев свой рисунок, подумала, что сместила Москву слишком влево куда-то к Брянску. А, ладно, какая разница.

— Элен, у вас нет крыльев, как вы смотрите на землю сверху? Ваши драконы какого клана?

— Нету у нас драконов, никто не летает.

— Как же вы видите землю сверху? Зачем вам это. Ведь проще поднять лицо вверх и видеть звёзды. По ним находить свою землю.

Элен смотрела на умного дядьку и не знала с чего начать взрывать ему мозг.

Вдруг её осенило:

— Ну да, у нас ведь тоже есть звёздные карты, целые научные обсерватории. Только мы в школе звёздные карты не учили...

— Названия звёзд помните?

— Да, конечно! Элен взахлёб стала перечислять всё, что могла нарыть в голове. Профессор внимательно слушал, быстро писал.

— Мало что могу пообещать, но обязательно задам вопрос кому нужно.

Вернувшись к себе, Элен, чтоб не думать каждую минуту об Алонсо, занималась чем придётся: пыталась делать домашку, переложила гербарий, даже пыталась спать — разлука мучила её, она не могла ни на чём сосредоточиться.

Решила выйти прогуляться, по дороге зацепив Армисию. То есть Элен знала, что рыжая никуда не пойдёт. Но почему бы не испортить настроение своей неподружке?

Постучав к ней в дверь, позвала:

— Армисия, хватит киснуть. Идём, прогуляемся. (Эх, в кафешечку бы сейчас).

— Отстань, Элен.

— Вот те на. Идём, шалунья. Расскажешь, зачем историка с пути истинного сбивала.

— Ничего такого я не делала! — взвизгнула Армисия.

— Да ла-а-адно. Делала. Идём потрындим. Я тебе покажу, что мне лорд Алонсо подарил.

За дверями наступила тишина.

— Армисия, надеюсь, ты не прыгнула в окошко от зависти? Если будешь прыгать, отдай мне свой гербарий. А то мне лень его собирать.

Дверь внезапно распахнулась. Армисия, сощурившись, прошипела:

— Так может тебе от него только подарки нужны?

— Ты дура? Почему это "может"?

Элен расхохоталась, дверь захлопнулась.

Конечно, настроение рыжей она испортила. Но как оно испортилось у самой Элен...

Её поразила мысль, что она сама ревнует. Острое, пронзительное, гадкое чувство уже отыскало свой уголок в душе девушки.

Тильда догнала Элен в коридоре:

— Госпожа Эленочка, вас госпожа Марева зовёт!

Элен радостно помчалась к своей единственной советчице, которой доверяла на все сто!

— Где твой охламон? — Марева по обыкновению ворчала. Забираясь на уютный диванчик, прихватила миску с солёными фисташками.

— Кто? Какой охламон?

— Ну "милочка" твой? Все мозги тебе ерундой забил небось. Тычинками всякими.

— Не, он нормальный дядька, — Элен уселась поближе к Мареве. На столике напротив в гранёной вазе играло разливами красного мёда смородиновое варенье. Элен без спросу подтянула вазочку к себе, уплетая варенье, поглядывала на сваху.

В открытое окно несмело заглядывал ветерок, пахло жасмином.

Марева молчала. Элен, облизываясь, собиралась с мыслями.

— Я влюбилась, — девушка опустила счастливые глаза.

— Что ты говоришь?! — Марева покачала головой. Наконец-то, давно пора. Может, баба в тебе проснётся...

— Ну вот, ты опять ругаешься.

— Не, это я так надеюсь на радость. Ещё чего расскажешь?

— Ой, давай расскажу! — Элен отставила пустую вазочку, глаза её сияли, — Он подарил мне драгоценные бусы, платье к ним. Мы стали говорить друг другу "ты", и... — Элен ступевалась,

— в общем, мы целовались.

Марева сползла с дивана, отряхнула ладошки, достала вишнёвочку. Налила себе, Элен:

— На дорогая. Чтоб вот как сейчас глаз у тебя горел, а из другого места прям чтоб пожар.

— Скажешь тоже, вечно ты про своё.

— Не про своё, а про твоё — Марева рассмеялась.

— Марева, мне спросить надо. Меня грызёт, убивает, ранит ревность к Армисии. Раз он со мной, зачем она здесь?

— Ой, прям убивает, ранит... Слова то какие. Точно, хрени всякой начиталась в книжках. — Марева и не думала утешать Элен.

— Армисия была до тебя, после тебя и останется. Ты жена, мать. Она любовница.

— То есть он будет с ней спать и после того, как женится на мне? — от удивления у Элен брови полезли на лоб.

— Ну, конечно, с ней. Не с Сеулом же. Армисия его давняя любовница, что тут такого?

— Не бывать этому. Или я или она.

— Ты чокнулась?

— Марева, у мужчины в норме одна женщина.

— Это кто тебе сказал? У мужчины всегда много женщин.

Жену бережёт, гуляет, лелеет, она рождает, он заботится. А другие под рукой, для надобностей, по настроению.

— Я так не хочу.

— А тебя кто-то спросил, Элен?

— Ладно, — Элен взяла себя в руки, — В самом деле, что я веду себя как дурочка. Это я с Алонсо сама решу.

Элен попыталась отдышаться, прийти в себя. Ревность снова скрутила её до рези в животе, до удушья, до слабости в коленях.

Элен вспомнила ещё один вопрос:

— Марева, у меня случилась некрасивая история с сестрой Алонсо, со Стеллой.

— Знаю, знаю. Мне уже всё рассказали в подробностях.

— Кто?

— Оно тебе надо, кто? Ишь, любопытная.

Марева потянулась за трубкой.

— То, что ты врезала ей, так Стеллка заслужила, понимаю. Однако скажу: зря! Она баба злющая, не простит. Главное — ты себя не с лучшей стороны показала.

— Марева, о чём ты?! Эта шибанутая меня за волосы схватила.

— Вот покладости в тебе нету. Ну, схватила. И что?

Вот если бы ты разревелась или в обморок грохнулась, другое дело. Тогда бы Алонсо тебя защищал, бедненькую. Стеллка стала бы забиякой, он бы её наказал. А так ей уже дали сдачу. Всё. К ней вопросов нет. Вся ситуация: подрались две бабы.

— Я себя в обиду не дам.

— Откуда ты такая идиотка? Говорю тебе, женщину мужик защищает. Если бы ты расплакалась, он бы вечно перед тобой за сестру винулся, — от напряжения Марева раскашлялась, замахала руками. Элен подала ей воды.

— Хитрой надо быть. Тут промолчала, там перетерпела. А сама чужими ручками сдачу-то и смастерила. Помяни моё слово, Стеллка так и сделает.

— Да что же это! Тут не права, там не так сделала, — Элен расплакалась, — я думала, ты меня защитишь.

Марева погладила её по плечу.

— Да как тебя жалеть, если ты, коняка боевая, летишь, спешишь, ног не чуешь.

— Понимаешь, Марева. Стелла слишком явно меня ненавидит, — Элен вытерла слёзы, — она как будто что-то прячет за этой ненавистью ко мне.

Марева вздохнула. Она отлично знала, какие толстые жгуты интриг собираются под сводами замка. Но Элен ещё рано знать об этом. Простовата, прямолинейна, узнает лишнего, сама себе навредит.

— Ничего больше спросить, сказать не хочешь?

Элен слышала вопрос, но даже не поняла его. Она настолько провалилась в беспомощность! Это как это так, Армисия останется в любовницах, а Стелла ещё и в победительницах.

Элен хотела вспомнить про библиотеку, но вовремя прикусила язык. Они же с Сеулом договорились. Хотя ой, как хотелось спросить.

— Ну, тогда меня послушай. Скоро Алонсо вернётся. Беги, встречай.

Элен вопросительно уставилась на Мареву. Как это?

— Вот где не надо, ты шустрая. А где чуйку включить, так нету тебя! — Марева не на шутку рассердилась,

— Иди, говорю, первая мужику появишься на глаза. Или хочешь, чтоб Армисия тебя опередила. Элен, ты на войне!

— Да я и сама хотела, просто неудобно как-то. Один поцелуй, а я уже в глаза полезу?

— Ну, тогда снимай барахлишко и ползи в конурку, где раньше сидела. Проваливай с глаз моих! — Марева взбесилась: — Раз неудобно бабой быть среди баб. Ты боец или нет? Любишь его? Хочешь быть с ним? Решай, или с Армисией бой, или иди от драгов отбивайся.

Элен обиженно смотрела на Мареву. Чувствовала, что она права, но не понимала, как это уложить в собственной голове. Она стеснялась быть навязчивой, стеснялась проявлять инициативу.

— Элен, ты во многом не в курсе. Если Алонсо назовёт тебя своей, так я много чего расскажу. А чейчас сделай милость, послушай старую бабушку.

Марева подседа рядышком, понизила голос до шёпота.

— Алонсо ещё не назвал тебя своей. Не спал с тобой. Пока перед законом Армисия в приоритете.

— Почему?

— Ох, — Марева ласково постучала пальцем Элен по лбу, — потому, что он наделяет её своим семенем, а она никак не понесёт. Не знаю почему. Вернее знаю, но это тебе рано знать.

Марева встала, выглянула за окно, за дверь. Стала говорить ещё тише.

— Драконы живут тысячу лет, быают дольше. У них собственные, истинные жёны, драконши. Они рожают раз в жизни, поэтому для дракона клан — это всё.

Остальное время у них в спутницах земные жёны. И они рожают, но только мальчиков.

Если Совет Драконов одобряет такое рождение, человеческий мальчик имеет силу и бессмертие дракона, получает магическую защиту от смерти и становится лучшим правителем. А если не получает одобрения Совета, проживает обычную человеческую жизнь.

Элен сидела придавленная новостями.

— Как Алонсо объявит тебя женой, всё расскажу. А вот чтоб объявил, иди-ка, девочка, умойся и встреть уставшего мужика лаской да улыбкой. Понимаешь, о чём я?

— Да, Марева. Спасибо.

Я ведь и сама не могу удержаться, чтоб не броситься к нему...

— Ну, так кто неволит? Иди скорее.

Элен, окрылённая собственными чувствами, радостно помчалась на встречу с любимым.

"Беги, беги девочка, тебе никак нельзя опоздать", Марева рада была, что сумела убедить строптивую девчонку взять ответственность за себя в собственные руки.

— Ой, Мареву слушать — депрессию свою позорить. — рассуждала Элен, бродя по саду в ожидании Алонсо, —

Разве Стеллке зря я наваляла? Ничего не зря. Ведьма чернявая, достала уже.

Последние дожди вымочили сад, Свежая, выстриженная травка топорщилась острыми срезами. Девушка не замечала, что её туфельки и подол платья промокли насквозь. Она не сводила глаз с неба, вслушивалась в каждый звук.

Вечерело. Тучные, тяжёлые деревья стояли тёмными шатрами. Всё пахло просыхающей свежестью. Уже закат расцветил небо в розоватый цвет, Алонсо всё не было.

Становилось прохладно, Элен озябла.

Звук подлетающего дракона был для неё самым желанным. Гул с мерными, тяжёлыми хлопками раскроил небо. Алонсо груженным КАМазом пронёсся над стеной, удивительно легко приземлился.

Элен со всех ног бросилась к нему, со всех сил прижалась к его мощной, твёрдой шее, бережно касаясь чешуи на морде зверя. Она вдруг интуитивно почувствовала, что ему грозила опасность.

Алонсо от неожиданности даже не обернулся в человека, так и стоял драконом, замерев в руках хрупкой девушки.

— Тебя так долго не было, где ты был?

— На войне, — от удивления Алонсо и не подумал промолчать, что было в его правилах. Никто и никогда раньше не встречал, не ждал его. Вообще не интересовался им лично. А тут... Холодный, расчётливый мужчина растерялся, сраженный искренней радостью. Обалдеть, его ждала та самая девушка, в которой он сам недавно успел разглядеть нечто, его зацепившее.

— На войне!? Как на войне...

Она оглядывала его всего. Касалась царственной головы, украшенной гребнем изумрудных шипов. Мелкая ромбовидная чешуя по шее была липкая, в крови. Крылья, произведение небесного искусства, те, что со свистом раскрывались куполами, пружинили в воздухе. Раздирали небо когтистыми, острыми как обсидиан шипами на выступах, сейчас были забрызганы алыми сгустками.

Для Алонсо это был сюрприз. За него, воина, не знавшего сострадания и жалости, переживали! Она спрашивала откуда кровь, что у него болит.

Зачем ей знать, что он, жестокий и подозрительный, не доверял никому. Тайно прибыл в отряд, на который было больше всего жалоб с северных земель.

Что в своей расправе не позволил приблизиться даже верному Сеулу, собираясь самолично наказать предателей. Сеул свирепым грифоном жадно следил за хозяином, оберегая его. Сидел на возвышении, нервно вздрагивая чёрными крыльями, готовый в любую секунду сорваться на помощь.

Наблюдая сверху за манёврами Алонсо, Сеул наслаждался картиной месива, запахом крови, исчадием страха из своры убегающих ящеров.

Обнаружив мародёров, Алонсо загнал их в ущелье. Рассвирепев, рычал так, что рушились камни. Его глаза прожигали несчастных насквозь. Дракон хрипел, изрыгая клубы пламени.

Его зверь рвался навстречу всем и каждому, огненным вихрем сметая отряд собственной армии, посмевающим нарушить его правила.

Кровь на его чешуях вскипала, воняло палёной плотью и не было ясно, сам ли он ранен, или это ключья тех, кто посмел пойти против его воли — драгов.

Если когда-то вам не повезло пройти мимо мусорной свалки в жаркий день — эта вонь ничто, по сравнению с той, что источали разлагающиеся тела драгов.

Тучи насекомых находили в них свою поживу, тела превращались в копошащуюся массу.

Нападение закончилось быстро. Алонсо рассчитал всё верно. Первым прилюдно уничтожил командира зарвавшегося отряда. Показательно наказав одних драгов, дал время другим отрядам наёмных драгов очухаться и занять нужную ему позицию.

Теперь в подразделениях все знали, наказание неотвратимо.

Алонсо не стал пугать Элен рассказами что за пятна и чьи мозги прилипли к нему. Аккуратно обернулся в человека и нежно обнял девушку.

Элен и не заметила, как оказалась в объятиях мужчины. Запах сменился. Теперь от него пахло не драконом, а вполне по человечески. Как от мужика, отпахавшего целый день на солнце — потом, усталостью. Завершённость какой-то, что ли.

Элен гладила его лицо, плечи. Ему казалось, она снимает с него огненную броню, ещё не остывшую после боя. Он вымотался, как канадский лесоруб, нежность женщины была для него тем удивительна, что он впервые почувствовал себя любимым.

После её нежных прикосновений от усталости не осталось и следа.

Элен такая лёгкая, смелая. Поцелованная чужими, неизвестными ему богами женщина, которая скоро будет принадлежать только ему.

Алонсо касался её милого личика, пряча его у себя на плече. Ему хотелось поднять, утащить её к себе, ощутить её всю под своим телом. Слышать, как она будет трепетать, задыхась под его лаской, отдаваясь на волю победителя.

Элен откинула голову, бесстрашно открылась ему лицом — он пил нектар с её губ, влажных, горячих. Не замечал спустившейся ночи. Любопытная луна, укрытая пеленой серебристого тумана, раскачивалась на звёздных качелях, с удовольствием наблюдая за рождением любви.

Элен до сих пор не привыкла ездить в карете. Тряска по мощёным улочкам, или того хуже, по бездорожью сказывалась на ней не самым романтичным образом.

Она уже пару часов ехала по однообразной лощине, окружённой высокими холмами.

Изнывая от скуки и усталости, Элен, выглядывая в окно, издалека разглядела жильё.

Большой деревянный сруб на мощном каменном цоколе втиснулся спиной в самое основание холма. Живописно окружив себя ухоженными клумбами, гостеприимно чадил дымком над остроконечной крышей.

Слева от него тянулся сад, за ним винные погреба. Справа на всю высоту холма протянулись шпалеры виноградника и чуть поодаль милый двухэтажный домик с террасой.

Шале. Вот там, наверное, Элен и проведёт несколько дней вместе с Алонсо.

Как только карета остановилась, Элен, не дожидаясь, пока подадут скамеечку для ног, резво выпрыгнула из древнего внедорожника.

Алонсо стоял недалеко, Элен приблизилась к нему, он вежливо подал ей руку. Молча взглянул в глаза. Она искала в них чувств, но нет, взгляд сдержанный, вежливый, не более.

Элен уже замучилась анализировать его поступки, свои поступки. То, что для мужчины скрывать свои чувства, особенно на людях, это нормально — ей не пришло в голову. А вот расстроиться пришло в голову моментально.

Навстречу к Элен выскочила немолодая женщина.

— Габриэлла, вручаю тебе гостью. — Алонсо кивнул Элен, чуть задержав взгляд на её лице и ушёл в сопровождении управляющих к винным погребам.

У него было много дел. Надо было самолично проследить за торговым движением, виноградники в Глейнташ потеряли прибыль в руках Стеллы.

Элен растерянно смотрела ему в след. Она, честно сказать, рассчитывала на большее внимание.

Невысокая, приятная женщина поманила Элен за собой:

— Пойдёмте со мной, госпожа!

Элен поднялась по высоким каменным ступеням, перешагнула порог. Дом был разделён на две половины. Первая была гостиным залом.

Большая, полутёмная комната с длинным столом посередине. Окно, увитое плющом, вовсе не пропускало свет. Массивный камин тлел небольшим сизым курганом, ожидая посетителей. Всё просто, добротно и чисто. Еле уловимый запах пихты, пряностей добавлял уют.

На второй половине дома, стоило Габриэлле открыть дверь, Элен оказалась в водовороте чужой жизни. Здесь было шумно, как в придорожном кафе, куда набилась итальянская семейка.

Туда-сюда метались работники, что-то вносили, выносили. Доносился гул женских голосов с кухни и мужской — злой, резкий. Мужчина окриками поторапливал, подгонял поварих.

На стенах коридора, вдоль которого вела её Габриэлла, висели лубочные картины с изображением батальных сцен. Их здорово дополнял кусок стрелы, застрявший как раз в стене между ними.

Поймав взгляд Элен, Габи миролюбиво улыбнулась: мои мальчишки шалят. Их у неё

было четверо, и один из них, как она выразилась "младшенький", тащил тяжеленный жбан с вином, топая сапожищами.

— Госпожа, вот наш повар, — хозяйка завела Элен в комнату. На полу всюду стояли корзины с овощами, зеленью. Лежали огромные туши зайцев, поодаль свалена битая птица.

— Вы можете рассказать свои пожелания, он постарается приготовить всё так, как вы любите.

— Я буду всё то, что готовят для лорда Алонсо.

Повар поклонился и вышел.

Габриэлла отправилась с Элен в шале.

Двухэтажный домик с чудной террасой казался сказочным. Поначалу Элен растерялась внутри него.

Маленькая прихожая и две двери по бокам впритык упирались в лестницу на второй этаж.

— Госпожа, ваши вещи сейчас принесут, всё развешат по местам. Вам, верно, надо отдохнуть.

— Габриэлла, обращай ко мне просто Элен. Никакая я не госпожа.

— Хорошо, Элен. А я Габи.

Женщина улыбнулась.

Толкнула дверь в одной из стен:

— Вот эдесь женская половина.

Элен заглянула — большой чан с водой, лавка, мыло, свёртки полотенца. Габи поясняла: в углу печь, в ней постоянно поддерживают огонь, поэтому вода горячая.

С другой стороны мужская половина.

— Элен, хочешь, я помогу тебе принять ванну?

— Спасибо, Габи. Я сама. Да, я чуть не забыла. Марева просила передать тебе, что она ждёт свой заказ.

Габи простодушно улыбнулась,

— Раз Марева доверила тебе просьбу, значит ты очень хорошая девочка. — Габи немного помедлила, потом предложила:

— Завтра, как лорд Алонсо отправится по делам, обязательно приходи ко мне, Элен. Я научу тебя готовить флёрдоранж.

Габи ушла, напоследок сообщив, что скоро её пригласят к ужину. Элен поднялась по лестнице на второй этаж и ахнула!

Она попала в сказочный волшебный мир своих детских представлений. Чудесная комната, с выходом на террасу. Свежий воздух прохладными облаками клубился, играл с тончайшим тюлем. Далёкий птичий гомон летел откуда-то снизу, из подножия холмов. Оттуда начинался синий лес, небо было бездонным, казалось весь дом стоит в центре неба.

Вся комната это очаровательная спальня с роскошной кроватью, креслами и конечно, громадным камином на всю стену.

Элен немного хандрила, вспоминая как Алонсо холодно встретил её. Она скучала, каждую минуту думала о нём, сердилась. Ей хотелось увидеть его и ещё...она гнала от себя мысль о том, что в спальне одна кровать.

А значит... она вспыхивала от мысли о том, что это значит. Она не маленькая девочка, не ханжа, тем не менее, ей было неловко, волнительно.

Она страстно желала этого, и она жутко стеснялась, а ещё эти сомнения, что уже съели

ей душу: кто она для него? Он назвал её "гостья", когда знакомил с Габи. Вот что он имел в виду. Вообще гостья или это для Габи она гостья.

Запутавшись в своих сомнениях, окончательно потеряла мысль, как только её пригласили к ужину и она увидела Алонсо.

Первым желанием было броситься к нему, но вспомнив его взгляд "ни о чём" — замешкалась.

Она всё ещё не знала как себя вести, в смущении боясь показаться навязчивой, уронить целомудрие.

За ужином им прислуживала девушка. Стояла истуканом, совершенно не умея налить, подать. Короче, больше мешала. Да Элен и не важна была еда.

Сидя за столом, чувствовала взгляд Алонсо на себе, стеснялась посмотреть ему в глаза. Боялась, что он прочтёт в её взгляде, как она влюблена, а это, наверное, не скромно. Он вон какой сдержанный, ни один мускул на лице не шевелится.

Подали чай с пирогами. Тут Элен дала себе волю! Выпечка, это то, что она никогда ни на что не променяет.

Алонсо с удовольствием наблюдал, как девушка, не жеманничая, уплетает пирог с яблоками. Вот ведь сладкоежка, щёки перемазаны вареньем. Он невольно улыбнулся, глядя на неё.

Она поймала его взгляд, потупилась, потом вскинула просиявшие синие озёра глаз и озарила своей улыбкой. Такой милой, нежной, доверчивой. Она необыкновенная.

Алонсо уже не спускал глаз с очарования напротив. Первый раз за свою жизнь он встретил глаза, которые абсолютно доверяли ему и ни капли не боялись. Дерзкие, весёлые, бесстрашные.

По дороге к шале, после ужина, Элен шла под руку с Алонсо. И хотя дорожка была такая узенькая, для одного, они шли рядом.

Всю романтику сбивал идущий позади них "младшенький", нагруженный корзинами с фруктами, сыром и вином.

Долго скидывал сапожищи на пороге, потом составил всё это у лестницы и шумно дыша, наконец, ушёл.

Алонсо по хозяйски тут же поднял провиант на террасу. По домику двигался свободно, легко, видно было, что он тут не в первый раз.

К Элен тут же "по-дружески" прилетела ревность и давай стучать дятлом: прикинь, сколько тут всяких Элен побывало!

Влюблённость победила, ревность улетучилась.

Трепет заполнил всю девушку, когда Алонсо, проходя мимо, чуть коснувшись губами её виска, направился в мужскую ванную комнату.

Кстати, и ей пора. Она вошла в ванную, с удовольствием скинула с себя всё, в чём была. Тёплая вода, нежнейший запах мыла, тишина и трепетное ожидание сделали своё дело. Элен не помнила себя от радости и смятения.

С удивлением обнаружила, что в сундуке с её банными вещами лежало всё, что угодно, но не было ночной сорочки. На Тильду это не похоже! Элен перевернула всё вверх дном — нету! Ну, Тильда, погоди. Это же надо, опростоволосилась то как служанка!

Зато лежал халат, которого Элен раньше не видела. Она примерила его. Чёрно-красный бархат, подбитый тонким мехом, с белыми отворотами горностая на воротнике и манжетах. Это же королевская мантия!

Давно пора было выходить из ванной, Элен всё медлила, немного стеснялась. Подходила к двери, бралась за ручку и отступала. Наконец, решилась.

Запахнув халат, неслышно поднялась, толкнула дверь. Лунный свет серебристой дорожкой приглашал войти в свои колдовские туманы. Казалось, Алонсо спал, раскинувшись могучим телом на всю ширину кровати.

Элен проскользнула мимо, отодвинула пелену тюля, впуская ночь к себе в гости.

Алонсо подошёл неслышно, развернул её к себе. Целовал шею, медленно спуская с её точёных плеч драгоценную ткань халата. Горячо, плотно ведя рукой от лопаток к талии. Коснулся поясницы, прижал к себе, поймав её вздох, когда она уперлась в его горячую твёрдость. Теперь она вся была в его власти.

Опрокинув девушку на кровать, накрыл смущённо закушенную губку своими губами, коленом раздвинул её ноги, подобрал всю под себя. Его шею коснулся ее горячий, рваный вздох, она вся поддалась к нему навстречу, впуская, томилась горячим напряжением. Выгибаясь под ним, распалила его всё сильнее, упираясь в него плотной грудью. Он смотрел ей в лицо, в лунном свете ловил трепет её ресниц. Дразнил её страсть, тот еле касаясь то погружаясь, заглушая её стоны поцелуями.

Луна, смутившись, отводила взгляд, комкала облака. Нахальные звёзды подглядывали, вздрагивая, мерцая и завидуя страсти...

Элен проснулась, но не открывала глаза.

Лежала, придавленная его телом, чувствуя его запах, слыша биение его сердца, плавное дыхание. Самое волшебное время страстного послевкусия ночи, запускающее счастье жизни.

Аккуратно выбравшись из под любимого, внимательно рассматривала его лицо.

Ровный нос, чёрные, соболиные брови вразлёт. Высокий лоб, широкие скулы. Подбородок квадратный, чуть подёрнутый щетиной, колючий, тёплый... Губы, о эти губы. Плотные, чётко очерченные, упрямые, жгучие, требовательные.

Алонсо — нежный, сильный, жаркий, ненасытный, — спал. Элен нежно скользила взглядом по стальным бицепсам, гора мышц на спине резко обрывалась к узким бёдрам. Здоровенный мужик подтянул пудовый кулак под щеку, посапывал милым котиком.

Мало кому пришло бы в голову разбудить и раздражить спящую мощь. Элен женским чутьём понимала, какую власть обрела над ним, ласковой пантерой потрепала его чёрные кудри, шепнула "я скоро" и умчалась.

Помня о приглашении Габи, заинтригованная её обещанием, решила сбегать к ней, пока Алонсо спит.

Пробираясь через влажное, сонное утро, немного продрогла, однако, Габи уже ждала её.

— Ты пришла, моя птичка! — женщина встретила Элен как старую знакомую, — на вот, перекуси да за дело!

Элен надкусывала горячую корочку пропечённого хлеба, запивала молоком и не было завтрака вкуснее.

Габи повела её за собой. Предраассветная мгла сиреневым шлейфом поднималась с земли. Умытая росой трава протягивала свои былинки первым лучам солнца.

Габи вела её вдоль жёлтой каменной стены, подпирающей бок осыпающегося склона. Отвоеванный ею огородик протянулся тонкой полоской-дорожкой к померанцевой рощице.

Глубокий, сладкий запах, сродни цветущему жасмину, свалившемуся в горячий мёд, сладкой пеленой пробивался сквозь свежесть утра...

Женщины подошли к круглым деревьям в яркой зелени овальных листьев, усыпанные белыми резными цветами. Цитрусовый дух наполнил ароматные порывы ветра.

— Запомни, Элен. Этот цветок — мужчина и он чувствует твои руки. Трогай его аккуратно, бережно. Представь, что ты ласкаешь мужчину.

Лучше бы она этого не говорила. До её слов Элен просто любовалась, вдыхала блаженство тончайшего аромата. Теперь впечатления прошлой ночи мурашками рассыпались по её плечам, каплями горячей ртути рванули в пояснице.

Касаясь плотных алебастровых кончиков цветка, её накрывала та чувственность, скользящая, разжигающая, как от прикосновений к его телу.

— Вот что чувствуешь, то и наколдуюшь в своём настое, — Габи уже несла плетёнку цветов к дому, Элен шла за ней.

Женщины перебирали лепестки, перетирали их в ступке с крошкой секретного корня. Складывали в мудрённую кастрюльку с тоненьким носиком сбоку.

Там, под крышкой, что то пытело, булькало. Габи через тонкий носик сливала клубящийся туман в графин, обложенный льдом.

— Смотри, Элен, — Габриэлла протянула девушке малюсенький флакончик синего

стекла. Эта водичка придаст жару твоим желаниям, когда придёт время.

Я научу тебя, что надо делать, когда тебя охватит страсть и ты не сможешь ни о чём думать, кроме как о наслаждении с мужчиной.

Это обязательно произойдёт, поверь, такое происходит у всех. — Габи подала флакончик девушке. Он был такой маленький, чуть больше напёрстка. Элен хотела понюхать, крышка плотно сидела в горлышке, не открыть.

— Подожди, не открывай. Послушай. — Габи присела, наблюдая, как Элен вертит в руках тёмно-синюю склянку.

— Этот пузырёк откроешь только в ночь любви, когда страсть любви затмит белый свет. Капни своему мужчине одну только каплю, этого достаточно, чтоб он воспламенился в ответ. Но помни, эта жидкость женщине не поможет. Только мужчине. Да, и главное: капай или в кофе, или в красное вино. Одна капля окрасит всё в кровавый цвет.

Элен без энтузиазма слушала Габи.

— Лет через пять снова приезжай. Там уж другой настой приготовим. И тогда, каким бы усталым или злым твой мужчина не появился перед сном, не беда! Стоит капнуть ему три капли в питье и он ответит тебе той же страстью.

— Габи, я не хочу тебя обидеть, но понимаешь, не в моих правилах тайно капать что-то в пищу. Мужчина должен сам пылать чувствами. Тайно капать это не честно.

— Всё, что женщина делает: моет волосы, подбирает аромат, надевает бусы — всё это она делает только для того, чтоб мужчина заметил и захотел её.

Есть настои, их достаточно закапать в глаза и они сияют волшебным блеском, юностью, свежестью — такие глаза он запомнит и вернётся к ним.

Есть запахи, которые околдуют его и он не выпустит тебя из жарких объятий, сведённый ими с ума.

— У нас итак всё хорошо, — обычная недалёковидность молодой особы не удивила старую колдунью.

— Молодость не умеет наслаждаться. Она порывиста, спонтанна. Наслаждение мимолётно. А вот потом, когда расцветёшь, как это померанцевое дерево, принесёшь плод, вот только тогда вспомнишь мои слова.

Я научу тебя готовить этот настой, скажу волшебный заговор, и ты сможешь доставлять ему радость так долго, как только он сможет выдержать. Да и сама лизнёшь мёду.

А ещё дам тебе травки от хвори бессонной. Женщине надо спать. Хорошо, долго, сладко. Вот, смотри.

Женщина складывала в холщовый мешок пучки трав, объясняла что для чего. Туда же положила синий пузырёк:

— Пригодится!

Габи достала другой мешочек:

— Вот это Мареве передай. Давно надо было отдать, да не с кем было доверить.

Габи выглянула за дверь, прикрыла окно, под села к Элен и стала нашептывать ей слова заговора от бессонницы. Девушка старательно повторяла, слушала.

— Элен, мешочек с травами и пузырёком я в сундук с вещами твоими сложу. А графинчик с флердоранжем сейчас бери. Будешь купаться, добавляй по капле. Для аромата.

Габи встала, прошла по комнате.

— Ну, иди, Элен. Твой хозяин, верно, уже проснулся. Иди.

Элен с благодарностью взглянула на Габи, взяла графинчик и отправилась в шале.

Элен, легко перескакивая по пятнышкам редкой пожухлой травы между шпалерами виноградника, возвращалась от Габи.

Вид у девушки был лихой. Габи научила её подбирать подол платья в тугий узел, оголяя ноги до колена. Так легче было взбираться по сыпучему холму плантации.

Пробираясь через виноградник, Элен скинула башмаки, зажав их подмышкой, с удовольствием касаясь прогретого песка босыми ногами.

В зажатой руке она держала глиняный графинчик с настоем флёрдоранжа. Другой срывала спелые янтарные, с зелёным отливом виноградины.

С наслаждением придавливала их языком, наслаждаясь фруктовым мёдом. Счастливая девушка запрокинула голову: небо голубое-голубое, ни птички, ни облачка, прям глубина бездонная!

Глянув под ноги, Элен встала как вкопанная. На неё смотрели два подслеповатых глаза в мутной поволоке. Жёлто-коричневая змея лежала в шаге от голых стоп Элен.

Гюрза скручивалась, медленно подтягивала, свивала своё тело в кольца. Замерла, затаившись пружинной, готовая рвануть сию секунду.

Время остановилось, сердце Элен частило. Девушка смотрела в немигающие глаза, не в силах шевельнуться.

Нереальность происходящего притушила звуки, запахи вокруг: были только она и змея. Шипящая смерть подбирала свои кольца всё туже, у Элен в голове билась единственная мысль "только не сейчас, не сейчас, когда я так счастлива..." Девушка запустила обратный таймер, подумала: " вот сейчас скажу три, два, один и побегу!"

Внезапный ураган силы, смешанной со звериной ловкостью, выдернул девушку из гипноза смерти, выхватил, отшвырнул далеко в траву.

Следующий миг — клубок пятен, мелькнувший перед глазами, всё в кучу. Её жёсткое приземление, запоздалый ужас осознания беды, черепки расколотого графина с настоем из горького апельсина. И всё.

Мгновение назад её вырвали из смерти. И снова небо было голубое, солнце знойное, а воздух расплавленный. Всё ровно так, как два мгновения назад.

Во рту у Элен пересохло, она не могла сглотнуть, сидела растрёпанная, уставившись на своего спасителя — Алонсо.

Он присел перед ней, протянул руку, бережно убрал локон со лба. Прозвучало хрипло, зло:

— Ты вбила занозу в моё сердце.

Желваки ходили ходуном на его лице:

— Заноза, это когда больно. Элен, я не привык, я не хочу этой боли, это мешает мне!

Она сидела как немая." Что это было? Он упрекает меня тем, что спас?!"

— Я не просила защищать меня.

— Я не спрашивал тебя о том, что мне делать.

— Тогда чего ты сейчас хочешь?

— Ты не смеешь выходить из дома без моего разрешения.

— Я ходила к Габи по женским делам.

— Повторяю, только с моего позволения. Я требую повиновения!

— Почему?

— Элен, не беси меня! Повтори, что я сказал!

Она упрямо молчала, наблюдая как по разорванной в клочья змее ползали мухи с жирными зелёными брюшками. "Это по мне они должны были ползать," подумала Элен.

— Я жду! — он не отрываясь смотрел ей в лицо.

— Ну и жди! — Элен вспыхнула. Хотела ещё что-то добавить, но запас хладнокровия закончился, она расплакалась.

Как маленькая девочка, размазывала слёзки ладошками. Захлёбываясь, выдавила из себя:

— Ты такой же злой, как змея.

От неожиданности он поднялся, отступил. Она тоже встала вслед за ним. Вытерла слёзы, решительно заявила:

— Давай закончим эту историю, Алонсо. Змея — случайность. Спас, спасибо. В следующий раз не спасай. Сама разберусь со своей жизнью и смертью.

Она собралась идти в шале, по дороге решив, что делать дальше. Он рванул её к себе. Смял. Стал душить её поцелуями, зарывшись руками в волосы.

— Если бы тебя сейчас не стало, мне как быть дальше?

— Одной занозой меньше, одной больше, ты бы и не заметил! — она пыталась вырваться из его объятий, отворачивалась от его требовательных губ.

Почему-то это развеселило его. Она выцарапывалась, пыталась отвернуться, но не тут то было. Он играл с ней, как с котёнком, забавляясь собственной силой, ощущая свою полную власть.

Ему нравилось удерживать в руках это выкручивающееся прелестное создание, чувствовать, как тает его собственное сердце. Но небеса! Как же она бесила его своим упрямством.

Одновременно он хотел добиться её расположения, взаимности. Ему нужна была её радость от того, что она в его руках, искренняя, такая, какую он уже раз почувствовал, когда она встретила его на поляне в саду замка.

Он целовал её плечо, расцелованное до него горячим солнцем, пьянел без вина, вдыхал терпкий запах её волос, окунувшись в горькую цедру расплескавшегося флёрдоранжа.

Элен храбрилась, пыталась выдраться из стальных объятий, а ещё больше хотела сдаться ему, наконец, захлебнуться в страсти. Взвинченная пережитым страхом, его храбростью (а может, просто звериной ловкостью — он одной рукой раздавил в клочья ползучую гадину).

Элен уже не имела сил сопротивляться.

Алонсо, обнимая, удерживая девушку сам не понимал, почему ему так приятно её сопротивление, почему прощает ей... Любой другой бы уже свернул шею, брезгливо отбросил и не повернулся в её сторону, не вспомнил.

Чувствовал, что она слабеет в его руках, её руки обнимают его... Вот награда, которой он жаждал. Свирепый воин, жёсткий, он растаял от ласки той, чью беду почувствовал интуитивно, и оказался рядом по велению сердца зверя.

Элен внесла поднос с завтраком. Горячие гренки ещё дымились. Засахаренные оранжевые апельсиновые полулуныя прозрачно светились в лучиках солнца. Свежая малина, сметана, творог — хотелось попробовать всего и сразу.

Элен поставила поднос на столик, огляделась. А, да! Забыла кофейник на пороге. Аккуратно внесла синий, выдавший виды кофейник с чудной крышкой. Вероятно, она не раз звонко падала на пол — погнутая с краёв дребезжала, издавая требовательный звон колокольчика.

В открытые окна заплывал свежий воздух, она подставила лицо весёлому сквознячку, обернулась на шорох.

Алонсо смотрел на неё с кровати, приподнявшись на локте. Жгучий брюнет немного щурился от вездесущего солнца, нахально подглядывающего за влюблёнными.

Он рассматривал девушку в удивительном простом, жёлтом, как липовый мёд платье с круглыми рукавчиками.

Смотрел и не видел ничего, кроме свежести белой кожи в солнечном облаке. Её платиновые волосы, немного синие, из-за падающего неба в окно. И глаза казались синими-синими, может быть, потому, что она держала в руках тёмно-синий кофейник?

Элен замерла, улыбаясь смотрела на ленивую негу своего мужчины.

— Хочу познакомить тебя с моей древней тётушкой. Она замечательная, тебе понравится — Алонсо щурясь смотрел на девушку.

— У вас бывают милые женщины, которых не надо опасаться, как монстров?

— Моя тётушка Мирабелла не монстр, она их учительница! — это была первая шутка, которую Элен слышала от Алонсо.

Вместо того, чтоб подыграть ему, так ведь нет, снова полезла напролом.

С неё романтику сдуло в одно мгновение, настроение стремительно полетело вниз. Его родственники, ни молодые, ни древние, не внушали ей радости.

— У меня есть выбор? — Элен потухла, утро было испорчено.

— О чём ты?

— Алонсо, зачем мне ехать к твоим родственникам? Кто я. Невеста, любовница, рабыня, кто?

Алонсо не меняя позы озадаченно смотрел на неё. Стальные бицепсы буграми вздымаясь над шёлком белья, отвлекали Элен, она стойко отводила взгляд.

Сейчас её тревожил вопрос, которым она решила добить это утро:

— Просто ответь одним словом, кто я.

Элен видела по его лицу, что перегнула палку, он начинает злиться. Вероятно, его настроение тоже рвануло под откос.

— Если ты помнишь, Элен, я не спрашиваю тебя кто ты, откуда. У тебя тоже есть белые пятна.

— Ты не ответил на прямой вопрос: кто я для тебя?

Элен снова ступила на свои любимые грабли "раздраконь дракона". Он холодно смотрел на девушку.

Горячий, вспыльчивый, уже распался сам по себе:

— Я не люблю словесные игры. Ты отлично знаешь, кто ты для меня.

— О, мой господин! Да, я знаю, мне это объясняли. Едем к вашей тётеньке, скорее, — Элен поясничала, действительно начиная злить его своим спектаклем:

— По крайней мере, теперь я знаю, кто я. Рабыня на собеседовании. Жаль, так хотелось забыть об этом!. Теперь буду блистать старыми знаниями! Ведь ты так и не назвал меня невестой, или любимой.

Он поднялся, схватил её за подбородок. Наклонился к самым губам:

— Замолчи.

У неё сбилось дыхание. Алонсо стоял перед ней полностью раздетый, она отвернулась, чтоб не смотреть на его бесстыжую красоту.

Однако закрыть рот ей так и не пришлось в голову.

— Ах да, я же дворняжка! — Элен деланно покачала головой:

— Стелла, твоя сестричка, яркая представительница вашего рода, она же мне всё объяснила!

— При чём тут Стелла. Кажется, с ней ты уже разобралась!

Один ноль в пользу Маревы. Вот тогда начинает доходить мудрый совет до задницы, когда тебя как щенка тыкают мордочкой в твою собственную лужу!

— Что значит "разобрались"? Она причинила мне боль, я дала сдачу.

— Ну да. Подрались две женщины. Что ни одной из них не делает чести.

(О, небо! Марева ведёт со счётом два ноль).

Элен, набрав воздуха, собираясь и дальше защищаться, вынуждена была снова отвернуться от обнажённого красавца, подобравшегося к ней вплотную.

— Элен, повторяю, не беси меня. Ты здесь потому, что я так хочу. И будешь делать всё, что я захочу! — в него вселился прежний Алонсо, Элен проиграла по всем позициям.

Однако, продолжала молча смотреть ему в лицо, забыв о его наготы. Жёлтая радужка вокруг вытянутого зрачка начала багроветь.

Он дышал ей в лицо, мелкая дрожь начала бить его тело. Какое зелье она варит в своём сердце, если только при одном взгляде на неё, он забывает обо всём на свете!

Он впился в неё губами, подмял под себя:

— Элен, что ты со мной делаешь!

Одежда уже летела с неё прочь. Его поцелуи становились жаркими, обжигающими. Руки подхватили снизу, через секунду она была уже на кровати. Нежно, победно скользила по нему руками сама, впитывала каждую его частичку, утопала в его порыве, принимала своего дракона.

— Не спорь со мной, женщина. Не буди во мне зверя, — хрипя, чуть задыхаясь в неистовой ласке, он придавил её всю. Не мог насытиться провалился в неё снова и снова.

— Я люблю твоего зверя, Алонсо. Дикого, страстного...

Он застонал, зарычал от удовольствия, рухнул рядом с ней.

Завтрак давно остыл. Гренки сокрушались о потерянной свежести. Малина рдела разгорячёнными боками, исходясь соком. Кофейник сиротливо ждал, когда вон те двое, что валяются без сил средь бела дня на кровати, выпьют кофе. И только жгучему солнышку всё это нравилось: оно забавлялось, играя переливами в апельсиновых дольках.

В ожидании, пока её позовут, Элен сидела на краю маленького прудика.

Небольшой фонтанчик в его центре брызгал серебристыми каплями, расплываясь кругами по поверхности. Девушка аккуратно водила прутиком по воде, разгоняя очаровательных рыбок, пёстрых, как конфети.

Вдоль мшистых бортиков торчала пучками водяная трава, на неё то и дело присаживались вёртки стрекозы.

Элен давно надоело сидеть взаперти в стенах замка, она была рада любому впечатлению. Последние пару дней девушка радовалась каждому мгновению.

Природа, новые знакомства и главное, любимый мужчина рядом. Забывшись, мурлыкала мелодию, что-то из прошлой жизни.

— Какую песню ты поёшь? — старческий голос заставил её вздрогнуть, она выронила прутик:

— Простите, госпожа. Я не успела с вами поздороваться.

На Элен смотрели пронизательные глаза подошедшего к ней существа. Этот взгляд привёл её в недоумение. Дама, а это была дама, наполовину человек, наполовину ...дракон?

Чешуя на лице, руки полностью в ромбовидных наростах, но с пальцами, да ещё и в кольцах. Изысканная причёска, изумрудное платье, крупные украшения на шее. Элен до неприличия откровенно уставилась на даму, вскочила, не знаю куда деть руки.

— Алонсо, где ты? — старушка искала глазами племянника, выпустив из внимания тот факт, что он держит её под локоть:

— Ты выбрал красивую мать для моих внуков. У неё серебряные волосы, белая кожа. Она родит северного воина.

Тётя Алонсо пронзительно смотрела в глаза Элен.

— Приноси мне своего сына, деточка. Я благословлю его. Ему нужна будет моя защита.

— Спасибо! — от нахлынувшей благодарности Элен схватила руку его тётушки, прижалась губами.

— Я слышала, у тебя странная судьба, расскажи мне.

— Тётя Мирабелла, давайте зайдём в дом — Алонсо плавно разворачивал тётю за локоток по направлению ко дворцу.

— Я может, плохо вижу, но хорошо слышу. Какая разница где слушать? — строго сказала старушка, — И не командуй тут!

Она вырвала локоток из рук племянника.

Элен было неловко наблюдать, как сухонькая бабушка наезжает на грозного, властного эгоиста, собственника на всю голову — Алонсо.

Тётя Мирабелла повернулась к Элен:

— Пойдём, дорогая, пить чай с мятой. Ты любишь мяту? Кстати, кто ты, прекрасная девочка?

— Да, госпожа, спасибо.

Элен следовала за Алонсо, которому удалось развернуть тётушку по направлению к дому. Обернувшись к Элен, коротко пояснил:

— Она в прекрасном уме, но память иногда даёт сбой. Бывает, забывает до конца обернуться в человека, как сегодня.

— Что мне делать, Алонсо?

— Почитать и уважать.

— Идём, Элен, — старушка тащила Элен за собой, — Не удивляйся. Иногда у меня что-то выпадает из памяти, но не надолго.

Они направились ко дворцу по дорожке, выложенной мараканской плиткой вдоль пышных клумб.

Многочисленные слуги в жёлтых ливреях пчёлами сновали туда-сюда. Заведённый рой обслуги, вышколенный донельзя, содержал роскошные залы и коридоры в стерильной чистоте. Изящные статуи белого мрамора, бесконечные гирлянды цветов, вычурная мебель придавили Элен своим великолепием.

Войдя в гостинную тётя Мирабелла уселась в кресло:

— Алонсо, дракоша, дай мне портсигар.

"Дракоша" послушно подал портсигар. Старушка затянулась от огонька, предложенного дворецким, выскочившим, как чёрт из табакерки откуда-то из-за шторы.

— Закуришь? — тетя протянула портсигар Элен.

— Спасибо, нет. Я не курю.

— Ничего, поживёшь в банке с нашими паучихами, закуришь. — бабуся гортанно засмеялась, закашлялась, её лицо заволокло дымом.

Вокруг неслышно, в мягких тапках, скользили слуги. Поправляли подушки в ногах тётушки, беззвучно накрыли стол к чаю, завалили его всякими потрясающими вкусными штуками.

Старушка дымила, лукаво поглядывая на Элен через сизую пелену дымка. Потом резко наклонилась, заговорщицки прошептала:

— Родиться мальчишка, сюда вези. У меня для вас обоих подарок. Не скажу какой. Слышишь меня?

"Что же она прицепилась к моему ребёнку", Элен начала уставать, чувствовала, Алонсо начинает сердиться. Интересно, почему, сам же сюда привёз её.

— Простите, тётя Мирабелла, я молчу, потому, что впереди совет, что там будет.... — Элен осеклась, взглянув на Алонсо. Вдруг она сказала что-то лишнее?

Тётя перехватила её взгляд:

— Алонсо, а ты тут что делаешь? Женские разговоры нечего слушать, оставь нас.

— Я бы хотел...

— Дома будешь хотеть. Брысь отсюда.

Старушка повернулась к Элен. Та сидела ни живая, ни мёртвая. О такой вольности по отношению к её господину и подумать было опасно. Однако Алонсо повернулся и вышел не оборачиваясь.

— Договаривай, Элен.

— Простите, тётя Мирабелла. Я боюсь сказать лишнее, выразить неуважение или неучтивость.

— Плевать. Говори. — она смотрела на Элен умными глазами.

— Лорд Алонсо ещё не сделал своего выбора и не известно, буду ли я матерью его сына.

— Узнаю породу! Его папаша мой братишка. Точь в точь нервы бабам мотал. Но мужем хорошим был, не обижал. Тут не бойся. А что характер дрянь, так сама понимаешь, огненный.

Если б не выбрал, сюда бы не привёз.

Тётушка Мирабелла роняла пепел, стряхивая его куда попало. Заметив взгляд Элен, рассмеялась:

— А, не обращай внимания. Память страдает, не помню где пепельница. А мозги работают. То есть лучше рассыпать пепел, чем забыть где весь портсигар, верно?

Мирабелла смеялась. Вошёл Алонсо:

— Элен, нам пора.

Девушка вскочила, прощаясь, в порыве чувств обняла тётушку, поцарапав лицо о её чешуи. Та поймала её за плечо, прошептала в самое ухо:

— Пацана привези. Так надо.

Утром Элен проспала всё, что можно: завтрак, первый урок и само утро в частности.

Дело было к полудню, через зашторенные окна почти не проникал свет, когда она зевая, лениво растеклась по кровати.

В замок Элен приехала поздно вечером. Ещё вчера, как только они вернулись от его тётки, Алонсо понадобилось срочно отбыть. Сборы были недолгие. Он привёз её к замку и сразу улетел.

Тильда радостно приветствовала свою госпожу, ловила её руку, прижималась лицом. Элен была настолько уставшая, что еле дождалась, пока Тильда отцепится от неё со своими мочалками и притирками.

В какой-то момент схватила служанку за руку, обиженно спросила:

— Тильда, как ты умудрилась не положить мне ночную сорочку в путешествие?!

— Так госпожа Марева не велела. — Тильда лукаво хлопала глазами,

— Так и сказала: если ты, Тильдочка, положишь ночную сорочку Эленочке, я тебя, мать твою, этой же сорочкой придушу. Ну да, так и сказала" придушу". Велела положить халат, подбитый горностаем.

Элен добралась до постели, рухнула на подушку, мгновенно уснула.

Поэтому сейчас она, зная, что Алонсо нет в замке, не хотела даже моргать. Тем более у неё появилась тайна, которую она бережно хранила, не собираясь ею делиться. По крайней мере, пока не собираясь. А с этой тайной спать теперь одно удовольствие.

Элен всё же спустилась с кровати. Злые мысли проснулись и давай как болонки носиться в голове наперегонки, играя в чехарду, раня сердце. Армисия!

Что и как теперь будет происходить. С Алонсо они не успели поговорить об этом, она ждала его возвращения. Готовилась, разговор будет тяжёлым. Пока она мысленно разруливала возможные варианты, один другого хуже, дверь тихонько отворилась, вошла Тильда.

Её счастливое искреннее личико радостно просияло:

— Вы проснулись, моя госпожа! Хвала небесам, — Тильда по обыкновению трещала не переставая,

— Сколько новостей! Сколько новостей!

Она деловито умывала Элен, вплетала жемчуг в волосы и говорила, не умолкая:

— Лорд Алонсо вчера ночью отдал распоряжение готовить для вас левое крыло замка, смежное с его покоями. Я туда уже бегала, там так красиво!

Тильда прижала кулачки к лицу, зажмурилась, как кошка, слизывающая сметану.

— Сейчас там всё моют, чистят. Там ведь окна какие здоровенные! Ну-ка, добраться до них...

Элен взяла папки с гербарием, уже собралась отправиться на урок (половину которого проспала чудесным образом). Решила всё же идти искать "аптекаря", как Тильда продолжила:

— Да, чуть не забыла. Ещё заказали посуду с перевитыми вензелями из ваших букв "А", "Э". Это к свадьбе, госпожа, это к свадьбе!

— Да откуда ты всё это знаешь?! — Элен искренне удивилась, уставившись на служанку.

— Ой, да об этом все слуги говорят. Все знают!

Тильда пританцовывала, порхала вокруг Элен, оглаживая складки платья своей госпожи, не унималась:

— Армисия вся извелась. Ходят с Этьеной чернее тучи. Даже к завтраку сегодня не вышли.

— Тильда, проводи меня туда.

— Куда, к Армисии?

— В левое крыло.

— О, с радостью.

Служанка бойко подхватила юбки, помчалась вперёд, Элен еле поспевала за ней. Её комнаты, вернее её будущие комнаты, поразили Элен своей роскошью. Человек двадцать одновременно мыли, чистили их.

Шёлковые обои на стенах, позолота подсвечников, канделябров. Резная каминная решётка, лаковые паркет — всё грандиозно!

Элен вернулась на свою старую женскую половину разыскивать профессора. Заглядывала в комнаты, его нигде не было. Ну и ладно!

Тогда Элен решила зайти к Мареве. Занятая своими мыслями про Армисию, ввалилась в комнату к старушке без стука. Поздоровалась уже объявившись на пороге, не озаботившись, что тут делает её профессор за столиком, попивая чай из синего фарфора.

— Профессор, я вас искала.

— Да, да, идёмте, Элен. Нам предстоит наверстать упущенное.

Он бодро поднялся и первым направился к двери.

— Марева, тебе Габи передала кое-что, потом занесу...

Элен отправилась вслед за "Аптекарем". Уже в дверях до неё дошло:

Что это было? "Одуванчик", в смысле "Милочка", то есть профессор пил чай? С Маревой? Элен вопросительно повернулась к старушке. Та сидела, как ни в чём не бывало. На немой вопрос Элен ответила одними губами:

— Не твоё дело.

Уже в коридоре "Аптекарь" повернулся к Элен:

— Давайте-ка перенесём на завтра урок. Сегодня время занятий вышло, мне пора. До встречи, голубушка.

Элен постояла, перекатываясь с пятки на носок, подумала и вернулась к Мареве:

— Дубль два. Это снова я.

Бабуся по обыкновению уже добралась до трубки, уютно устроившись на подушках.

— Что не так, кукушечка моя? Почему лицо не счастливое?

— Я по Алонсо скучаю.

— Врёшь.

— Вру, да. Марева, у меня не выходит из головы Армисия. Ревность точит. Ни о чём думать не могу.

— Почему?

Вопрос Маревы выбил Элен из равновесия.

— Как почему. Потому, что она его любовница.

Марева, отстранив трубку, наклонилась к Элен:

— А ты кто?

— А я...

— Вот то-то. Он тебе сказал, что ты жена? Свадьба была может, а я не заметила?

— Вроде как к свадьбе готовятся, посуду заказали. С вензелями. Тильда сказала.

— Ну, раз Тильда всё знает, пойди у неё спроси, что с Армисией делать.

— Марева, ты что! Ты больше не на моей стороне?

— Да на твоей! Угомонись уже.

— Ладно, пойду я. Вижу, напрасно пришла.

— Сядь! — резко приказала бабуся:

— За советом пришла, так слушай!

Вот папашу его ты видела, лорда Ваништона. Такой красавчик с виду, весь прилизанный, навороченный. Как девка бриллиантами сверкает. Такой правильный весь. А на самом деле злющий как чёрт, чума-дракон. Любовниц пачками таскал всюду. Потом драгам раздавал. У него жёны вместе с любовницами спали, ели. Только две истинные жены, драконши, не давали ему вольницы. Так сами же его и бросили.

Алонсо другой. Он умница. Сам со всем разберётся. Он хоть и жёсткий, вспыльчивый, но хозяин зо-ло-той. Наперёд смотрит. Просто подожди.

Марева встала, выбила трубку. Поставила перед Элен изумительную изящную фарфоровую чашечку чая:

— Пей и успокойся.

Сама села напротив, пристально посмотрела на Элен. Та сидела напряжённая, враждебная.

— Эй, кукушечка, ты чего? — Марева заглянула в лицо девушки.

— Если Алонсо готовит брак с тобой, то ему надо много чего утрясти. Вот пока ты с Габи по огороду шастала(ведь шастала, настойкой запасалась, я Габи знаю)

Марева откинулась на подушки, продолжила:

— У Алонсо политикой голова была забита, твои вопросы двигал. Ты ведь не знаешь здешних правил.

Любой брак это политическое соглашение, а права на брак с земной женщиной надо у Совета получить.

Соглашение совет заключает с селеними, откуда родом земная мадам, тогда селение получает защиту драконов и само-собой, становится его глава вассалом этого дракона.

А ты, красотка, откуда? С кем соглашение заключать?

Элен недоумённо смотрела на Мареву. " А ведь и вправду Алонсо говорил что-то про это, там, в шале, когда они ссорились "

— Слушайте, вы все, вы чего до меня докопались? Я здесь не по своей воле. И как я тут оказалась не знаю!

Элен направилась к двери.

— Элен, ты не всё знаешь. То, что лежит на поверхности скрывает тёмный омут тайн. Ты в омуте чужих тайн. Не торопись. Алонсо всё устроит.

Элен со всех сил пыталась понять слова Маревы. То, что она в крутом замесе власти и коварства, это ясно. То, что вокруг больше минусов чем плюсов, уже поняла. Ёлки, и с Советом, оказывается, не всё просто. А она, глупышка, ботанику учит, думает экзамен будет сдавать. Ясно, что всё мрачно.

Но! Её женскую голову забивала единственная мысль: Армиссия! Вопрос хотелось решить здесь, сейчас, немедленно. Рыжая бывшая любовница должна исчезнуть с её глаз. Алонсо должен ответить сначала на этот вопрос! Элен постояла, помолчала. Хотела открыть

рот, передумала. Молча вышла.

Элен вышла от Маревы в прекрасном настроении.

Вот поди ж ты! Услышала столько мрачного, а настроение взлетело до небес. Теперь она стала прежней Леной. Прятаться будем за Элен, а линию гнуть как Лена!

Что ей все эти имперские дрязги, она девчонка из двадцать второго века, да ещё и детдомовская. Ну, братва, держитесь.

Для начала Лена отправилась на свою будущую половину.

В центре широкой галереи её встретила лестница, ведущая в будущее царство. Высоченные, до самых сводов окна притушили свой блеск надраенных стёкол перед лицом сиятельной хозяйки.

Стрельчатые стёкла своими отражениями пали ниц перед ней, разлившись цветными пятнами своих витражей. Отзеркаливая в мраморных ступенях, скользили по её платью, приветствуя праздничным салютом каждый её шаг.

К чёрту сомнения. Ей есть кого защищать, есть куда стремиться и вообще!

Лена подошла к коридору, ведущему в её новые апартаменты. Оттуда доносился гул, там всюю шла работа.

По-хозяйски вошла, гордо подняв голову, внимательно оглядывая помещение.

— Выйдите все! — скомандовала негромко, но работники с поклоном исчезли в момент.

Она плавно, не спеша оглядывала комнату за комнатой. Вот тут будут вазоны с цветами. Вот эту комнату она сделает светло зелёной, а тут...

Так, надо посидеть нарисовать и подумать что куда поставит.

Довольная, с кучей планов в голове вышла, прошла мимо толпы слуг, ожидавшей возможности продолжить работу.

Почувствовала, что вести себя надо только так, как сейчас, по-королевски, а не как прежде, от всего шархаться.

Элен шла к себе. Вспомнила, что не ела, решила отправить Тильду с приказом, чтоб накрыли стол. Прямо сейчас. Для неё отдельно. И чтоб рядом не было никаких Армисий.

Элен вошла в свою комнату и не поняла в чём дело.

Обычно Тильда вылетала к ней навстречу жизнерадостной белкой, сбивая с ног.

А сейчас... Тильда стояла перед прикроватным столиком Элен не шевелясь, поглаживая подбородок.

— Ты чего, Тильдочка? — Элен даже испугалась, Тильда не шевелилась и не откликалась.

Элен тронула её за плечо:

— Тильда!

Девушка была какая-то не такая. Обернувшись, уставилась на Элен совершенно незнакомым взглядом

— Что с тобой, дорогая? — Элен во все глаза смотрела в насмерть перепуганное лицо служанки.

Размеренным тоном, твёрдым, чужим голосом, чеканя каждое слово, Тильда ответила:

— Этого персика тут не было.

— Персика? — Элен удивлённо посмотрела на вазу с персиками.

Ну да, ни для кого не секрет, что она обожала этот фрукт, предпочитала его всем остальным. Тильда каждый день на кухне отбирала для неё самые лучшие.

Сейчас служанка указывала пальцем на тот, что лежал сверху.

Удивляться наблюдательности Тильды не приходилось. Она с аптечной точностью знала где, сколько чего лежит, как совпадают уголки складок и как по линейке выверено, сложено всё на полках. Она до фанатизма пересчитывала цветы в вазонах, обирая несвежие лепестки и, кажется, посчитала всех мух на улице.

Элен не знала, что сказать.

— Вы, госпожа, Эленочка, выйдите-ка из комнаты. Опасно тут. Я за Маревой.

Элен послушно вышла, присела на диванчик." Что такое пришло в голову Тильде, что так испугало? Заигралась девчонка в детектива, вот и лезет в голову невесть что".

Марева скорым шагом пересекла гостинную, влетела в комнату Элен, та поспешила за ней.

Марева стояла возле столика. Рядом с ней бледная Тильда не подпускала Элен к вазе с фруктами.

Марева салфеткой взяла персик, стала осматривать его, поднеся к окну. Исследуя каждый миллиметр замшевой кожицы, наконец воскликнула:

— Есть!

Подошла к камину, вынула серебряный стилет из бездонного кармана широкой юбки. Нагрела лезвие и аккуратно вонзила в спелую медовую мякоть. Тонким червяком полезла белая пена прочь из нежного фрукта.

Марева сжала губы, осторожно положила персик на каминную доску, прикрыв его салфеткой. Прокалила стилет в огне, вложила в ножны, спрятала в складках одежды.

— Вот что, сороки. Вы ничего не видели. Тот, кто сделал это, знал, что Алонсо и Сеул в отъезде. — она говорила шёпотом, только губами.

Марева выглянула за дверь, обвела комнату взглядом. Что случись, завтра бы повесили Тильду, а тебя схоронили и делов то.

Тильда от неожиданности села:

— Это не я, — еле произнесла белыми губами.

— Кто бы там разбирался. Виновный наказан, вопросов нет.

Марева задумчиво смотрела на несчастный фрукт.

— Не думаю, что Армиссии проделки. Она жизнь любит, не стала бы рисковать. А она первая на подозрении. Сейчас проверим.

Хитрая старушенция переложила фрукты в вазе, снова положив нормальный персик сверху.

— А ну, сделайте нормальные лица. Стоите как утопленницы.

Марева строго посмотрела на Тильду:

— Иди, позови Армисию Скажи, Марева зовёт.

— Через минуту Армисия вошла, с удивлением осматриваясь.

— Армисия, дай мне персик.

— Что?

— Дай мне персик. — Марева повторила на удивление спокойным, ласковым голосом.

Армисия подошла, взяла верхний персик, протянула его Мареве.

— Ешь.

Армисия привыкнув безропотно подчиняться стала есть, с удивлением глядя на людей,

во все глаза уставившихся на неё.

— Всё, дорогая. Иди. Мы просто хотели угостить тебя чем-то сладеньким.

Армисия ушла, не заботясь зачем её звали.

— Говорю же, не она.

Марева ловко обернула персик в салфетку, смахнула его на поднос.

— Тильда, сиди здесь. Вообще не покидай комнату. Только по надобности. Смотри, спрячься, если кто чужой войдёт. Не ровён час, убьют.

Марева обернулась к Элен:

— Иди за мной. Уже у двери повернулась к Тильде:

— Смотри, ни звука. Тебя первую пытать будут, если обмолвишься. Порядки знаешь.

Марева спокойно шла по коридору, держа горячей ладонь рукой Элен, нашептывая ей на ухо. Они посмеивались, со стороны казалось, идут себе, о своём судачат.

Как только оказались у неё в покоях, Марева позакрывала двери, окна на засов. Поманила Элен.

— Ну, ты поняла, что игры тут смертельные?

Элен сидела как истукан. Получается, если бы не Тильда...

— Слушай, вот прям отрезала бы себе язык, но скажу.

Марева посмотрела в глаза Элен:

— Ниточка издалека тянется. Догадываешься, по глазам вижу. Только даже если докажем кто это, никто против драконов обвинения не выдвинет. Первой растерзают Тильду, ну, может и Армисию с Этьеной до кучи. И всё. Тильду типа подкупили, Армисии выгодна твоя смерть.

Марева отодвинулась от Элен. Та сидела молча.

— Прибудет к ночи Сеул, расскажу ему.

Элен сделала движение, хотела возразить, вспомнив, что однажды доверила тайну Сеулу. Но промолчала. Тайна она и есть тайна.

— Про библиотеку хотела сказать? — Марева похлопала Элен по плечу.

Элен молча, не шевелясь смотрела в глаза умной старухи.

— Знаю, знаю. Он мне сразу сказал, тебя заодно на верность слову проверили.

Та дорожка привела к тому человеку, куда и эта ведёт.

Там стражника подкупили, он подслушивал. Так еслиб его на полоски разрезали, всё равно, не доказать, что от Стеллы был заслан. Он то, конечно, признался, да что толку.

Поэтому здесь опасно. Повторяю, Стеллу обвинить не удастся.

Сеул найдёт, кто отраву принёс. А ты помалкивай. Смотри, Элен, никому!

И Алонсо не говори. Сеул его зорче глаза бережёт. Надо будет, сам расскажет.

— Иди Элен. Сделай вид, что ничего не произошло. Пусть завтра Тильда выкинет фрукты, как обычно. И сходит за свежими. Впрочем, я сама научу её.

Иди.

Элен выдохнула. Она тоже думала на Стеллу.

Однако, даже не понимала в какой политической игре стала пешкой.

Элен вскочила среди ночи. Мощные хлопки крыльев вернувшихся Алонсо и Сеула разорвали небо.

Девушка радостно заметалась по комнате, всё не могла справиться с мыслями. Как же ей хотелось бежать к нему, встретить. Или всё же иметь гордость и не лезть первой, да и совесть надо иметь, они с дороги, уставшие.

Гордость объединились с совестью и уложил Элен в кровать, где она провертелась до рассвета. Её развлекали чисто женские мысли: "Кстати, а где они шатались, эти двое среди ночи? Летают они быстро. То есть, как бы далеко они не были, к ночи должны были прилететь! А примчались под утро. Значит где-то задержались. Где? Ну не на совещании, это точно. Думаю, драконы такой хренью по ночам не страдают. Может в драконьем казино зажигали?"

Само собой, у "правильных" женщин мысли о том, "что для политики не существует время суток"- в голову не забредают. Там, в голове, только сомнения, ревность и фантазии на тему " а вдруг девчонки!"

Элен еле дождалась утра. Вчера, после происшествия с отравленным персиком, ей не удалось вытолкать Тильду из своей спальни.

Служанка упёрлась, подтянула оттоманку, подперла ею дверь и спала, перекрыв вход в покои к госпоже своим тельцем.

Проснувшись и умывшись Элен с удовольствием рассматривала себя в зеркало, пока Тильда колдовала над её причёской.

События вчерашнего дня не особо испугали Элен. Конечно, ей не хотелось бы умереть в коликах, исходясь рвотой, но, волков бояться...

Элен обдумывала идею, как вывести Стеллу на чистую воду, кое-что уже пришло ей в голову. Надо было хорошенько продумать план и, наконец, раз и навсегда покончить с сумасшедшей душой.

Элен вздрогнула от радости, сорвалась с места, услышав долгожданный звук колокольчика. Приглашение к завтраку радостной песенкой звенело в воздухе.

Девушка выскочила за дверь, Сеул склонил перед нею свой чёрный капюшон. О! Это что-то новое.

Обычно громадина в чёрном был к ней спиной и, не оборачиваясь, шёл впереди. Сегодня он жестом пригласил её идти впереди себя. Элен шла одна, Армисии не было, рыжую не пригласили!

Девушка подошла к гостинной, Сеул опередил её, открыв дверь.

В столовой произошли изменения, безмерно обрадовавшие Элен.

Вместо трёх, сегодня всего два тронных кресла стояло по торцам стола! Для неё и для него.

Алонсо, как всегда идеально выбритый, одетый с иголочки, сидел на своём месте, смотрел ей в лицо.

Элен замешкалась, не могла сообразить что сделать. Ей хотелось подбежать к нему, обнять, но стеснение и гордость не позволили ступить и шагу.

Он жестом пригласил её присесть.

Понеслось! Упрямство, злость, какая-то неразбериха запрыгала в горле, камнем

забултыхалась в сердце Элен.

Она хотела запустить в Алонсо чем-то тяжёлым. Почему он не подошёл, не обнял её? Она бы так прижалась к нему в ответ. Между прочим, она...она...

Уставившись в свою чашку, девушка еле сдерживала слёзы расколовшегося вдребезги ожидания.

— Элен, вы плохо спали?

Зашибись, это что сейчас было. Они снова на вы? Казалось, Элен сию минуту взорвётся от бешенства.

— Я ждала и скучала, — разум первым прорвался к её языку, локтями оттеснив раздражение.

Она посмотрела ему в лицо.

Алонсо не отрывая глаз внимательно смотрел на девушку. Улыбка чуть заметно тронула его губы:

— Я тоже.

Тадам! Барабаны бравурным маршем застучали в висках. Взлетевшее до небес настроение плясало "Собачий вальс".

Всё снова засияло перед глазами измученной ожиданием девушки. Кажется, её любят!

Алонсо с нежностью смотрел на неё. Ему доставляло удовольствие наблюдать за её чудесным, порозовевшим личиком, спрятавшимся за чашкой какао.

Она заметила его улыбку и сразу перешла к делу:

— Алонсо, когда мы можем разговаривать?

Он озадаченно молчал, осмысливая её вопрос.

Она, пытаясь растолковать свои мысли, продолжила:

— За завтраком мы не говорим обычно. Потом я тебя не вижу. Мне надо спросить, сказать и ещё у меня есть секретная тайна.

Элен лукавила. У неё была не одна тайна. Тетради общей не хватило бы записать все её тайны. Ну, с чего-то надо начинать.

— Спросите сейчас, Элен.

— Почему ты говоришь мне "вы"?

— Потому, что и вы, Элен, в присутствии посторонних будете говорить мне "вы".

— Вчера я узнала, что готовят новые апартаменты. Это для меня?

— Да.

— Можно мне самой выбрать, как расставить мебель, заменить обои?

— Да. К вам приедет мастер, ни в чём себе не отказывайте.

— Мне обращаться к вам мой господин или по имени.

— Как вам угодно.

Чёрт, Элен уже теряла терпение. Её сбивали эти чёпорные построения фраз, витиеватые предложения.

— Алонсо, Вы всё ещё не сказали мне кто я для вас.

Утро, кажется, переставало быть томным. Он напрягся, его взгляд потяжелел:

— Я говорю вам сейчас: раз и навсегда забудьте манеру играть со мной в бабьи словесные штучки.

— Спрошу прямо: что здесь, в замке, делает Армисия?

Он встал, его тронное кресло жалобно проскулило, отъезжая по лаковому паркету. Элен тоже встала, и смело уставилась ему в лицо.

Конечно, у неё внутри всё оборвалось, она здорово испугалась. Официанты исчезли так быстро, как будто кто то щёлкнул выключателем.

— Идите, женщина, занимайтесь вашими апартаментами. — Алонсо смотрел на неё исподлобья.

Элен не двинулась с места, чем разозлила его ещё больше. Алонсо стал приближаться к ней, не сводя с неё глаз. Она сощурилась, сделала два шага ему навстречу.

Взбешённый мужчина подошёл вплотную, прорычал:

— Женщина, смирись немедленно.

Она стояла не шелохнувшись, не опустила голову, упрямо уставившись ему в воротник.

Элен сама не понимала, что произошло дальше: — просто бухнулась лбом ему в грудь, прижалась, приклеилась. Скользнула ладонями по его раскалённым бицепсам, кожей почувствовала выпирающие квадратики пресса. Замерла на груди обозлённого вулкана.

Она так ждала этого момента со вчерашнего дня, нет, со вчерашнего утра, да нет же, ещё раньше, с момента, как приехали из шале! Ей так нужна была его нежность...

Он смотрел сверху на разгневанную девушку, внезапно сдавшуюся ему и совсем не чувствовал себя победителем. Она, такая маленькая и хрупкая как синичка, такая смелая и беззащитная взяла его в плен одним движением.

Алонсо обхватил её запястье, снял с плеча, поднёс к губам. Горячее дыхание касалось её ладони. Она несмело подняла на него глаза. Он целовал её ладонь, не отрывая глаз от побледневшего лица девушки.

— У меня есть тайна, — еле слышно прошептала Элен. Он терпеливо ждал, продолжая целовать её пальчики.

— Элен не моё имя. Мне дали его здесь. Чтоб красиво звучало.

Он молчал, ожидая продолжения.

— Меня зовут Лена. Я хочу, чтоб меня называли Лена.

— Нет.

— Как нет?

— Эта путаница ни у чему. Было и будет Элен.

Она выдержала у него свою руку.

— Весь спектакль вами устроен по этому вопросу? — его голос звенел в накалившейся тишине.

— Да. То есть нет. Вопрос был " Что здесь делает Армисия?"

Холодок прошёлся по спине Элен, закружилась голова. Его губы были в миллиметре от неё.

— Не смей лезть туда, куда тебя не приглашали, женщина.

— А ты не уваливай от ответа.

Ангел-хранитель поседел, пытаясь закрыть рот Элен. Алонсо зарычал:

— Скажи мне, женщина, когда ты перестанешь перечить?

— Когда твоя любовница вылезет из моей постели.

— Это не твоё дело.

— Моё!

— Не зли меня! — воздух вибрировал от его хрипа.

Он еле сдерживался, чтоб не полосонуть по её спине когтями, чувствовал, как напряглись кулаки, как когти лезут, рвут кожу на пальцах... О, сколько он ещё сможет сдерживаться! К удивлению Алонсо, зверь внутри него лениво наблюдал за перепалкой, нисколько не тревожась. Дремал себе недовольным котом, изредка поднимая голову, вслушиваясь в слова Элен.

— У нас вроде как дело к свадьбе. А тут любовница мимо невесты рыжим задом трясёт...

— Иди, Элен, займись своим переездом.

— Убери с моих глаз рыжую!

— Ты перегибаешь палку!—

Алонсо зажмурился.

Кажется, был слышен хруст костей, настолько сильно он сжал собственные пальцы, пытаясь сдержаться. Элен тоже злилась: ну надо же, она не может избавиться от любовницы.

Ей предлагают отойти в сторонку? Заткнуться и терпеть? Или ждать, когда всё само собой образуется? Щас!

— Я жду! Опустит глаза.

— Издеваешься?! Это я жду. Прогони рыжую!

— Мне не нравится твой тон.

— А мне не нравятся рыжие патлы на моей подушке!

Они оба перешли на "ты". Приближался взрыв, слетели ножны с клинков, лезвия поблескивали остриями.

Он держал её за плечи, пытаясь заглянуть в лицо, комкал на ней одежду, пока треск рвущейся тряпки не отвлёк его.

Алонсо с удивлением обнаружил в своём кулаке клочок её рукава. Элен перевела дыхание, с удивлением глядя на голое плечо.

Нелепость какая-то.

Она, его невеста, обласканная вниманием, деньгами, роскошью, стоит перед ним в разодранном платье. Он рычит, в глазах собирается зарево. Не свидание, сюр какой-то.

Когда его шёпот разорвал воздух, она вздрогнула.

— От тебя пахнет прелестью.

Алонсо притянул её к себе, зарылся лицом в свежесть волос.

Спрятал всю её у себя на груди, касаясь здоровенными ручищами горячей кожи, слышал как колотится её сердечко. Как трепетно, чуть слышно обрывается дыхание любимого существа.

Горький налёт цитруса дурманил, горячим соблазном томился в копне её волос, струился по коже. Требовал испытать его сейчас, немедленно.

Чувства вихрем кружили обоих, уличной дерзотой срывались в жилах кипящими потоками страсти.

Хорошо, что любовь не понимает слов. Она лёгкой бабочкой кружила, порхала над головами влюблённых. Ей было всё равно, что говорят эти двое.

Они стояли рядом, смотрели друг другу в глаза и молнии гроздьями сыпались вокруг них, воспламеняя их сердца.

Их ангелы-хранители давно договорились друг с другом и сейчас просто потешались, наблюдая за подопечными.

От прикосновений его губ обожгло кожу, обдало жаром. Трепет прошёлся по всему телу, она вся становилась ватная. Приятное тепло струилось по позвоночнику.

Было так приятно, Элен еле успела подавить свой вздох. Её накрыло от нежности, от поцелуя, теплом ударившим в висок. Он повернул её спиной, целовал шею, платье давно сползло, высвобождая прелесть юного тела навстречу ненасытному повелителю.

Она закуталась в его обнимающие руки как в мягкое одеяло, прикрывая ими свою наготу. Доверчиво повернулась, спряталась на его груди. Его поцелуи у края губ — как остановка у пропасти.

Дыхание останавливается, чуть больно он кусает её губы, слизывает, глушит поцелуем. Ласкает уверенно, требовательно, не боясь спугнуть. Приглашает за собой, она откликается, подчиняется.

Её напряжённость растаяла, она снова доверилась, стала ведомой, как тогда, в вальсе...

В огромной, просторной гостиной было тихо. Там, за приоткрытыми окнами ветер играл с облаками. Сталкивал их белые пуховки, громоздил друг на друга.

Они, как шаловливые котята, бегали за ним по всему бескрайнему небу. А ветер, убегая, то и дело сваливался в гостинную, барахтался, путался в занавесках.

Солнце, горячее, любопытное, вездесущими лучиками пробивалось к столу, сваливалось печеньками в недопитые чашки.

Лениво ползло по старому пузатому серебру надраенных кофейников. Собиралось букетом искр в гранёных фужерах сиротливо ожидающих своих хозяев на забытом столе. Разливалось розовым пятном по скатерти, пронизывая хрустальную вазу с клубникой.

Где то далеко, на диване, в ворохе сброшенных тряпок отдыхали двое. Любовный флёр накрыл невесомой парчой обнажённую негу.

Утомлённые друг другом, напоённые сладким очарованием, влюблённые спали, убаюкав свою страсть, совершенно не заботясь о том что происходит вокруг.

А вокруг бушевали совершенно другие страсти.

Прежде спрятавшиеся в ужасе слуги теперь радостно переглядывались.

Стоя на посту, в ожидании своего часа, безмолвно хранили тишину и покой своих хозяев.

Никто не знал, какие бури и шторма ждут тех двоих. Они только собирают свой корабль будущего счастья.

Судьба, ни у кого не спрашивая разрешения, уже поднимает паруса, готова прекрасную

каравеллу под названием "Любовь" выйти в море.

Элен сидела в общей гостинной на женской половине. Сдувая выбившийся локон со лба, усиленно рисовала, чертила, мысленно прикидывала что и где разместит в своих апартаментах.

Так, значит вот здесь будет детская. Или лучше здесь? Надо будет у Маревы спросить, посоветоваться. Девушка ползала по полу, перекладывала свои чертежи с места на место.

Элен всегда мечтала о собственной маленькой квартирке. А тут ей дарят площадь небольшого стадиона!

Она ждала мастеров, витала в приятных фантазиях, когда трель свалившегося серебряного подноса, рисуя восьмёрки на полу, вывела её в реальность.

Перед лицом ошарашенной Элен стояли туфельки с алмазными пряжками. Взбираясь глазами вверх по складкам платья, Элен могла воочию убедиться, как идёт зелёный цвет рыжим девушкам.

— Что ты наделала!

— Я?! — Элен поднялась с пола с зажатым карандашом в руке,

— Армисия, какая муха тебя укусила?

— Что? Муха? Меня ужалила белобрысая змея в самое сердце. — Армисия рыдала, слова сквозь слёзы комкались в горле, всхлипы мешали говорить.

— О, боже, сколько пафоса. — Элен с удивлением смотрела на незнакомую Армисию. Такой она её ещё не видела.

— Армисия, угомонись, — Элен нахмурилась, удивлённо, без сожаления глядя на рыжую, бьющуюся в истерике,

— Тоже мне, ревнивица года.

— Ты, тварь белобрысая!

Элен оглянулась. Ну да, в комнате были она, Армисия, а позади недвусмысленно поставив руки в боки насупилась Тильда.

(Служанка присматривала за Элен, ни на секунду не выпуская её из поля зрения. Успокаивалась, только когда передавала её Сеулу. И то умудрялось пригрозить ему маленьким кулачком: "Смотри мне, а то устрою, что ты забор не перелетишь, если с Эленочкой что не так!" Сеул радостно прятал улыбку, внешне непроницаемо принимая эстафету от маленькой служанки. Он старался как можно чаще попадать в её поле зрения, однако сам себе в этом ни за что бы не признался.)

Из белобрысых в комнате была только Элен. Значит "тварь" тоже она. Интересненько.

Разговор предстоял эмоциональный, дипломатия срочно покинула головы переговорщиц.

— Ты оставила меня ни с чем!

— Армисия, у тебя две почки. По нынешним временам, это нехилое состояние.

— Я потеряла всё.

— Армисия, надо успокоится. Ты злишься, мне понятна твоя злость.

— Да ты очумела! Миротворица хренова. Прикидываешься милашкой, в подруги лезла, а сама змея подколотная.

— Успокойся, рыжая дурочка. Давай поговорим. Я обязательно приму твою сторону и постараюсь помочь.

— Чем? Сдохнешь сию минуту? Отправишься к чертям?

— Зачем ты меня к чертям посылаешь, они-то тут при чём. — Элен начинала терять мысленное равновесие.

Армисия своими визгами провоцировала её. Элен понимала, почему она злится, искренне хотела погасить конфликт. Но победитель всегда один. В данном случае это она, Элен.

Армисия хватала ртом воздух, собирала всю грязь на языке.

— Армисия, признай, у тебя изначально было шансов больше. Ты давно знала этого мужчину. Но выбрал он не тебя.

— Только потому, что ты тварь белобрысая и кожа у тебя белая.

— Ну, может и поэтому. Сейчас речь не обо мне. У тебя же есть запасной вариант?

— Чего? — Армисия опешила.

— Нет у тебя планов на будущее, ясно. Просто так орёшь

— Чего? — снова переспросила Армисия. Было ясно, что разозлившаяся девушка не слушает Элен, ей просто надо вылить свою ярость, она копила её так долго!

— Ты же подумала заранее, чего просить у Алонсо, если проиграешь. Вот чего ты хочешь, Армисия? Домой вернуться, или замуж за военачальника? Может, тебе историк приглянулся. Скажи, давай попросим Алонсо услышать твоё пожелание.

— Ты и вправду хочешь узнать, чего я хочу? — Армисия замолкла, как бы собираясь с мыслями. Она нервно дышала, дёргалась. Зашипела:

— Ты специально это говоришь, ишь, какая правильная. Думаешь, мне нужна твоя жалость? Нет, мне нужна твоя боль, твоё горе. Мне надо, чтоб твои дети...

— Стой! — Элен изменилась в лице, выставила руку вперёд,

— Остановись. Не говори таких злых слов. Армисия, что с тобой. Ты же нормальная девчонка, от тебя цветами должно пахнуть. Пожалуйста, очнись. Давай разойдёмся по хорошему.

Армисия ощерила рот, от её красивого лица ничего не осталось. Она сжала кулаки, стала наступать на Элен.

Внезапно перед ней выросла Тильда:

— Двинешься к Элен, убью.

Армисия от неожиданности поперхнулась застрявшими в горле словами.

— Одно слово в сторону моей госпожи и я проткну тебя насквозь — в руках Тильды мелькнул короткий треугольник итальянского кинжала. Небольшое обоюдоострое лезвие хищно сверкнуло на фоне зелёного платья Армисии.

— Я сейчас позову стражу. — Армисия попятилась.

— Давай, ори. Я скажу, что ты желала смерти Элен и бросилась на неё, да, бросилась. Одна такая прыткая уже догавкалась. Руфиной звали. Помнишь чернявую суку?

Элен сзади обняла бесстрашную Тильду за плечи. Она и сама бы не дала себя в обиду. Но поступок Тильды так взял её за душу.

— Спасибо тебе, моя защитница, — Элен вздохнула.

— Армисия, ты готова конструктивно обсудить ситуацию?

— Я буду мстить тебе, Элен.

Я посвящу этому всю свою оставшуюся жизнь.

— Тогда ты проживёшь недолго, — оптимистично пообещала ей Тильда.

— Зря. Армисия, ты сейчас проиграла самое важное собеседование в своей жизни.

Собеседование со мной. Теперь ты мой враг. — Элен холодно, отчуждённо смотрела на бывшую соперницу. Она и сама ревновала, но в её ревности был разум, некоторая справедливость. А здесь открытая злость.

Рыжая девушка стояла втянув голову в плечи.

— Армисия, поди прочь. Пока я реально не велела оторвать твою рыжую башку.

Та, опустив плечи, побрела в свою комнату.

— Ты меня ещё вспомнишь, — прошипела, исчезая за дверью.

— И ты меня не забудешь, нет, не забудешь, — Тильда с размаху кинула в её дверь серебряным подносом, что подняла с полу.

К полудню прибыли мастера, плотники, ещё кто-то, как они там все называются.

Элен пришла командовать, делать заказы и полностью растерялась. Ах, как сильно ей хотелось уюта, но как его добиться?

Сначала она долго рассматривала огромные альбомы с изображениями мебели. Затем подбирала расцветки ковров.

Прикинуть как всё это будет смотреться вместе ей не удавалось. Всё такое необычное, она не представляла как красный ковёр будет смотреться на каменном полу с чёрным камином у стены и тяжёлыми бордовыми занавесками.

Всё как-то мрачно. А хочется света, воздуха, простора!

Потом Элен деловито ходила по залам, выбирала шёлк для стен. Перебирала образцы и уже замучилась. Теперь все кусочки ткани казались одинаковыми. И не теми, что ей хотелось.

Ей нужно было с кемнибудь посоветоваться. Но с кем. О! Элен подумала, хорошо бы поговорить с леди Эстер или леди Дейзи, а лучше с обеими!

У неё моментально улучшилось настроение, она успокоилась и дружелюбно чирикала с мастерами. Морочила им головы своими идеями, они мало что понимали, но кивали и соглашались со всеми идеями госпожи.

На завтра им надо было привезти те самые ковры, ту самую мебель, а ещё кучу больших и малых вазонов. Текстиль на окна, гобелены на стены и ещё много-много чего.

Главный вопрос, который задавала себе Элен, это где будет детская. Нет, самой не разобраться. Ей надо попросить Алонсо позвать подружек. И ещё, он совсем забыл (да и она тоже), заказать модные журналы, о которых говорила леди Эстер.

Предвкушая будущие посиделки с приятными особами за чашечкой чая, с чем-то вкусненьким, девушка радостно потирала руки.

Оставив мастеров ломать головы над её причудами, Элен двинулась к себе, по дороге решив посмотреть на покои Алонсо. Она ещё не бывала в них. Как странно. Дело к свадьбе, а она не бывала в спальне будущего супруга.

Элен несмело ступила на его половину. Сеул неотступно следовал за ней, держа факел чуть позади неё. Проходя мимо стражи, Элен приятно отметила, что они ударяют копьём об пол, приветствуя её.

С другой стороны, "какой от них толк", легкомысленно думала девушка. Ведь отравленный персик не сам в окно прилетел, кто-то его принёс. Значит стража пропустила. От собаки было бы больше пользы. Вообще-то, в этом серпентарии и собака бы не справилась, надо крокодила заводить. И не лает и вечно голодный и фиг приучишь.

Между прочим, подслушка в библиотеке была обнаружена не охраной, а ею.

Откуда Элен было знать, что в ту же ночь, как только Сеул прибыл, он распутал ниточку злосчастливого персика.

В тот день когда его и Алонсо не было в замке, ответственность за порядок нёс командир отряда. Сеул чужие косяки искоренял по-своему. Зачем Элен знать, что кухарке, подложившей персик, отрубили руки и отправили жить дальше. Тот стражник, который пропустил её, был четвертован, остальные пятеро, стоявшие в дозоре были обезглавлены. А командир отряда с позором сослан на каторгу?

Дальше ниточку распутывать было нельзя. Дорожка слишком явно вела к сестре господина. И хотя все виновные сознались, точно назвав имя, это ничего не значило. Без прямых доказательств обвинить дракона нельзя.

Рассказывать об этом никому не стоило. Тем более женщине.

Скользкий вопрос семейной подоплёки ждал своего часа, Сеул подбирался к нему. Теперь сам, лично оберегал Элен. И даже нашёл вариант как её теперь ежеминутно защищать в своё отсутствие.

Единственно, когда он был действительно спокоен, это передавая Элен Тильде. За женщину своего господина он был спокоен. Но что делалось с его собственным сердцем, стоило ему увидеть служанку. Сеулу казалось, что он глохнет. Все звуки, запахи исчезали. Перед ним было только сияющее, воинственное личико девушки, её волшебные глаза...

Так хотелось смотреть в них без отрыва. Сердце великана начинало тархтеть, ему нестерпимо хотелось прикоснуться к этой голубке в форменном платьице.

Сделать для неё что-то хорошее, обрадовать её. Но как с ней сладить. Стыдно признаться, но Сеул, готовый в рукопашную сразиться с медведем, робел перед девушкой.

Сейчас Сеул шёл за Элен вкрадчивым, неслышным леопардом, прожигая недоверчивым взглядом каждый угол.

Элен подошла к лестнице, ведущий в комнаты Алонсо. Немного смущаясь, на цыпочках поднялась. Не решилась стучать в запертые двери. Некрасиво приходит без приглашения. Стеснительность Элен назвала себя воспитанностью, девушка развернулась и отправилась к себе, на свою половину.

Проходя через амфиладу террасы увидела с той стороны балкона Алонсо. Их разделял небольшой внутренний дворик. Дорогой сердцу мужчина стоял к ней спиной, из-за его широченных плеч мелькала рыженькая головка Армисии!

Элен остановилась, схватилась за перила и уставилась на пару. Что?! Почему он разговаривает с её соперницей.

Каждое мгновение казалось нестерпимо долгим. Элен не отрывала от них глаз. Было далеко, ей не удавалось ничего расслышать. Алонсо стоял неподвижно. Голова Армисии мелькала, это злило Элен ещё больше.

О! Почему они говорят так долго? Её раздирала ревность. А вдруг он договаривается с ней о тайных свиданиях? Пока бурная фантазия помогала Элен сойти с ума, она пропустила момент, когда Алонсо исчез. Теперь на Элен с противоположной стороны смотрели ненавидящие её глаза рыжей соперницы.

Элен, вернувшись к себе, позволила Тильде раздеть себя.

Буквально подкошенным стебелёчком свалилась в кровать.

На самом деле ложиться спать было рано. Но, раз хозяйка хочет спать, значит солнцу надо исчезнуть, а луна должна срочно натянуть сапфировое одеяло на небо!

Тильда заботливой квочкой пыталась соблазнить Элен проглотить кусочек чего-то вкусного, выпить горячего молока... Тщетно. Элен просто свалилась без сил.

Подоткнув одеяла, притушив свечи, и задёрнув тяжёлые шторы, Тильда бесшумно прикрыла двери. Поманила стражника, поставила его у спальни госпожи и отправилась туда, где сейчас была нужнее и важнее всего.

Элен проснулась внезапно, как от толчка. Прислушалась к себе, тёплой ладонью коснулась живота. Вроде бы всё хорошо, но почему-то очень тихо. Подозрительно тихо.

Элен позвала Тильду, той не было. Это как это? Элен накинула халат поверх ночнушки. Впрочем, зачем ей халат. Где Тильда? Элен выглянула за дверь. Могучий стражник с коротким копьём развернулся к ней лицом и стал пожирать глазами, готовый следовать за ней по пятам.

Шальная мысль пришла в голову девушке. Элен медленно пошла по коридору, обдумывая сюрприз, который приготовила для Алонсо.

Пока шла по коридорам замка, вздрагивала от непривычного приветственного стука копьями. Раньше, когда бродила по коридорам, стража не обращала на неё внимания. А теперь она прям звезда!

Стражник, весь в чёрном, с выпирающими буграми мышц, обутый в высокие кожаные сандалии, шёл за Элен, высоко держа факел над головой. Первым сворачивал в тоннель следующего коридора, делая жест остановится или следовать, пропуская девушку вперёд.

Элен подошла к последнему рубежу. Лестница. Там за ней её ждало счастье, а его, её любимого мужчину, сюрприз. Которому, как она надеялась, Алонсо обрадуется.

Поравнявшись с лестницей, Элен встала как вкопанная. На лаковой ступеньке лежали карманные часы на длинной цепочке.

Элен с трудом заставила себя посмотреть выше. Впрочем, она уже успела охватить взглядом всю картину целиком и всё поняла. По ступеням рассыпаны жемчужины из разорвавшегося ожерелья Армиссии. Именно в нём она была сегодня. Чуть дальше его рубашка. Она валялась, как нечто ненужное, мешающее, сброшенное в порыве страсти.

Элен истуканом стояла на лестничном пролёте в полной тишине. Потрескивали свечи в высоких стеклянных футлярах. Наверху стоял один стражник безмолвной статуей. Позади неё другой.

Элен бездумно крутила часы в руках, переводя глаза с одной жемчужины на другую. Они матовыми слезами отражались в золотом свечении подрагивающих языков свечек. Ни одной мысли. Просто холод.

Это какой же порыв страсти их захватил, что они не успели добраться до комнаты.

Элен обессилено села. Воображение рисовало любовные сцены, картины были одна другой ярче.

Девушке казалось, что она проваливается в мутную воду. В густую, тухлую. Беда в голове натягивала поводья ревности. Гадкая жижа сомнений топила колотящееся

беззащитным комочком сердечко Элен.

Она обречённо встала, прощаясь со своими надеждами на счастье, побрела к себе в комнату. Охранник неотступно следовал за ней, смотрел на обессиленную девушку, готовый подхватить её на руки в любую минуту.

Элен вошла в свою спальню, присела на кровать. Повалилась лицом в подушку и завывала. — Что с Вами, моя Эленочка, где болит?

Встревоженная Тильда не успела войти, как заметила, что с госпожой творится невероятное.

Элен уставилась на неё невидящими глазами.

— Ты где была?

— Так Армисию с Этьеной провожали.

— Что?!

— Эленочка, солнышко, Вы не подумайте чего. Я Вас под надёжной охраной оставляла. За дверями стоит лучший воин, Сеул ему только доверяет. Да, так и сказал: он лучший. Лучший, да.

— Тильда, где ты была?

— Так я же говорю.

Лорд Алонсо прогнал Армисию. Я же Сеулу рассказала, что Армисия вам угрожала. Вот её и прогнали.

— Как прогнали, что ты знаешь об этом? — Элен уселась, во все глаза глядя на Тильду.

— Ой, давайте, я вам всё по порядку расскажу.

Значит днём мне подружки с кухни рассказали, а им Этьенка, что лорд Алонсо пожаловал Армиське где-то далеко маленькую усадьбу.

Ну, конечно, Этьенка прибрехала, что усадьба большая, да она вруша, что ей верить.

Тильда между делом достала горячий кофейник из каминного закутка, налила Элен обжигающего напитка, придвинула бисквиты, продолжила:

— Ну, так вот. Велел, значит им лорд Алонсо собраться за неделю. Ну да, за неделю. А тут я Сеулу говорю: вот снова ты, Сеул, голова твоя квадратная, всё пропустил. Армисия хочет зла нашей госпоже. Он тут же притащил её за шиворот к лорду Алонсо.

Тильда забрала чашку у Элен, промокнула ей влажные губы, крошки с лица, подвинула фрукты.

— А лорд Алонсо как зарычит! Уж как зарычит!

— Колись, Тильда, ты сейчас врёшь. Ну откуда ты знаешь, что он зарычал?

- Не вру, вот клянусь небом, не вру. Слуги всё знают.

— Всё? — Элен вспомнила бурное утро за завтраком с разодранным платьем.

Тильда перехватила растерянный взгляд госпожи, слукавила:

— Ну почти всё. Ровно столько, сколько стоит носить голову на плечах.

Ну, так вот. Лорд Алонсо сказал, чтоб она убиралась сегодня. Сам заперся в кабинете.

А прямо только вы уснули, он улетел по делам, ещё не возвращался, да, не возвращался.

А Этьенка то, со своей рыжей прямо заметались. Так и мелькали туда сюда, так и мелькали. А я подумала, что пока своими глазами не увижу, как они, крысы, уехали, так не успокоюсь же!

Элен хлопала глазами. Она только что собралась рыдать над костром сгорающей любви, оплакивать себя несчастную... Подождите, а рубашка.

— Тильда, скажи, где мне взять рубашку лорда Алонсо?

— Вам чистую или грязную? Тильда направилась к двери.

— Постой, куда ты?

— В прачку. Так вам какую, чистую?

Элен обхватила голову руками, вслух произнесла:

— Идиотка!

— Простите, госпожа, я что то не так...

Элен подскочила, обняла Тильду, закружила её.

— Тильдочка, да что ты, это я про другое. Не обращай внимания.

Служанка просияла:

— Да, я ещё что забыла сказать.

Тильда счастливыми глазами смотрела на Элен.

— Девушки с кухни говорили, что Армисии запрещено покидать имение. Так ей и надо, да? Так и надо.

— Точно! Так и надо. — согласилась Элен.

Элен проснулась. Философски прикидывала, с какой ноги встать. Решила выполнить па и прыгнула на обе сразу.

Тильда радостно подскочила с полотенцами и расчёсками.

— Госпожа Марева велела сообщить ей, как только Вы проснётесь. Говорит, что-то срочное, да, прям так и сказала: срочное.

Элен лениво хлопала глазами, всё ещё прикидывая, зачем так рано проснулась. Надо выпить кофе. Напиток массового воскрешения сейчас как раз то, что надо.

— Я без кофе никуда! В смысле я без кофе не проснутая.

— Поняла Вас, моя госпожа. Сейчас распоряжусь.

Алонсо снова был где-то, Элен в одиночестве глушила утренний кофе. Собрала кучу пироженок на поднос и отправилась к Мареве.

Стражник первым влетал в каждый поворот, оберегал её путь. Долгим эхом отдавались удары дровка по каменному полу, стража приветствовала её.

Перед дверью Маревы остановилась. Как ей постучать, если руки были заняты? Элен простодушно сунула поднос стражнику, тот от неожиданности чуть не выронил его. Девушка сначала вежливо постучала, потом, не дожидаясь ответа, забрала свои вкусняшки и ввалилась в гости.

— Марева, привет. Так! Я захватила вкуснячую вкусность и прибыла на военный совет!

Старушка сидела на диванчике, рядом "Одуванчик" пил чай.

— Здравствуйте, Элен, мы Вас так ждали, — Одуванчик весело блеснул очками.

— Ах, должен вам сообщить, Элен, какие ботанические вкусности можно обнаружить у госпожи Маревы, м-м-м..

"Одуванчик" вынул за хвостик из варенья малюсенькое райское яблочко. Тёмно-жёлтое, прозрачное, налитое янтарным сиропом яблочко сияло под лучами солнца.

— Элен, кстати, знаете ли вы, что это?

Элен неуверенно произнесла на латыни:

— Кажется, "малюс прунифолия"?

У "Одуванчика" полезли глаза на лоб:

— Откуда вы..., ну да, о чём это я, вы же лучшая из лучших учениц. Впрочем, я имел ввиду другое:

вкусная еда это радость жизни.

Он помолчал, продолжил:

— Элен, я ждал вас вот зачем.

Он выложил на стол её рисунок — карту,

— Подойдите, деточка.

Элен уставилась на свои каракули. Точно. Москву сдвинула сильно влево.

— Дайте-ка я уточню, — Элен взяла карандаш,

— вот эту точку надо бы сюда передвинуть. Как мне кажется.

Она нарисовала новый крестик.

— Помните, Элен, какие именно звёзды видели, стоя в этой точке. Нарисовать сможете?

— Да! — Элен просияла.

У неё над кроватью долгое время висел постер с изображением Большой и Малой медведицы. А ещё из школы она знала про Сириус к северу от Москвы.

Профессор не сводил глаз с Элен.

— Откуда вы, девушка... — прозвучало не как вопрос, а скорее как недоумение.

Элен развела руками. Что она могла ответить?

— А можете ли вы, Элен, описать, указать место, где впервые ощутили себя в нашей стране драконов?

Она покачала головой:

— Нет.

Элен ночью, в пьяном виде, с завязанными глазами нашла бы это место. Но не признается в этом. Ни за что! Это её секрет. Тайна.

Профессор собрал бумаги, рассеяно попрощался и озабоченный ушёл.

— Марева, — Элен повернулась к сводне,

— Если бы та знала, сколько у меня к тебе вопросов! И про шёлк на стены и...(тут Элен осеклась. Она хотела сказать про детскую, почему-то внутреннее упрямство не дало вымолвить ни слова.), ну и ещё про много чего.

— Остынь, стрекоза.

Марева под села к Элен.

— Примула расцвела у подножия вулкана.

— А я тут при чём?

— При том, дурья твоя голова, что через пару дней хлынут огненные реки, время собрания Совета.

— Марева, я в толк не могу взять. И что?

— Ты на Совете получишь разрешение на появление наследника Алонсо. Или не получишь.

Элен смотрела

на Мареву, не понимая,

— Как это? Кто может запретить родиться ребёнку?

— Если нет разрешения, это просто ребёнок. Без прав. Если дадут "добро", это правитель земель и весь клан обязан защищать его и его земли.

— А я?

— А ты — собственность Алонсо. Как решит, так и будет. Захочет, и дальше тебя в любовницах оставит. Не захочет, исчезнешь с его глаз.

— Не может быть. Я же человек. Мать его ребёнка.

— Я же тебе толкую. Будет твой ребёнок одобренным — ты при нём королева. А если нет, то оба вы никто.

Правда, Алонсо женщин не обижает. Даёт землю, имение, и спроваживает. А я новых ему ищу.

— Значит я в лучшем случае любовница, не жена? — Элен подошла к окну, невидящим взглядом уставилась в стекло. Наружу рвался протест.

Марева поднялась, прошла по комнате. Повернулась к девушке:

— Я знаю, о чём ты. Женой может быть только истинная, драконша.

Элен растерялась. В смысле, как это?!

Марева понимающе смотрела на девушку:

— Как бы не сложился Совет, ты зависишь не от него, а от Алонсо.

Элен потухла. Поднялась, пошла к выходу. Марева подошла к ней, положила руку на плечико:

— Эй, ты чего? Можно и в любовницах век в шоколаде и золоте прожить. У семейных драконов принято содержать любовниц мужа.

— Марева, где сейчас те женщины, что родили ему сыновей?

— Нету таких. Драконы своё семя не раздают кому попало. Это по их воле случается.

Элен вздохнула. Снова вопросы ... Хотелось включить кнопку "не думать".

— Элен, не расстраивайся. Мой "Милочка", — Марева осеклось, поправилась, — профессор Виль говорит, что есть шансы. Целая группа звездочётов на твоей стороне.

"А эти тут при чём" — Элен растерянно стояла, мысли путались. Получается, она реально в рабстве. "Ну, ладно", размышляла девушка, "у них такие обычаи, они так живут. Но я как сюда попала, зачем, за что? Какой смысл во всём этом?"

— Идём-ка пить чай, кукушечка моя. — Марева потянула Элен за собой,

— Присядь.

Элен пила восхитительный чай и потихоньку успокаивалась.

— Армисия мне смерти пожелала, — вспомнила ни с того, ни с сего девушка.

— Дура рыжая. Сколько возможностей было. Всё упустила.

— Она подлая, — Элен вспомнила о рубашке на ступенях, рассыпаном жемчуге.

— Это да. Забудь о ней, Элен. Давай-ка сейчас допьём чаёк и на примерку

Нам платье надо подготовить к Совету.

— Да, давай, пойдём.

Элен вдруг подумала, что про Армисию ей рано забывать.

Уличная знакомая кафешка. Перед ней чашка американо, плитка горького шоколада. Мимо идут люди. Много людей. Парни, девушки. Она чирикает с подружками. Приятно, весело. Болтают обо всём, каждая говорит о своём, девчонки перебивают друг друга, шумно...

Элен проснулась. Видно, задремала, свалилась головой в книгу.

Предоставленная сама себе, она часто засиживалась в библиотеке. Всё искала решение для своей идеи вывести Стеллу на чистую воду.

Элен знала, что подслушку в стене заделали, но всё равно чувствовала себя соучастницей тайны и это злило её. Хотелось рассказать об этом Алонсо, но интуиция подсказывала, что надо помалкивать. Это чужая тайна.

Девушка откинулась к спинке кресла, растирала затёкшую шею. Последнее время она часто грустила, оставаясь одна, скучая без обнимашек с любимым.

Поздний вечер, скоро ночь. Её всюду сопровождала охрана, ей не было страшно. Могучие стражники стояли за дверью, охраняя её покой. Здесь, в библиотеке легко думалось, грусть исчезала, за книгами время летело незаметно.

После разговора с Маревой Элен прикидывала возможные варианты событий. Всё думала, думала.

Девушка сидела спиной к двери, не испугалась, не удивилась, услышав шумное дыхание. Дракон подобрался сзади. Нежно, осторожно положил ей голову на плечо.

Мощная, прямоугольная вытянутая морда приятной тяжестью придавила Элен.

Сплошная череда каменистых чешуй расширяющимся потоком струилась ко лбу зверя. В каждой из них, как в прозрачном кристалле отражался хоровод блёсток. Мерцающие искорки, как тлеющие угольки плясали на прогоревшем пепле. Всё это искрилось при малейшем его движении.

Элен потёрлась щекой о твёрдый панцирь:

— Я скучала.

Она вложила столько нежности, столько чарующей энергии, что зверь от порывисто выдохнул, не в силах сдержать собственные чувства.

Горячий ветер его дыхания, вырвавшийся нежным вздохом, костром воспламенил страницы книги.

Элен вскочила, выпустила пылающую книгу из рук. Алонсо успел подхватить горящий клубок из вороха страниц, захлопнуть книгу. В мгновение ока обернувшись, уже сидел напротив Элен.

— Я испугалась, — она, оправдываясь, присела. Сизый дымок лёгким облачком скрылся под потолком, оставив по себе на память запах жжёной бумаги.

Повисло молчание, Элен не умела сидеть в тишине. Он, чуть прищурившись, смотрел ей в лицо. Ещё минуту назад вечер таил в себе столько нежности и вот...

Растерявшаяся девушка, пытаясь загладить неловкость, произнесла:

— Завтра будет Совет.

Алонсо молча наблюдал за ней, слушал.

— Вот думаю. Зачем это всё, Алонсо?

Он удивлённо вскинул бровь, ожидая продолжения.

— Значит, завтра я прихожу на Совет. Говорю:

— Здрасьте.

Мне отвечают крутые перцы с важными физиономиями:

— Здрасьте. Что надо?

Я им:

— Разрешите мне вот этому господину родить мальчика.

Они такие:

— Нет. Девка ты хреновая.

— Ой, это почему это я девка хреновая? Я и латынь знаю и матом молчать умею.

А они:

— У тебя крыльев нет, прописки нет, усы не растут. Проваливай!

Я такая:

— Ну и ладно!

А ты:

— Точно. Ну и ладно. Марева, сыщи мне другую.

Так, Алонсо?

Если бы не выдержка дракона, Алонсо бы сидел, открыв рот.

— Элен, почему ты каждую встречу превращаешь в скандал?

— Потому, что я не знаю правил игры, в которую меня втянули.

— Для тебя одно правило: подчиняться!

— У меня проблемы, Алонсо.

— Их нет у тебя. Все твои проблемы — мои. Я их решаю.

— Тогда зачем этот совет?

— Это политическое соглашение, которое заключается между членами клана.

— А если оно будет не в мою пользу, что тогда?

— Подчиняться моей воле.

— Ёлки! Ты не понимаешь, что я волнуюсь? Как это подчиняться? Как Руфина, как Армисия, как все, что были до меня. И за неподчинение лишились твоей благосклонности, и даже жизни?

— Да. — Алонсо терпеливо смотрел на девушку, расслабленно сидя в кресле напротив неё.

— Как да?!

Элен стиснула голову руками, чуть не взвыла. Ну вот, вечер снова перестал быть романтичным. Но как же ей промолчать, если вопрос требует решения. Здесь, сейчас! Девушка раскачивалась, терзая собственные волосы.

Алонсо не нравилось всё это, он не понимал, что снова происходит:

— Чего ты хочешь, Элен?

— Пуделя, сникерс и к маме! — воскликнула девушка.

— Что такое сникерс... — озадаченно протянул Алонсо.

— То же, что и пудель с мамой. Одной у меня не было, а другого и не будет. Всё это мечты из прошлой жизни!

Элен глянула в лицо Алонсо и прыснула.

Такого растерянного, по-человечески доброго, родного выражения на его вечно отстранённом лице она ещё не видела.

Подлетела к нему, взобралась на колени. Обняла, так искренне прижалась. Гладила его

волосы. Он шевельнулся, она прижалась ещё сильнее, боясь, что вот сейчас их что-то разъединит и она потеряет эту секунду счастья.

Обняла его со всех сил, сердцем проникнув в того, кому доверилась. Ей так много надо было сказать ему, она не могла надыхаться его запахом, его присутствием.

Что-то прошептала ему. Он, здоровенный, могучий, встал, подхватив её на руки. Ему показалось, что новая, неведомая сила огненным потоком хлынула по жилам, что он стал всемогущим, что ему места мало на всём небе.

Хрипло, от захлестнувших чувств, произнёс:

— Повтори.

— Я беременна, Алонсо.

Проснувшись, Стелла еле оторвала голову от подушки.

После вчерашних гулек всё тело болело, голова раскалывалась. Что они вчера пили с юной Стефанией? Да, в общем без разницы.

Стелла, сидя на кровати мельком глянула на себя в зеркало на стене напротив. Серые круги под глазами, бледная кожа на скулах. Видок тот ещё..

А главное, она так устала, будто махала крыльями и тащила вагонетку из шахты на прицепе. Причём в одиночку.

Стелла позвонила в серебряный колокольчик. Металл в руке показался неприятно холодным, она швырнула им в дверь. Та как раз открывалась, пролетевший кусок серебра чуть не зацепил вошедшую служанку.

Стелла не смотря в лицо девушке требовательно протянула руку. По отрепетированному сценарию, перед ней возник инкрустированный камнями подносик с малюсенькой рюмочкой.

О! Волшебство знахарки — глоток чудодейственной травки и Стелла на ногах.

Сегодня пошло что-то не так.

Она еле поднялась, снова рухнула в кресло перед зеркалом. Травка никак не могла добраться до мозгов и отрезвить их.

Стелла изучающе уставилась на собственное удручающее изображение. За нею осторожно ухаживала служанка.

Новенькая, что ли. Стелла давно переставала их узнавать, запоминать. Что толку. Менялись одна за другой. Сбегали.

Ишь, какие неженки, не нравилось им получать чернильницами в лицо. Надо будет прикупить пару рабынь. А то эти с вольницы — вообще дуры непотребные.

Стелла отвлеклась, наблюдая в зеркало за своим преображением. Её тщательно умыли. Хорошо наложили макияж. Завили волосы. Ну, так она снова прелесть какая стала.

Служанка поднесла шкатулку. Ворох всего блестящего, тусклые переливы жемчуга, горящие брюлики, томные гранаты...

Стелла обожала эти побрякушки, некоторые из них стоили дороже, чем всё барахло в комнате. И половина её радости, что томилась в этом сундучке — невыплаченный долг.

Это же надо было, чтоб Алонсо отобрал шале. Ну, погоди, братик, ты допрыгался.

Стелла запустила руку в россыпи драгоценностей. Чтобы выбрать? Глаза рассеянно блуждали, взяла бриллиантв, надела белое, летящее платье. Пойдёт.

Туфли на шпильке велела служанке носить за собой. Сама в сандалиях отправилась к завтраку.

Грейс уже ушёл. Вот и расчудесно, запарил своими укоризнами.

Вчера Стелла услышала, обрывок фразы о том, что пришёл официальный ответ на запрос. И как бы это была не та самая бумага, которая ей нужна. Про Элен.

Покончив с завтраком, поискала глазами дворецкого. Старый седой умница, на дух не переносивший госпожу, сам не спускал с неё глаз.

Не только дворецкого, но и всех остальных держал в напряжении один вид Стеллы. Какой приказ и в какое время последует от неё — извечная загадка.

Что-то ей сегодня в голову придёт. Дворецкий стоял навтыжку, никому не должно

быть дела, что за мысли у него в голове.

— Где лорд? — Стелла говорила всегда хамски.

— Отбыл по делам, миледи, — вежливый, нейтральный поклон дворецкого успокоил Стеллу.

Всё складывается так, как ей надо. В шкатулочке с алмазами, на самом дне, лежала её тайна. Чудное сокровище: второй ключик от кабинета Грейса.

Прихватив ключик, она двинулась к заветной цели, к почте на его столе.

Шла по коридору, оглядывалась. Не подозревая, что за ней следит целый отряд дозорных во главе с дворецким (верным слугой своего господина), Стелла вошла в кабинет.

Конечно, посыльный тут же отправился доложить об этом лорду Грейсу.

Стелла отлично понимала, что зайти в кабинет к мужу это преступление, которого ей не простят. Узнай об этом на Совете Драконов, ей не сдобровать.

Тёмное, строгое помещение холодно встретило непрощенную гостью. На столе всё в абсолютном порядке. Разные стопки бумаг, писем. Этажерки рядом нагружены пластами документов.

С чего начать...Стелла дрожащими руками стала перебирать бумагами на столе. Ничего, ничего. Она всё успеет.

Вот беда, как же выглядит ответ на запрос? Это же сколько тут читать. Стелла так увлеклась, кажется, она нашла, что искала. "Место проживания "Москва" не обнаружено".

Она буквально подпрыгнула от грозного окрика:

— Что ты тут делаешь? Грэйс влетел коршуном, весь в ошетинившихся шипах.

Одежда трещала на нём ключьями, он рычал огненным зверем. Когтями полоснул по креслу, чтоб добраться до Стеллы. Кресло ровным раскромом на полосы букетом отлетело в стену.

Стелла потеряла дар речи. Откуда он здесь?! Быстро нашлась

— Ищу письма твоих любовниц. Ты охладел ко мне. Найду твою шалаву, убью обоих!

Она бесстрашно подлетела к нему:

— Говори, как её зовут?

— Что?! Что за хрень ты несёшь. Идиотка. Я должен арестовать тебя и отдать под суд. Ты находишься в святая святых, дура!

— Сам дурак. Я точно знаю, ты здесь прядешь письма от своих шалав, и я найду их. Плевать мне на твои "свят свят"

— Пошла вон. Исчадие, я сдам тебя в психушку. Уже не чтоб лечить, а чтоб упрятать от позора тюрьмы.

— Мой брат тебе не позволит.

— Он первый подпишет требование на твоё принудительное лечение.

— Остынь, Грейси. Интересно, куда вы оба денетесь с вашими требованиями, когда Алонсо узнает, что ты со мной заодно и хочешь оттяпать северные земли. А Совет Драконов получит доказательства, что ты провоцировал беспорядки.

— Я?!

— Конечно не ты. Я. Платила, отправляла денежку. Но кто это докажет. Всё шло отсюда, то есть от тебя. На этом столе хранятся печать, бланки. А ключик, — вот он.

— Ты не могла подделать мой ключ. Он всегда со мной.

— Я и не подделывала. Оригинал у меня. Это у тебя подделка, милый.

Так что, давай дружить, зайка.

Грейс сидел громом поражённый.

— Ну Грейси, давай дружить. Мы скоро будем богатенькие. Не мешай мне, осталось только три месяца потянуть, — Стелла миролюбиво подошла к мужу, цепляясь подолом платья за растерзанное кресло.

Грейс сидел, отрешённо глядя перед собой.

Стелла снова надела похабный образ соблазнительницы вывалив перед мужем бюст из декольте:

— Смотри, мои девочки хотят поиграть с тобой.

Грейс удивлённо посмотрел на неё. Он не узнавал ту, что стояла перед ним. Нет, это не сумасшедшая. Это хитрая тварь! Она ни перед чем не остановится.

Стелла поспешила поскорее убраться, пока не случилось худшее.

Спасительная мысль пришла Грейсу в голову, что он успеет найти решение немного успокоила его.

Лучше бы он подумал о том, что нагромождение пирамиды из нерешённых проблем когда то обвалится. И вот тогда...

Элен не спалось. Лежала рядом с любимым, слышала его ровное дыхание, а сама трепетала. С каждой минутой приближался рассвет, что он ей принесёт?

Вчера любимый мужчина кружил её, не спускал с рук. Обрадованный её беременностью не мог на неё насмотреться, прикладывался щекой к животу, был сам не свой.

Элен не ожидала такой реакции. Неужели у её маленького крошечки-сыночка будут любящие папа и мама? Вот у неё у самой никого не было.

Из радостных мыслей она со скоростью скользящей американской горки падала вниз, в свои сомнения.

В тот же миг она вся слабела, перед глазами возникали картинки из учебника истории. Её ребёнок — раб!

После разговора с Маревой, Элен стало дурно.

Гвоздём сидела грузпрограмма искать выход. Надо, надо найти решение.

Если завтра Совет не примет её малыша, она вынуждена что-то делать.

Даже если её щедро оставят при дворе, что дальше, кем она будет? Любовницей по вызову? А мальчик? Изгой во дворце, чужой для всех, без сверстников, без будущего?!

Элен до того извелась, что под утро уже не могла лежать. Обернулась на милого, поцеловала, отправилась к себе.

Тильда, окрылённая счастливой новостью о маленьком, порхала грустной бабочкой. Ну а как веселится, если хозяйка грустит. По правде, ей и самой боязно. Что там тот чёртов Совет надумает. Ну, ничего, она то свою хозяйку не бросит, это точно.

У Элен от волнения не было сил. Она нервничала. Тильда отпаивала её горячим какао, натащила самых вкусных няшек.

Пришла Марева с девизом "Соберись, девка". Хотя видно было, она тоже нервничает. Не потому, что сомневалась в Совете. Тут предсказание ясно поведало: быть Элен королевой земель. А вот сколько ещё ей предстоит пережить...

Элен надела великолепное серо-жемчужное платье. Распущенные длинные волосы были лучшим украшением. Девушка даже нитку жемчуга не стала надевать.

Алонсо уже улетел, он будет ждать её в храме. Элен спустилась к выходу, пора.

Её ждала роскошная карета, запряжённая парой белых лошадей. Элен по золотой скамеечке, как по ступеньке поднялась, присела.

Тильда расправила складки платья, умудрилась положить корзинку с вином и засахаренными фруктами. Марева с другой стороны приткнула корзинку с пирожками: "Кушай, моя кукушечка".

Элен улыбнулась:

— Ну, вы меня как насовсем провожаете!

— Вот бестолковая! — всплеснула руками Марева,

— Смотри мне, не позорь меня. Чтоб гордо нос задрала и плакать там не могли! Приедешь, тут вместе поплачем, если что.

Марева притянула девушку к себе, на ухо прошептала:

— Не бойся, птичка моя. Если что, я тебе такого мужа найду, закачаешься. Прямо расстараясь.

Элен засмеялась, у неё улучшилось настроение. Да и в самом деле, чему быть, того не

миновать.

Вся прислуга облепила окна, щели, отовсюду смотрели за роскошным кортежем, тронувшимся от ступеней замка. Всем было интересно, любопытно.

Новость о том, что скоро будет маленький объединила всех радостью. В замке уже лет четыреста не бегали маленькие ножки.

Все теперь по особенному смотрели на свою госпожу, махали ей платочками и судачили, с нетерпением ждали решения Совета.

Золочёная карета, белые лошади и отряд охраны из 10 всадников неспешно покинули ворота и скрылись из виду.

Элен смотрела в окно. Тихий, голубой пейзаж. Из-за пыльных лавин, мерно плывущих вдоль горизонта, начал появляться город, поражающий своей красотой.

Город, в который они въехали, казался нарисованным. Широкие улицы, выложенные каменными плитами. Дома, тщательно спроектированные, геометрически выверенные.

Инкрустированные тонким кирпичиком, с одинаковыми высокими витражными окнами — казалось, всё сложено из одинаковых деталей конструктора.

Всюду ухоженные палисадники за белыми заборчиками, божечки, чудо-то какое! И всё это на фоне далёкого пылающего вулкана, огненной точкой просвечивающего сквозь белые облака.

От самой площади, где карета остановилась, вела дорога к грандиозному храму, стоящему на возвышенности.

Вдоль неё стояли, выстроившись по линейке, воины в сверкающих доспехах. За ними теснились граждане, негромко бурлили их гомон.

Затрубили горны, извещая о начале церемонии. Вдоль выстроенного караула к храму направились пары.

За Элен прибыл сопровождающий. Поклонившись, он пригласил её следовать за собой. Элен не чувствовала ног под собой. От стеснения, тревоги, волнения её мутило.

Ей было чертовски страшно. На неё смотрели тысячи глаз. Толпа ревела, перебрасывала через головы военных цветы, посылая воздушные поцелуи.

Стража маршировала на месте, в такт шагам грозно выдыхая "ух, ух", стуча древками копий и бряцая оружием. Идеальное построение, одновременное дыхание сотен мужчин — воздух звенел от тестерона и праздничного напряжения.

У ступеней, ведущих в храм Элен осталась одна.

Она поднималась, и каждая следующая ступенька давалась ей всё трудней. В какой-то момент она хотела развернуться и бежать куда глаза глядят, лишь бы не попасть на этот экзамен!

Она справилась с собой.

Внутри храма её встретила тишина. Такая гнетущая. Слышно было, как потрескивают свечи, кое-где шелестело платье, далеко в глубине кто-то кашлянул.

На улице был ясный день, а внутри храма темно. Правда, сквознячок хорошо проветривал, не было душно.

Элен гордо шла, подняв подбородок. Знай наших! Она, славянская Мона Лиза плыла сквозь толпу. Уверенная, загадочная и снисходительно-презрительная.

Сопровождающий вывел Элен к центру зала.

Держась ровно, с гордо поднятой головой, Элен еле стояла. Ей было элементарно страшно, от стеснения свело горло. Казалось, она не вымолвит ни слова.

Перед ней стояли пять мужчин в расшитых бархатных камзолах и венценосных головных уборах. Их мудрённые шапочки символизировали принадлежность к тому или иному клану. Орнамент на одежде ставил в известность о статусности хозяина.

Они стояли с непроницаемыми лицами, сложив руки в замок. Олицетворяли собой власть, величие клана, его сплоченность, мощь.

Собрание вёл тот, что в очках. Хорошо поставленным голосом он возвестил о начале церемонии.

Девушка слышала, что говорят о ней, но не слышала что именно. Перед ней стояло пять человек, она видела только их. Самые влиятельные члены клана Белых Драконов внимательно слушали, задавали вопросы, совещались между собой.

Рассматривая их лица, Элен сосредоточилась на их головных уборах. Так легче было не опускать голову.

Вдруг она услышала знакомый голос. Это "Одуванчик" давал характеристику своей ученице:

— Смею заверить, перед нами уникальная по своим способностям ученица, имеющая непревзойденные успехи в области естествознания. Её способности сделают честь любой Академии!

Кто-то что-то ещё говорил, Элен казалось, это длится вечно.

— Задайте вопрос те, у кого есть сомнения относительно этой женщины.

— Я! У меня! — в центр вышла Стелла.

Элен похолодела. Она чувствовала её слева от себя, не поворачивая головы, ощущала её рядом.

Неожиданно что-то тёплое коснулось плеча девушки. Она вздрогнула, повернулась. Алонсо! Он встал рядом с Элен, приобнял её за плечо, ласково заглянул в лицо.

Тадам! Теперь даже если небо упадёт, он подставит свои плечи. Он здесь, он рядом. Он настоящий мужик, не бросил её.

Стелла вышла вперёд, пытаясь затмить собою Элен. Интуицией опытной интриганки, она выбрала скромный наряд, лишённый каких либо украшений. Волосы, туго собранные в пучок придали ей вид серьёзной, вдумчивой женщины.

— Эта самозванка скрывает своё происхождение. На запрос о её прежнем месте проживания, пришёл ответ, что такого места не существует. Значит, она врёт. А раз врёт, она враг, которому есть что скрывать. Вероятно, это женщина пытается расколоть наш клан, впоследствии привлечёт неизвестные нам силы Чёрных драконов и нам придётся воевать за свои земли.

— Как попал к вам в руки этот документ?

— Я его не видела, я о нём слышала.

— Где вы слышали?

— От мужа.

Грейс чуть не упал в обморок. Вот как раз в этот момент обморок для него был бы

лучшим выходом.

Стелла хитро смотрела на него, ожидая, как он выкрутится. Грейс белый, как мел, вышел к центру.

— Должен сказать, что информация неверная. В документе написано место "Москва" не обнаружено.

Но это не значит, что его не существует.

— Почему вы не предоставили этот документ, Грейс.

— Это моя оплошность.

(Не мог же он сказать, что Стелла изорвала его).

— Достаточно! — голос Алонсо прозвучал громко, чётко:

— Мне совершенно всё равно, кто из вас что думает. Эта женщина моя, я её никому не отдам на дальнейшее обсуждение, И я намерен на ней официально жениться.

По залу прокатился ропот. Как?! Жениться на человеческой женщине. Таких браков быть не может. Эта честь только для истинных.

— Лорд Алонсо. Вы нарушаете устои клана. Мы объединяем свои ряды чистотой крови, у нас не может быть разногласий. В единстве наша сила. Вы можете оставить себе эту женщину, возможно, мы найдём доказательства её происхождения и позволим родить вам наследника земель. Но жениться. Нет.

— Я самый богатый человек этого клана и никого не спрашиваю. Ставлю в известность. Если я сейчас покину Совет, то стану вашим врагом. Мне это не выгодно, но лучше не злите меня.

Алонсо начинал заводиться, Элен чувствовала жар от него. Стояла рядом ни живая ни мёртвая.

— Стойте! стойте, — все повернулись. По проходу профессор Виль тащил за руку древнего старикашку.

Тот еле перебирал ногами, чуть не наступая на собственную бороду. Настолько она была длинной. Видно было, что старичок спешит со всех ног, но скорости это не прибавляло.

— Наш звездочёт, он здесь.

— Что вы можете сказать, уважаемый?

О! Он мог говорить бесконечно! Сначала мастер звёздных наук забурился в такую словесную даль, что все заскучали.

— А можно ли ближе к делу?

Звездочёт осмотрел зал поверх очков. Казалось он не понял, кто эти люди и вообще, где он.

— То поселение, откуда эта девушка, найдено. Но находится оно от нас примерно в тысяче земных лет.

— Как это? — донеслось из зала.

— А это, голубчик, если вы сейчас сядете в карету, то через тысячу лет приедите в гости к маме этой девушки.

— Как же она к нам приехала?

— Науке это не известно. Но эта девушка точно оттуда.

И находится оно в том направлении, где северные земли. Как раз в той стороне, где земли лорда Алонсо.

Элен захлопала в ладошки.

— Где бумага, Грейси, — Алонсо смял рукав деверя, шепнул в самое его ухо. Взгляд Алонсо не обещал ничего хорошего.

По залу перекатывались бури возгласов, люди, захваченные новостью, обсуждали ее на все лады.

— Лорд Алонсо, мы поменяли наше мнение. Вы можете иметь союз с этой женщиной.

— Мне всё равно, куда укатилось ваше мнение.

Как только он стал говорить, наступила мёртвая тишина.

— Я объявляю о своей свадьбе. Она состоится через месяц. Приглашены все, кто готов выразить почтение этой женщине, как мне самому.

Остальным просьба на свадьбе не появляться.

Но приготовить финансовые портфели. Каждый из присутствующих так или иначе мне должен.

Он предложил руку Элен. Накрыл её пальчики своей рукой и направился к выходу. Её карета и вооружённый кортеж уже ждали. Алонсо бережно усадил девушку, шепнул "до встречи" и вернулся в храм.

Красивый кортеж невесты лорда Алонсо тронулся в обратный путь по улочкам города.

Толпы зевак не отрываясь смотрели на здоровенных всадников, одетых в парадные алые плащи. Их белые плюмажи на остроконечных касках раскачивались в такт движения лошади. Сбруя на конях отливала серебром. Круглые щиты и тяжелые копья не оставляли сомнения, что драгоценность, сидящую в карете, доставят в целости и сохранности.

Алонсо скорым шагом вернулся в храм, занял своё место, развалившись в своей излюбленной позе.

Он был необыкновенно зол. Проблему создала даже не Стелла, а Грейс. Самый близкий родственник подставил его, не сообщив о документе!

Сегодняшний Совет для Алонсо не был неожиданностью, исключая момент с бумагами, скрытыми начальником полиции.

Всю подковёрную возню в верхушке он давно контролировал, изучал, анализировал. Днями и ночами готовил план своего успеха. Не чурался долгих переговоров с кем надо. Не гнушался помогать тем, кто ему был полезен, мастерски перетягивал мнение на свою сторону.

Точно знал: только мозги превращают время в деньги. Умный, хитрый политик, он давно всё спланировал.

В сегодняшнем его поведении не было и доли позёрства. Действия его были более, чем расчётливы. Его личная группа законников две недели скурпулёзно составляли сметы, счета, подтягивала должников, щедро давала займы, накрепко привязывая лояльностью к своему хозяину. Стряпчий Алонсо с волчьей хваткой и драконьей сноровкой добивал остальных.

Алонсо готовился: в следующий Совет он сам войдёт председателем.

Знал: то, что он берёт в официальные жёны человеческую женщину — нонсенс в истории Драконьих Земель. Вот как раз на это Алонсо было наплевать. Всякие условности, мешающие его личным желаниям его не волновали. От слова "совсем". Он так захотел, значит так и будет.

Алонсо не собирался никому признаваться, что эта женщина пленила его целиком. Однако, в своём стремлении в достижении политических целей это не имело никакого значения.

Алонсо вне встреч вообще не вспоминал об Элен, не думал о ней. Она была для него как сердце в груди: он жив, пока оно бьётся.

Конечно, дракон понимал, что проживёт дольше своей женщины, много дольше. Их романс для двоих оборвётся на середине её куплета. И сын, мальчик, которого он ждёт со вчерашнего дня тоже не вечен. Человеческий век короток, всего-то сто лет, отведённые небом.

Алонсо с удвоенным рвением, обеими руками ухватился за власть. У него будет сын и этот мальчик получит лучшее. Ребёнок, защищённый магией дракона проживёт свои сто лет воином, королём, властителем Северных земель.

А пока мать будущего королевича подъезжала к замку. Толпа нарядных горожан высыпала на улицу.

Стража перестроилась, взяв карету в каре. Народ теснился забрасывая карету цветами. Воинам пришлось выставить копыта, чтоб люди не лезли под копыта лошадям.

Элен утирала ладошками слёзы счастья. Она, детдомовская девчонка, побывавшая в рабстве, пережившая два покушения, согретая любовью богатейшего дракона, выходит замуж!

У неё будет настоящая свадьба, с гостями с подарками. Её маленький мальшик, пока ещё спрятанный под сердцем — будущий король! Обалдеть, кому сказать.

Толпа бежала за каретой, люди свешивались из окон, махали с крыш. Так триумфально приветствовали только монарших особ, Элен это видела по телеку в прошлой жизни.

Девушка закусила губу. Нет, нет, никаких воспоминаний. То был сон, его нет, он растворился в обстоятельствах настоящего. Прошлого просто не было. Лучше думать так, чем сойти с ума от воспоминаний.

Чтоб заставить себя не думать, Элен стала громко петь, и что бы вы думали? Не догадаетесь.

Надрываясь, дирижируя сама себе, она почти кричала: "Утро красит нежным светом стены древнего Кремля..."

Так наверное всегда бывает в минуты большого счастья — мозги выуживают что-то очень, очень дорогое...

Карета подкатила к ступеням замка, толпа хлынула, пытаясь дотронуться до Элен.

Развернулся нехилый батл за "доступ к телу" охрана оттеснила толпу, расчистив проход.

Элен не привыкла к такому ликованию, к такой буре человеческих эмоций. Она скрылась в коридоре, облегчённо выдохнув. Признание и любовь, это не только хорошо, но ещё и страшно.

— Как дела, кукушечка моя? — Марева впервые сама обняла Элен, — устала?

Элен прислонилась к ней лбом:

— Себе не верю.

— Отдыхай.

Марева передала расстроганную, вымотавшуюся девушку Тильде. Служанка проворно раздела свою госпожу, обложила влажными тёплыми полотенцами, задвинула шторы. Безапелляционно выставила сводню за дверь, и сама вышла.

Охрана тут же лютым дозором заслонила собою дверь в покои невесты лорда.

Элен и вправду почувствовала невероятную усталость. Распластавшись под тяжестью травяных компрессов, закрыв глаза, не могла избавиться от видений.

Слайдами проносились обрывки впечатлений. Страх, волнения улеглись. Чувство безмятежного покоя, светлой радости, ожидания праздника, всё вместе, одновременно обрушилось на неё.

Оказывается, ощущать себя счастливой — та ещё ноша. Девушка с нежностью гладила живот, прислушиваясь к себе. "Как дела, сынок? Мама и папа любят тебя. Как только ты появишься, мы тебя никому не отдадим. Мы будем рядом.

Элен отдыхала, а Марева шла к себе. Немного шаркая, женщина не радостно ожидала завтрашнего дня.

Сегодня она не стала рассказывать счастливой девушке то, что теперь она должна будет узнать. Марева от души пожалела свою подопечную. Пусть сегодня счастье Элен будет полным!

Завтра Марева посвятит Элен в тайны, которые ей, возможно, не понравятся. Совсем не понравятся.

Вчера, за ужином, Алонсо сообщил, что с утра в замке будут гости. Приедут его отец и Грейс.

— Мой господин, а Стелла?

— Она обижает Вас, ей здесь не место.

— Алонсо, я хотела бы помириться с Вашей сестрой.

Дракон удивлённо взглянул на невесту. Она каждый день открывалась для него новой разгадкой непостижимых тайн.

Чтоб не сорвалось предприятие по разоблачению, задуманное Элен, она поспешила добавить:

— Я уважаю и чту всех членов вашей семьи, мой господин.

А ещё ей хотелось выкрикнуть: "меня бесят эти чопорные выканья, давай говорить нормально, на "ты".

Он ничего не ответил, лишь кивнул. "Ну, что ж. Будем надеяться, согласился. Это в его духе держать всё под замком: планы, чувства, эмоции".

Элен успокоилась, решив, что постепенно всё изменит. Потом, когда привыкнет к своему новому положению.

Хорошая черта была у этой девчонки. Она умела держать рот на замке, даже когда ей прям ну очень хотелось с кем-то поболтать. Например, с Тильдой. Элен знала, что служанка верная, преданная девушка. Однако, даже у подруг бывает, что у серой мышинной мордочки вдруг вырастают острые зубы, щёрстка на спинке становится бурой и заканчивается длинным крысиным хвостом!

Когда Тильда раскладывала вещи Элен в новые шкафы, ей попался в руки холщовый мешочек Габи из шале. На вопрос Тильды: "Ой, а что это?" Элен благоразумно промолчала.

Сначала хотела отнести пакет с травами Мареве, зная, что старушка тащится от всех этих примочек. А потом вспомнила. Пузырёк!

Элен достала сине-голубое стекло, повертела его в руках. Ясно, этой виагрой (как она про себя назвала настойку Габи), она воспользоваться не собирается.

Элен прикусила нижнюю губку. Девушка частенько так делала, когда о чём-то напряжённо думала. Ну да! Очень даже нужная штука, этот пузырёк.

Как раз, то что поможет Элен осуществить свои детективные планы.

Прежде чем уверенно подойти к делу, девушка наполнила фужер водой. Смочила палец из бутылка и провела по мокрому бортику.

Было впечатление, что Элен порезалась об этот бортик и за пальцем тянется кровавый след. Багрово-красные разводы стекали тонкими дорожками по стенкам фужера. Вид был страшный, прям до жути, как из фильма про Медичи. Недаром Габи говорила, что капать можно только в кофе, а лучше в красное вино. Ничего себе эффект. То, что надо.

Она пыталась смыть настойку с пальца. Вода всё красилась и красилась, стекая с руки пылающей кровью.

Элен хотелось побеседовать с Маревой. Вчера они не увиделись, а Элен столько надо было ей рассказать про Совет. Про то, кто что сказал, про Стеллу. Как её, Элен, защитил Алонсо, как встал рядом с ней, послав куда подальше условности. Как отвоевал её и заткнул рот всем важным дядькам. Да, и о том, как "Милочка" притащил звездочёта. Кстати, а что

делает профессор у Маревы, распивая чай? Вопрос таки даже очень интересный.

Элен с озорной улыбкой примчалась к Мареве — не тут-то было. Заперто. Неизвестные дела сорвали неугомонную старушенцию с места.

Ну вот, так обломаться, когда прям не терпится поболтать!

От нечего делать, Элен отправилась к чёрному входу, чтоб выйти в сад. На пороге увидела недалеко от двери... кого бы вы думали? Тильду и Сеула.

Он, огромный, устрашающий, нависал над маленькой юркой Тильдой всем своим капюшоном. А она, (батюшки, так и есть), кокетничала с ним. Вот это новость.

Элен, не сдерживая улыбку, чтоб не мешать парочке, повернула назад.

Размышляя, думала: как странно. Они такие разные. Сеул загадочный, свирепый, хладнокровный.

Служанки вечно судачили про него, до Элен не раз долетало, что Сеул чуть ли не живьём ест своих любовниц. Что у него под капюшоном нет полголовой, а на затылке третий глаз. Конечно, женские сплетни часто граничили с бредом. Но, правду сказать, Элен и сама робела в присутствии Сеула.

В чёрной накидке он грозным, вездесущим вороном появлялся в самых неожиданных местах замка. Кто скрывается под чёрным шёлком его короткого плаща, наверное, не знал никто.

Как волею судеб рядом с ним оказалась Тильда? Прыткая, жизнерадостная, солнечная зажигалочка. Смелая до отчаяния, верная до безумия.

Эти двое нашли друг друга. Смотреть на них была такая милота!

Интересно, эту пару тоже будут шгормить ссоры, примирения влюблённых? За Тильду в их союзе Элен не переживала. Без сомнений было ясно, кому в их спорах достанутся лавры победительницы.

Вот-вот приедут гости. Элен надо было подготовиться и хорошенько сосредоточиться.

Перебирая одежду, всё обдумывала, что бы надеть. Так, чтоб незаметно вынуть, а потом спрятать малюсенький синий бутылёчек. Тёмно-синее платье с голубыми кружевами подходило как нельзя лучше.

Девушка хорошо понимала, что рискует. Случись погрешность и ей будет сложно объяснить что она делает.

Элен давно, ещё со времён проживания в общаге, хорошо усвоила поговорку "с волками жить, по волчьи выть". И если сейчас она не положит конец тайнам, накопившимся хреновой тучей, тем же макарон, каким эти тайны стряпаются, дальше будет хуже.

Стелла не получая отпора, будет всё больше строить козни. И кто знает, успеет ли Тильда заметить "следующий персик".

Сейчас Элен не собиралась пускать на самотёк историю своего будущего. Ей надо было защитить себя и сына.

Элен, сотворив на личике самое гостеприимное выражение, вышла к гостям.

Шикарная, как с картинки в инете, облитая драгоценностями, любезно приветствовала присутствующих.

У Алонсо в глазах сверкала гордость за свою избранницу. У лорда Ваништона — восхищение ею, у Грейса зависть от сравнения с собственной женой, а у Стеллы — кипяток ненависти.

— Стелла, я так рада видеть тебя! — Элен хлопая широко открытыми глазами смотрела в лицо растерявшейся Стелле.

— Отойди от меня, непотребщина, — прошипела черноволосая гостья, выбирая среди наполненных фужеров на столе.

— Я хочу подружиться с тобой. Стать тебе верной подругой. Ведь скоро мы станем родственницами, — стойко, с неизвестно откуда прорвавшейся театральной способностью, Элен врала.

Стелла в исступлении бешенства закатила глаза.

Мужчины выдохнули, решив, что наступило зыбкое женское перемирие. Отправились в переговорную.

Грейсу предстояло ответить на вопрос исчезнувшего документа. Он не нашёл ничего лучшего, как рассказать правду. Грейс знал, что если Алонсо сейчас поймает его на лжи, это будет его последняя мирная беседа с драконом.

Дальше только противостояние и, скорее всего, забвение. Слишком серьёзное произошло профессиональное преступление.

А Грейс хотел жить. И как раз страх за свою ж...(не подумайте, что за жизнь), определил его решение относительно Стеллы. Развестись он не хотел, он бы вылетел из клана, а вот упечь Стеллу в лечебницу — самое то.

Мужчины скрылись за дверью, женщины остались один на один в огромном зале.

Элен незаметно смочила пальчик зельем.

Стелла взяла фужер, махом проглотила, не разбираясь, что пьёт.

— Стелла, — Элен твёрдо смотрела в лицо противницы,

— Я колдунья. То, что ты выпила, я отравила.

— Что?

— Смотри, — Элен медленно обвела пальцем влажный бортик фужера. Кровавая борозда прорезала прозрачное стекло, расплываясь кровавыми ручьями.

Обескураженная Стелла смотрела на фужер так, будто червяка увидела сверху на колбасе.

Стелла схватилась за горло. Элен знала, что агрессивные хамы — это те, кто просто никогда не получали сдачи. И они всегда трясутся за свою жизнь.

Как медработник, отлично помнила, что под воздействием алкоголя абьюзеры становятся страшно мнительными.

— Ничего, дорогая, сейчас у тебя начнутся спазмы, ты не сможешь дышать и сдохнешь — Элен очаровательно улыбнулась.

— Из тебя выбьют всё колдовство! Стоит мне только побежать и всё рассказать про тебя, Элен.

— Во-первых, ноги тебе в помощь. А во-вторых я заколдовала свой запах, дракон не считает мой замысел. А ещё, у тебя уже голос садится. Стелла, ты не крикнешь, пока я не дам тебе противоядие.

Стелла провела рукой по груди.

— Ну, вот, видишь. Яд уже делает свою работу, — Элен сочувственно пожала плечами.

Стелла жалко выглядела. Куда делась вельможья стать и бывшая спесь?

— Что ты хочешь? — слова с бульканьем проваливались в её горло.

— Скажи всем, что библиотека и персик твоих рук дело. Видишь, Стелла. Я колдунья, я всё знаю.

Женщина вскинула глаза на Элен. А вот теперь в них взаправду плескался страх.

Элен взяла в руки заготовленный бокал с чистой водой:

— Ну, я жду, — нахмурилась, сделала вид, что собирается уходить.

— Стой, — Стелла протянула руку, — дай сначала противоядие, потом признаюсь.

— Прощай. — Элен направилась к выходу.

— Хорошо, я скажу!

Стелла кинулась в переговорную, закричала с порога, тыча рукой в Элен:

— Она отравила меня! Пытайте её, мне надо противоядие!

Мужчины переводили взгляд с одной на другую.

Стелла грохнулась на колени, держась за голову и веря, что умирает

— Это правда? — лорд Ванишгтон повёл носом в сторону Элен.

— Я никого не травила.

— От девушки пахнет правдой, — лорд Ванишгтон уставился на дочь.

Элен хитро улыбнулась Стелле одними уголками губ "я же говорила".

Стелла закашлялась. Расторопные слуги принесли кресло, посадили в него содрогаящуюся в соматическом кашле Стеллу.

— У леди Стеллы начинается приступ удушья, вероятно она выпила много алкоголя, — Элен подкрутила перед её лицом бокал с "якобы" противоядием.

— Да, да, библиотека и отравы в персике моих рук дело! — Стелла обеими руками схватила бокал, протянутый ей Элен.

Выпила, стала ощупывать себя. Как будто ничего и не было. Само собой, ей сразу стало легче, потому, что и вправду, ничего не было.

— Всё?! — она уставилась на Элен.

Не успела та кивнуть, Стелла бросилась к ней, собираясь напасть.

— Не балуйся, — Элен рассмеялась ей в лицо,

— Давай дружить, золовушка?

— Найди себе дворнягу под стать, — зло прошипела Стелла, развернулась на каблуках и отправилась к фуршетному столику.

Занеся руку над бокалами, резко отдернула, покосившись на Элен.

Мужчины стояли, как к полу приросли.

Алонсо пристально смотрел на женщин, переводя взгляд с одной на другую.

— Причём здесь библиотека, какой персик? — он внимательно смотрел на Элен.

— Про библиотеку понятия не имею, — Элен знала, что Сеул недалеко и всё слышит, —

А про персик...История не заслуживает вашего внимания, мой господин. Ой, мы такие девочки-девочки! Уже сами во всём разобрались, да Стеллочка?

"Стеллочка", чуть не подавилась, отхлёбывая что-то из бокала синего стекла.

— Просто ваша сестра, мой господин хотела моей смерти, подложив отраву., — Элен спокойно, серьёзно смотрела ему в глаза.

Алонсо пронзил холод. Он не успел сдержать порыв, обнял девушку, зарылся лицом ей в маковку.

Взял себя в руки. перевёл взгляд на Сеула поверх головы Элен.

Тот стоял, как всегда, сложив руки на груди, широко расставив ноги.

— От скольких же бед ты спас меня, мой верный грифон... — Алонсо вплотную подошёл к телохранителю. Тот склонил голову.

Алонсо резко развернулся.

— Грейс, ты подписал наше соглашение. Жду выполнения.

Дракон повернулся к сестре:

— Тебе отказано в праве переступить порог моих владений. Вон отсюда!

Стелла зависла с вишенкой в руке, которую обмакивала в мартини.

— Ну, Лонси, не чуди, — она попыталась прикинуться дурой, спасти ситуацию,

— С твоей женой мы помирились. И вообще, я чудесная, всех вас люблю и больше так не буду.

— Вон! — в голосе Алонсо звякнул металл.

Грейс подхватил жену, поволок её к выходу. Она хотела вырваться, вернуться, что-то сказать. Перед ней вырос Сеул. Стелла попятилась, прошипела:

— Вы ещё пожалеете!

Ту прелесть, что теперь каждое утро накрывала Элен с головой, описать невозможно.

Просыпаться в его объятиях было продолжением сладкого сна. Не открывая глаз встречаться с его горячим дыханием. С трудом переводить своё, боясь расплескать собирающуюся внизу живота нежность. Ощущать забродившую, рвущуюся с его губ страсть в горячих поцелуях накрывающих её тело.

Трепет плена в клетке без выхода, когда его локти оказывались с обеих сторон от её головы. Она, подчиняясь его напору, не собиралась покидать свой плен.

Желанная, напоённая страстью, Элен лежала, купаясь в своём женском счастье. Лёгкий ветерок запутался в шторах. Котёнком прыгал под ними, лёгкими царапками невесомой ткани шуршал по стёклам. Солнце несмело заглядывало в окно, в стеснении пряталось, не в силах смотреть на обнажённую красоту влюблённых.

Раскинувшись в беспечной неге оба не спали.

Элен подскочила первой. Ей нестерпимо хотелось кофе. Или сгущёнки. Или ещё чего-то, она не могла придумать чего.

Обернувшись к Алонсо, зажмурилась, зардевшись от его обнажённого вида. Он закинул руки за голову, призывно смотрел на неё, пожирая глазами. Его долгий гипнотический взгляд раззадорил Элен. Ей захотелось подразнить его.

Но шутки и дразнилки мужчины, распалённым желанием закончились немедленным нападением. Объятия любимого сковали её, через секунду она, как трепетная добыча, была в руках ненасытной ласки.

К обеду Элен, проводив Алонсо, отправилась к Мареве. О, как ей хотелось рассказать про Совет. Про то, как Алонсо защитил её, встал рядом, наплевав на условности. Как заткнул рот всем противным дядькам, когда змеёй выползла Стелла!

А ещё о том, как "Милочка", то есть профессор Виль, притащил звездочёта и ещё много чего.

Подхватив юбки, Элен мчалась по коридору. Дверь к Мареве распахнулась раньше, чем Элен добралась до неё.

— Смею приветствовать вас, миледи.

Что это было, Марева опустила голову?

— Маревочка, ты чего это? — Элен заглянула ей в глаза,

— Это же я.

— Да кто тебя знает, как к тебе обращаться. Ты ж у нас теперь птичка важная.

— Пожалуйста, Марева, не обижай меня. Я к тебе как к родной, а ты!

— Ой, да всякое бывает. А то я не видела как крышу девкам от власти сносит, — Марева, посмеиваясь, приобняла Элен.

— Ну, присаживайся, кукушечка, расскажи, как дела?

Элен уселась поудобнее и тараторила без умолку. Марева распорядилась, им подали обед прямо к ней в гостинную. Время летело. Женщины сидели и говорили, говорили. Вернее одна говорила без умолку, а другая терпеливо слушала.

Марева наблюдала за радостной девушкой, слушала её сбивчивый рассказ о событиях двух дней. Хорошо знала, как Элен выручила Сеула, который никак не мог подобраться к Стелле, чтоб обвинить её в злодеяниях.

И ждала. Когда девушка выговорится и будет в состоянии слушать. Элен всё говорила, набивая рот миндальным пирожным, вдруг осеклась, заметив, насколько Марева серьёзно смотрит на неё:

— Ты так смотришь, как будто хочешь что-то сказать.

— Хочу.

Марева встала, плотнее закрыла дверь.

— Элен, я говорила тебе, что как только лорд Алонсо назовёт тебя матерью своего сына, я расскажу тебе то, чего ты не знаешь.

— Ну да, говорила, — Элен растягивала слова, готовясь услышать что-то нехорошее.

— Тебе повезло больше, чем можно было рассчитывать. Над твоей каретой флаг с гербом клана. Ты становишься законной женой дракона.

Марева испытывающе смотрела на Элен.

— Ну да. А что не так? — Элен насторожилась.

— Ты будущая мать короля Северных земель, здесь всё ясно. Только вот какая штука.

Родившийся мальчик проживёт с тобой семь лет, а потом его отберут у тебя. И передадут в школу воинов. И пока ему не исполнится двадцать лет, ты его больше не увидишь.

Элен молча смотрела на Мареву, хлопая глазами. Казалось, она ничего не слышала, из того, что сказала Марева. Правда тараном пробила брешь в её сердце.

Девушка вся сразу обмякла, просела в кресле, будто из неё вытащили стержень. Элен неотрывно смотрела в лицо старой подруге.

Она не плакала, нет, глаза её оставались сухими. Быть может, в этот момент её сердце тоже засохло.

Элен молча качала головой:

— Нет, нет. Никогда. — невидящими глазами смотрела сквозь стену.

Бледная, поникшая с надеждой посмотрела на Мареву:

— Может, это меня не касается, я же больше не рабыня?

— Это закон. Он касается всех.

— Пожалуйста, нет.. — Элен раскачивалась, не могла прийти в себя,

— Одно дело я. Выросла без семьи, никто не знает где мои родители. Меня нашли свёртком на ступеньках роддома. Но у моего мальчика есть мать, отец. За что?!

— Причём здесь за что.

Удел правителей воспитываться мужчинами, воинами. Тогда мальчик становится умным стратегом, безжалостным воином, королём, способным вести войну.

— Зверем, короче... — Элен подняла глаза на Мареву:

— Алонсо знает об этом?

— Конечно. Он и сам так вырос. С семи лет оказался в мужском монастыре, и, как видишь, из него получился превосходный, замечательный хозяин.

— А, кстати, где его мать?

— Чья? Алонсо? Да драконша как сдала его в семь лет, так больше и не появлялась. Ей ни муж, ни сын не были нужны.

Элен встала, направилась к двери.

— Постой, кукушечка моя, куда ты? — Марева отступила, встретившись с кинжальным взглядом Элен. Девушка ухватила бабуся за руку:

— Помяни моё слово, Марева. С моим ребёнком этого не случится. От слова "ни разу"!

Элен медленно шла в свои покои. Опять затикало время моральных мучений, отстукивая стрелочкой по мозгам "новый пипец".

После разговора с Маревой, девушка пыталась осмыслить, то что услышала. Придя к себе, неслышно ступая по мягкому ковру, еле добралась до окна.

Хотелось вдохнуть воздуха. Внутри всё дрожало. Во рту пересохло, мир снова раскололся надвое. Так уже было однажды, когда она прилетела сюда, в этот чужой мир на парашоте.

Тильда, видя, что хозяйке нехорошо, подумала, что так и должно быть. Её учили, что для беременных это нормально.

Не успела служанка подойти к Элен, как та, почувствовав её спиной, попросила:

— Уйди, Тильда. И не появляйся, пока я не позову тебя.

Тильда на цыпочках вышла, показала стражнику на дверях кулачок: мол, смотри хорошенько. Сама побежала к Мареве, доложить, что госпоже плохо и грустно. Пусть Марева скажет, что делать.

К сожалению, сваха и сама не знала чем помочь.

Элен села в кресло. Что за дела?! Чёртовы драконовы законы, по своей идиотской прихоти растить озверевших самодуров, заберут сына у матери? То есть она должна будет убраться прочь из будущего взросления сына.

Элен сжала голову дрожащими руками. Её малыш пока не родился, а она уже считает дни до расставания с ним почти навсегда.

— Пожалуйста, пусть это будет не со мной. Я испила уже чашу детской трагедии расти без матери. Хватит.

Её, маленькую крохотулю, нашли свёртком на ступенях роддома. Какая-то женщина, кому не нужна была её, Ленкина жизнь, выкинула новорожденную девочку в неизвестность, на милость чужим людям. Хорошо, что сама не избавилась от нежеланного ребёнка, не убила, не утопила. И на том спасибо.

Это была её, Ленкина трагедия жить без любви, без ласки и заботы матери. Но её сынок тут при чём?

Элен уже всё продумала. Решение пришло молниеносно. Как буд-то она прочитала инструкцию, что надо делать.

Девушка сразу успокоилась. Решила, что дождётся Алонсо. Попробует с ним решить вопрос в свою пользу. Конечно решит! Ведь он так обрадовался её беременности! Значит, мальчик ему дорог. Вот и попробуем сегодня поговорить.

Зная вспыльчивый, нетерпимый характер любимого, Элен пыталась настроить себя на сдержанный лад. Чувствовала, что беседа будет ни хрена не сдержанной.

Эх, жаль, не было у неё пулемёта. Всех бы умников перестреляла во всём их законодательном драконьем составе. Уроды! Ишь, что надумали, ребёнка у матери отобрать. "Я вам отберу!", пообещала будущая мать, представив себе законников.

Элен вытерла слёзки, хлопнула в ладоши:

— Тильда!

Служанка явилась в ту же секунду.

— Распорядись накрыть стол к чаю. Хочу сладких пирогов. Сгущенки, инжира,

засахаренного миндаля. Огурчиков пусть малосольных положат. Или даже не знаю, может, селёдки?

Тильда радостно помчалась перечислять меню на кухню. Эленочка захотела кушать, это очень-очень хорошо! Значит, настроение улучшилось.

Элен ела как не в себя. Сметала всё, что видела. Пирог заедала инжиром, огурцы запивала чаем. Внезапный приступ рвоты подкосил её. Теперь всё, что она запихнула в себя, летело обратно с той же скоростью.

Девушка не знала, что с нею происходит. Или это токсикоз. Или естественная реакция на огурцы с пряниками. Или это нервы.

Элен услышала хлопки крыльев. Наконец то! Вот сейчас она встретит Алонсо и всё решится. Стоило ли так расстраиваться.

Элен всё ещё содрогалась от позывов рвоты, желудок скручивало, когда она почувствовала, что Алонсо сзади. Он обеспокоенно смотрел на неё, а она готова была сквозь землю провалиться. Её растрёпанный вид, Тильда с полотенцами, кислый запах в воздухе — кошмар какой.

— Алонсо! Нам надо поговорить.

Элен хотела выпрямиться, сделала шаг к нему на встречу и вдруг, всё помутилось. Изображения, запахи — всё поплыло наискосок. Девушка, подхваченная Тильдой, упала в обморок.

Алонсо распорядился немедленно привезти знахаря. Элен переложили в кровать, она давно пришла в чувства, с ней всё было нормально.

Но вокруг неё носились горничные, Тильда шикала, командовала ими. Убрали цветы, чтоб не раздражали запахи, открыли свежему ветру окна, взбили подушки. Все ходили на цыпочках, двигались бесшумно.

Элен порывалась встать, ей не позволили. Алонсо ждал знахаря, велел доложить, когда Элен осмотрят.

Прибыл тот самый ящер, что когда то лечил ей сломанное ребро. Знахарь поводит над девушкой руками-лапами, заглянул в глаза. Долго смотрел ей в лицо.

Элен наблюдала за его мордой (вот вроде грубовато звучит, но как сказать по другому на "лицо" ящера, если это ящер?) В его жёлтой радужке глаз, усыпанной чёрными крошками, узкий зрачок улыбался. Вот точно, ящер улыбался глазами!

— У вас всё хорошо. Ребёнок родится через двести сорок восемь дней.

Знахарь ушёл к Алонсо, успокоить будущего папашу. А Элен разрыдалась.

Получается, ей любезно предложили счёт до рождения её солнышонка, чтоб начать обратный отсчёт до первого дня расставания?

Элен так горько и безудержно плакала, её колотила истерика. Слёзы лились рекой от обиды, от того, что снова надо бороться за свои права. Да что же это такое!

Окружающие снова забегали, заволновались. Пришла Марева. Она, конечно, понимала, что Элен не обрадуется тому, что узнала. Но чтоб так...

Снова пришёл знахарь, достала из чемоданчика настойку, дал Элен. Через минуту девушка затихла. Повалилась в подушки и крепко уснула. Все вышли из комнаты. Элен спала, набиралась сил. Ей предстояло решить ещё кучу кучную проблем.

Не успела Элен проснуться, сесть в кровати, как к ней вошла Марева.

— Я уж по-свойски, кукушечка.

Марева махнула рукой, Тильда вышла.

— Ты, деточка, меры не знаешь. Характерец у тебя преотвратный. Скажи мне, зачем себе душу рвёшь?

— Марева, ты прям ехидна, а не друг. Ты про что сейчас? У меня сына отобрать хотят, я как должна реагировать?

— Умная женщина так сделает, что мужик всё исполнит, решив, что это была его воля.

— Уму меня хочешь научить? Ну, давай, я слушаю.

Марева тяжело вздохнула:

— Тебя учить, себе дороже.

Одно скажу: не ломай, то что еле держится на соломенных ножках. Дай окрепнуть отношениям. Твой мужик только влюблён, он ещё парит на чувствах.

— Так что мне делать? Ждать?

— Да! Да, Элен. Подожди. Рожать тебе не завтра. Всё успеешь. Потихоньку, лаской, заботой, глядишь и всё по-твоему будет.

— А сейчас как жить? Притворяться, что всё нормально?

— От тебя не убудет. Попритворяйся.

— Нет.

Марева встала, пошла к двери.

— Одумайся. Не кидайся в драку. Миром решай, лаской. Повремени.

Марева вышла. Элен проводила её взглядом, отправилась в гардеробную. Выбирая платье, остановилась на новом чёрном. Оно особенно хорошо оттеняет её кожу.

Хлопнула в ладоши, вошла Тильда. Уложила волосы Элен, украсив их агатовыми бусинами.

Элен вышла к столу в сопровождении Сеула. Алонсо встретил невесту, не сумев сдержать восхищения. Элен была очаровательна.

Однако, сама девушка была бледная, вялая. Алонсо обратил на это внимание.

— Вам лучше, Элен?

Она завелась с полоборота. С чего бы это ей стало лучше, если до расставания с неродившимся сыном осталось на день меньше?!

Она сжала зубы, побледнела ещё сильнее, опустила глаза.

Алонсо подошёл к ней, обеспокоенно заглянул в лицо. От запаха, от тепла исходящего от могучего тела, от заботы в глазах, она не выдержала и слёзы брызнули ручьём.

Алонсо подхватил её на руки, уложил на оттоманку.

Кивнул слуге, тот мгновенно вырос рядом.

— Чаю госпоже!

У Элен зубы стучали о чашку. Она не могла сделать глоток.

Срывающимся шёпотом произнесла:

— Нам надо поговорить.

— Приди в себя, успокойся и мы поговорим.

— Нет, сейчас!

Элен взяла себя в руки. Встала.

— Элен. Я твой господин. Время завтрака. Сядь за стол, поешь сама и не мешай мне начать день так, как должно.

Алонсо вернулся за стол, зашелестел газетой, неспешно приступил к завтраку.

Бесшумно сновали официанты, Элен ни к чему не притронулась. Её бесила каждая минута промедления. Ей казалось, он специально тянет время, чтоб проучить её, чтоб напомнить, кто тут главный.

Перед ней поставили слоённый торт, горький шоколад, миндаль, и девушка понемножечку успокоилась.

Как будто в голове включилась кнопка "стоп истерика". Надо было срочно скушать сладенького, потом повзрослеть и взять себя в руки.

И вправду, куда спешить. Вот она, прямая польза от сахара в настроении женщины! Элен приступила к завтраку, не понимая, насколько ей повезло с выдержкой и терпением любимого.

Если бы не он, она бы орала и плакала, скандалила на голодный желудок. А так и до обморока недалеко. Теперь у неё хватит сил в словесной перепалке доказать: женская логика создана, чтоб поломать мужскую психику!

— Элен, вы хотели поговорить?

— Да, мой господин.

— Я слушаю вас.

— Можно ли говорить там, где нас никто не услышит.

— Прошу.

Элен снова влетела в бешенство. Как её мучило это чванство с "выканьем".

То есть позёрство в общении это важнее, чем оставить мать и дитя вместе?

Слуги затворили за господами двери, как только они вошли в небольшую узкую комнату. Элен оказалась в переговорной.

Раньше она тут не бывала. Строгая, обшитая тёмно-зелёным бархатом комната. Чёрный стол, массивные кресла. Окно до потолка, камин напротив. Всё такое тяжёлое, солидное. И запах... Дорогой, незнакомый и очень мужской, особенный. Смесь сигарет, кофе, мускатного ореха.

Столик сбоку, заставленный разными графинами и бутылками. Серебряные и хрустальные фужеры.

Алонсо сидел, расслабленно сложив руки и терпеливо ждал, когда Элен соберётся с мыслями.

Девушка присела в кресло чуть поодаль, лицом к нему. Щёки вспыхнули, сама побледнела, дыхание стало сбивчивым.

— Я узнала, что когда ребёнку исполняется семь лет, его отбирают у матери.

Это так?

— Да.

— Почему?

— Потому, что женщина не может воспитать мужчину.

В семь лет он попадёт в школу воинов.

— Но зачем?

— Там из него сделают искусного воина, беспощадного командира и бесстрашного

мужчину.

— Почему он не может видиться с собственной матерью в это время, Алонсо?

— Достаточно первых семи лет для общения с женщиной. Затем школа выживания.

— Мне не нужна такая школа для моего сына.

— Кто тебя спрашивает, Элен? Ты снова за своё?!

— Почему ребёнок, посещая школу не может хоть раз в неделю видиться с матерью?

— Потому, что у него не должно быть жалости и сострадания в сердце. Из него будут растить правителя.

— Это не про моего мальчика. Волка — дикого, кровожадного, можешь найти себе в лесу. Кстати, даже у волчиц не отбирают детей.

— Замолчи, Элен. Есть правила, изволь подчиниться.

— И не подумаю участвовать в вашем мракобесии.

— Элен, этот разговор лучше завершить сейчас. Ты перегибаешь палку. У нас впереди океан времени.

— Мне не переплыть в картонной лодочке через твой океан проблем.

Алонсо свирепел на глазах, Элен это не трогало.

— Алонсо, я не отдам сына никуда, если не буду видиться с ним хотя бы день в неделю.

Он молчал, наливаясь яростью, всё ниже прижимал подбородок к груди, тихо рычал.

— Ты знаешь, что такое расти без матери, Алонсо? А я знаю. И такого горя никому не пожелаю.

— Элен! — Алонсо хрипел, еле сдерживаясь:

— Да, я знаю. Именно так я и вырос. Без неё. И стал тем, кто я есть.

Злость взорвалась в нём. Чешуи частоколом полезли со лба. На бицепсах трещал лён рубахи. Раскалённым лезвием шип раскроил камзол. Казалось, сейчас он размажет Элен по стене, в бешенстве ударит её.

— Никогда, слышишь, Элен. Никогда не лезь в дела моего сына.

В нём бушевала беспощадная, звериная сила. Элен смело смотрела ему в лицо.

— Опустит глаза, опусти, иначе тебе несдобровать!

В этот момент она испугалась, сообразила, что это реальная опасность. Наклонила голову и приняла решение:

Она не смирилась с расставанием, что грозит ей и ребёнку.

Он нависал над ней, от его рыка её потряхивало. Его непримиримость выжгла её силы, Элен опустилась в кресло, потёрла виски.

Алонсо резко наполнил фужер, осушил одним глотком, швырнул его в окно.

Звон тысячи осколков ливнем обрушился в зал. Рассыпался мириадами стеклянных брызг, закрыв рваными, ощерившимися остриями пол, мебель, подол её платья.

Он рычал в миллиметре от её лица:

— Скажи, что смирилась. Признай, правда на моей стороне!

— Не скажу. Даже драконам не вся правда по зубам.

Элен на негнущихся ногах шла к себе. Из головы не выходил его жестокий, огненный взгляд. Один раз она его уже видела. Когда он послал Руфину на смерть.

Ну что ж. В данный момент Алонсо для неё не друг и не враг. Сейчас он — обстоятельство, вынудившее принять решение.

И оно принято: бежать!

Элен вошла к себе, оперлась лбом в холодное стекло окна, вздохнула. Теперь каждая мысль была посвящена одной единственной цели: добраться до утёса, надеть парашют и прыгнуть.

Там, внизу пропасть около тысячи метров глубиной. Возможно, там другая страна, или фиг знает что там. Зато никто не помешает быть с ребёнком всегда. Вот туда и полетим — Элен поглаживала живот, ходила взад-вперёд по комнате.

Надо было усыпить всеобщую бдительность. Элен к вечеру сообщила Тильде, что устала, хочет спать. Служанка мгновенно уложила госпожу в постель, притушила свечи, заполнила камин дровами и ушла.

Элен помнила, в девять вечера меняется стража. Заступивший охранник понятия не имеет, кто в комнате. Значит, Элен прикинется служанкой и проскользнёт наружу!

Так и сделала. Дождалась нужного часа. Достала лосины и ботинки, что так бережно хранила. Натянула всё это. Выудила сменную одежду Тильды, надела её чепец.

Собрала постельное белье с кровати. Сделав вид, что несёт его в прачку, осторожно вышла из комнаты. Проходя мимо стражника уткнулась лицом в простыни.

Минуя поворот за поворотом, вышла на задний двор. Стража не обращала внимания на зазевавшуюся служанку, так поздно закончившую работу.

Элен кралась вдоль городской стены, пытаясь слиться с тенью. Вспоминала, где стража бросает коней.

Сами стражники галдели в каморке поодаль. Оттуда неслись звуки губной гармошки, женский визг.

В ночной тишине вездесущие цикады издавали невероятный треск. Кони фыркали, водили ушами, дергались, реагируя на далёкий волчий вой.

Волки. Об этом Элен не подумала. Слышала, что развелось их великое множество. Ой, и что теперь. Ну и пусть. Прорвёмся!

Девушка потянула ближайшего коня за поводья. Животное послушно шло за ней, в мягкой траве его шагов не было слышно.

Отойдя подалее, Элен взобралась в седло, ударила пятками и понеслась. Конь то и дело попадал копытами в глубокие изрытые колеи.

Наезженная дорога, размытая последними дождями, чвакала под его ногами. Конь фыркал, пригибал голову, Элен с непривычки прижималась к его шее.

Зрительная память у девушки была отличная. Она узнавала местность по которой направляла коня. Назад боялась оглянуться, казалось, за ней погоня и вот вот её схватят.

Время потеряло счёт. Она просто мчалась. Слева показались огни лагеря драгов. Элен взяла правее, прижимаясь к самой кромке леса, стараясь быть незамеченной.

Мысленно подгоняла коня: быстрее, быстрее. Впрочем, он и сам нёсся быстрее ветра, подгоняемый волчьим воем. Вдруг вой раздался очень близко. Конь метнулся, ворвался в

лес.

Деревья стонали от ветра, надломлено трещали верхушками. Вой, наводивший ужас пробирающий до самых костей, был почти за спиной.

Он заставлял жаться к коню, в голове одна мысль— бежать, спрятаться от кого-то безумно страшного. От того, кто живьём разорвёт на части, в клочья.

Сначала конь удивительно точно находил тропку, нёсся через лес, обходя буреломы.

Уже был виден просвет, Элен шептала: "Давай, родимый, поднажми"!

Однако конь заартачился, встал и не двигался.

Элен соскочила и что было духу понеслась к утёсу. Он был перед ней, вот он, рукой подать. Мокрая трава скользила, платье путалось.

Она хваталась руками, вхолостую перебирала ногами на мокром склоне, подгоняемая жутью, карабкалась. Слышала сзади возню волков, схвативших коня. Они отстали, занятые добычей.

Добравшись до места, схватила рюкзак. Ух, какой он тяжёлый, она и забыла сколько он весит. Торопилась, не могла попасть в лямки, нащупать карабины.

Лихорадочно дыша, оглянулась: черные спины зверей, как пунктиры уже струились у подножия, сверкая жёлтыми огнями глаз. Волки настигали её. Оглушила мысль: "Не успею, конец."

В панике все звуки слились, смешались. Ей вообще показалось, что она оглохла, слышала только собственное сердце.

В следующий миг не сразу поняла, что случилось. Огненный смерч пронёсся по склону, резкая вонь палёной шерсти и тишина.

Алонсо. Он обернулся, кинулся к ней.

— Остановись! — она вытянула руку ладонью вперёд, — Остановись там, где стоишь, до края ближе, чем до тебя, Алонсо. Мне больше некуда бежать.

Элен подошла к самой кромке обрыва, заглянула вниз. Чем дальше она смотрела туда, тем бездна становилась шире. Воронка ветра затягивала, чернота гипнотизировала. Лишь далёкое узкое лезвие реки поблёскивало внизу.

— Элен! Что ты делаешь, успокойся. Я здесь, иди ко мне.

— Не подходи. Я сделала свой выбор. Мне без ребёнка не жить. Я его никому не отдам.

— Мы можем всё решить.

— В твоём кабинете я этого не почувствовала.

Он двинулся к ней.

— Алонсо, у меня за спиной крылья. На них я прилетела сюда, на них и улечу.

— Подожди, давай поговорим. У нас есть время. Ведь это и мой сын тоже.

Алонсо не хотел спугнуть Элен, спровоцировать на необдуманный шаг, пытался убедить девушку в своей правоте:

— Ты не умеешь воспитывать сына дракона, Элен. Мальчик может унаследовать дар изрыгать огонь. Что ты будешь делать, когда он сожжёт твоё жилище, устроит пожар? Или когда чешуя ползет со лба? Вдруг он это унаследует?

— Делай свой выбор, Алонсо. Мой ребёнок будет со мной всегда.

— Мы решим этот вопрос. А сейчас спускайся.

— Прощай.

Она набрала полную грудь воздуха, повернулась к обрыву. Элен стояла на краю земли. Ей было незачем больше слушать его.

Ветер рвал на девушке одежду, она перестала чувствовать его порывы. Раскинула руки как крылья, закрыла глаза.

Конечно, Алонсо схватил её раньше той последней секунды.

— Я с вами. Элен. Я сделал свой выбор, я с вами.

Он оттащил её от опасной кромки, снял со спины тяжёлую ношу, спрятал на груди хрупкую фигурку, заслонив собою от бед, ей грозящих.

— Верь мне, Элен. Я всегда с тобой. Буду с тобою рядом.

Бережно убирал волосы, с её мокрого личика, гладил, обнимал всё крепче, шептал:

— Я тебя никому не дам в обиду. Просто верь мне.

Стелла нервно ходила по комнате. Похудевшая, невыспавшаяся, вечно раздражённая, комкала всё, что попадало ей под руку.

Её испепеляла злоба на Элен. Обозлённая женщина не могла простить своей вражине историю с покаянием!

Как могло такое случиться, что она, паршивая белобрысая выскочка, вынудила Стеллу признаться! При всех рассказать про прослушку в библиотеке.

"Ну погоди, белобрысое ничтожество. Теперь тебе точно конец!"

У Стеллы давно засел план в голове привлечь помощницу в свою коварную западню. Армисию.

А что? Она туповата, исполнительна. Главное, всё ещё не остыла от обиды на Алонсо и злопыхает ненавистью к Элен.

Раздумывая, Стелла мерила и мерила комнату шагами. Взгляд её упал на серебристый вазон с белыми розами. Плотные бутоны блистали свежестью, матовыми переливами белого алебастра, напоминали ей о скорой свадьбе Элен.

В ярости Стелла подлетела к цветам, запустила руки в пиршество белизны и стала раздирать, рвать на части изящные бутоны.

Перед глазами ополоумевшей женщины рисовалась фата будущей невесты. Она прям воочию видела счастливое лицо Элен, поднимающуюся по ступеням замка в свадебном наряде.

Стелла рычала, колола в кровь пальцы, не замечала крови, густо капающей на убитые ею цветы. Распаляя себя всё больше, рисовала в воображении, как блондинистая фигурка в фате машет ручкой с балкона, приветствуя подданных. Как сверкают бриллианты в её диадеме, как ветер развивает свадебную вуаль.

— Нет! — крик Стеллы разнёсся по коридорам её дворца:

— Не бывать этому!

Она в бешенстве переворачивала всё, что попадало ей под руку, даже звук битого зеркала не успокоил её.

Сначала Стелла схватила перо, бумагу. Хотела написать Армисии приглашение к себе в гости. Потом передумала, нетерпение разрывало её, она не могла усидеть на месте.

Велела запрягать карету, служанка спешно собирала дорожную сумку. Стелла решила, что сама поедет к опальной любовнице. Да! Глуповатая Армисия будет отличным оружием в арсенале Стеллы.

Она металась, под руку ей попала служанка.

— Чего возишься, кобыла! — с маху залепила несчастной девушке пощёчину, понеслась по коридору.

Как только дворецкий услышал команду "запрягать", сразу отправил посыльного к хозяину с докладом. Лорд Грейс строго настроено велел не спускать глаз с жены. Ей запрещено было выходить из дома. Да кто ж её остановит.

Чёрной вороной пролетела Стелла мимо дворецкого в сопровождении служанки. По ней было видно, она задумала очередную пакость.

Горящие безумием глаза на лице женщины, побледневшие щёки, заострившиеся скулы — от такой фурии хорошего не жди.

Дворецкий поймал новенькую служанку за локоть: "куда поедете?". Та недоумённо развела руками. На лице девушки багровым пятном расплывалась свежая пощёчина. "Ясно, эта тоже скоро сбежит", — дворецкий проводил глазами умчавшуюся карету.

Женщина, сидя внутри изводила себя ненавистью. Планы— жестокие, коварные, щемили ей сердце. Результат мести ей нужен был сейчас, немедленно.

Завтра, Стелла знала точно, придет комиссия врачей обследовать её на предмет душевного здоровья, подорванного алкоголем.

Тоже мне, знахари. А впрочем, идут они лесом. Плевать.

И, кстати, Грейсу лучше отменить эту комиссию и рот держать на замке. Иначе она ему покажет! Ишь ты. С каких это пор он стал давать ей распоряжения! Решил ограничить её свободу. Прямо сейчас! Пусть о своей задумается.

И вообще. Завтра будет завтра. А сегодня надо успеть разделаться с Элен.

Подъезжая к небольшому замку, больше похожему на монастырь, Стелла обрадовалась. Чем хуже условия проживания бывшей любовницы брата, тем проще будет с ней справиться.

А вид у замка — дыра-дырой. Мрачно, серо. Коровы, козы вразброд, фу...

На пороге нежданную гостью никто не встретил. Собственно, подставить скамеечку, чтоб госпожа вышла из кареты тоже никого не нашлось.

Стелла выбралась сама, кучер сидел истуканом.

— Спишь, урод?! — она замахнулась тростью, но, напорвшись на его взгляд, быстренько опустила руку.

Мужчина равнодушно смотрел на обозлённое лицо хозяйки, не шевельнулся. Здоровый, крепкий и ...наглый. Было в его взгляде что-то такое — Стелла попятилась.

— Девка где? — она имела ввиду служанку, что должна была её сопровождать.

Кучер молча пожёвывал соломинку, нехотя процедил сквозь зубы:

— Сбежала.

Конечно, он не добавил, что сам надоумил девушку уносить ноги.

— Жди! — велела Стелла, повернувшись спиной к кучеру, услышала негромкое:

— Да чтоб тебя...

Сделала вид, что не слышала, отправилась ко входу в замок.

Никто не встречал её. От слова совсем. Нет, не подумайте, кругом были люди. Но им было глубоко плевать на подъехавшую тётку. Облокотясь спиной, в дверном проёме стояла плохо одетая девушка, щелкала семечки и строила глазки парню в соломенной шляпе. Она даже не посторонилась, когда Стелла протискивалась в дверь.

Мало того, Стелла чуть не вскрикнула, когда за первым поворотом тёмного коридора чуть не наступила на собаку. Большущая кудлатая тварь равнодушно смотрела на гостью, а Стелла боялась двинуться.

Наконец, решила полыхнуть пламенем. Животное почуяло опасность и убралось.

— Ну, Армиссия и вправду дура, что так распустила слуг и скот. Ничего. Тем проще будет справиться с ней самой.

"Ну и тьму-таракань подготовил братец для своей бывшей..", думала Стелла, пробираясь по неприветливому коридору. Пустой, холодный он вёл бесконечными лабиринтами неизвестно куда.

Женщина морщила нос, не понимая, что за запах, чем пахнет. Или затхлостью, или сыростью. Мало того, что она долго ехала, устала, голодная, так ещё и бродит в одиночку.

Перед Стеллой открылась лестница на второй этаж. На ней было столько пыли, вряд ли туда кто-то поднимался. Впрочем, где хозяева?

— Армисия! — голос одиноко повис в безмолвном коридоре, эхом умчался в воронку высокого купола над лестницей.

Стелла продолжала бродить, тыкаться в двери, пока не вышла во внутренний дворик.

Грустная картина открылась её взору. Армисия сидела в тени чахлого деревца и меланхолично кидала стилет в корзину с яйцами.

И, между прочим, у неё отлично получалось. В корзине было хрупко-колотое месиво из жёлто-белой жижи. Этьена, служанка Армисии, недовольной собачкой бегала между хозяйкой и яичной мишенью, подавая мелькавший туду-сюда перепачканный нож.

"Вот и замечательно, решила Стелла, одной проблемой меньше. Эта вялая курица владеет ножом, значит прихваченный арбалет не понадобится!"

Стелла напустила на себя самое радужное выражение лица, распахнула объятия и лебедем выплыла навстречу к Армисии.

— Вот ты где, самая красивая женщина драконьих земель!

Армисия подскочила от неожиданности, Этьена спряталась за свою госпожу, забыв нож в корзине.

Армисия, прищурившись, вспоминала кто перед ней, не верила своим глазам. От растерянности забыла присесть в реверансе. Так и стояла с открытым ртом, во все глаза глядя на Стеллу.

— Вы, госпожа. Я так рада, я...

— О! Армисия, какие церемонии, я тебе не госпожа, а лучшая подруга!

Стелла критически смотрела на подурневшую Армисию.

Девушка неприятно изменилась. Она была не прибрана, волосы собраны в обычную косу, да и ту давно не расчёсывали. Чуть расплывшееся лицо — может от слёз, а может от постоянного сна, постепенно забирающего себе уходящее время бывшей красотки.

Армисия растерялась, бестолково крутилась на месте, хватала воздух ртом. Стелла нежно обняла девушку. Та безвольным мякишем никак не проявилась. Так и стояла, опустив руки и недоумённо хлопая глазами.

— Пойдём, пойдём, красивая негодница! — Стелла потянула её за собой, сама поразила собственным талантам в изошрённой лести.

— Ну, богиня красоты, пойдём же, угости меня чаем! — о, Стелла умела очаровывать, когда это было ей на руку.

Она была сама очаровательная любезность. Широко распахнутые глаза струились нежностью к собеседнику, располагали к доверию, околдовывали надеждой.

Вот и сейчас, Армисия, как мышь перед удавом, безвольно последовала за Стеллой.

Наконец и Этьена очухалась, отправилась готовить чай.

Женщины вошли в более чем скромный зал.

— Вели слугам растопить камин и приготовить нам обед, — Стелла никак не могла найти, куда бы ей присесть.

— Сейчас Этьена растопит. Да где же она. Наверное пошла за чаем.

— Кроме Этьены где остальные?

— Да и нет никого.

Их не дозовешься. Не хотят ничего делать.

У Стеллы от удивления брови полезли наверх.

Неспеша вошла Этьена, неся одно полено для камина.

Мат, который разорвал воздух, чуть не сшиб служанку с ног. Она в мгновение ока бросилась звать остальных слуг.

Обалдевшие от неожиданного приглашения на пороге оказались несколько человек вместе с Этьеной.

То, что они слышали, было самым ярким, образным и понятным пояснением, что с ними будет через минуту, если на столе не будет еды, в камине огня и подобострастиях на их рожах.

Мат оказался совершенным оружием в руках профессионала. По девизом" сожгу всех нахрен" все опрометью кинулись исполнять поручение.

Стелла повернулась к обалдевшей Армисии.

— Ну не расстраивайся, Армисичка, всё будет хорошо. Я с тобой.

Расскажи, как живёшь. О чём думаешь?

— Я думаю только об Алонсо. Он был вся моя жизнь.

Строго говоря, Армисия не лукавила. С момента, как её выставили из замка, она уже и не замечала где она, что ест, как спит. Все её мысли занимало прошлое.

Она перебирала в памяти богато сервированный стол, свой гардероб. Шёлковые простыни на кровати.

Алонсо никогда не обращал на неё особого внимания. Да ей и не надо. Лишь бы быть у него под рукой, вкусно есть, сладко спать.

Алонсо по-началу обещал ей другое, цветущее имение. Но после ябеды проклятой Тильды, выгнал её сюда, в нищенское убожище. Это таким тяжёлым камнем обиды придавило ей сердце!

От этих мыслей у Армисии всё помертвело в груди, она безучастно села в кресло возле Стеллы:

— А всё из-за этой гадюки белобрысой! Не-на-ви-жу!

Стелла наблюдала со стороны за потухшим лицом Армисии, поняла, что приехала как раз вовремя!

— Армисия, ты такая красивая. Ведь это не справедливо, что твоё место заняла другая?

Стелла участливо заглядывала в глаза рыженькой девушке.

Армисия подняла глаза полные слёз навстречу демонической силе, исходящей от Стеллы.

— Ты представляешь, он сейчас ласкает её, а не тебя?

"Ну, если как меня, то за этим я как раз не скучаю", подумала Армисия, ничего не ответив. Стелла считала по её выражения лица, что промазала. Тут же спела другой куплет.

— Она, эта белобрысая тварь, сейчас хозяйка в замке. Она, не ты.

— Не надо беречь мне душу. Это так больно! — Армисия уткнулась в ладошки,

расплакалась.

— Вот ты глупышка. Мы все в нашей семье хотим, чтоб ты вернулась.

— Правда?

— Ну, конечно! А ты как думала. Ты в сто раз красивее той бледной поганки. Мы только и ждём тебя, чтоб принять в свой клан. Я даже заказала для тебя диадему с изумрудами. Представляешь, как она будет сверкать в твоих огненных волосах.

— Но ведь это невозможно. Он выбрал её...

— Перевыберет. Конечно, возможно.

— Но что для этого надо сделать?

— О! Пустяк. Убить белую.

Армисия чуть не потеряла сознание от страха, услышав заявление Стеллы. " Убить Элен?"

Как раз в это время перепуганные слуги внесли обед. Боясь поднять глаза на Стеллу, пятились задом, непрерывно кланяясь.

Этьена стояла, зажав поднос в руках.

— Ну, чего встала? Пошла вон, уродка. И дверь закрой! — Стелла не успела договорить, как Этьена с резвостью горной козы исчезла.

Служанка справедливо полагала, что от этой тётеньки ничего хорошего ждать не стоит.

Как только слуги скрылись, Стелла наклонилась к уху Армисии:

— Наш клан уже всё решил. Мы хотим тебя видеть владычицей земель Алонсо. И твой сын станет королём.

Армисия сидела очарованная словами, всё больше и больше попадала под гипноз подстрекательницы.

— Но как...? — она в недоумении подняла глаза на свою "спасительницу".

— О, всё проще, чем ты думаешь. Я видела, ты ножичек мастерски кидаешь. Бросишь нож в сердце Элен и ты, не она, королева!

Армисия посмотрела на свои руки. Недоверчиво перевела взгляд на Стеллу.

— Что ты думаешь? А ничего не делая ничего и не добьёшься. В истории королевских семей так всё и происходит.

Армисия сидела молча. Ну да, историк вроде что-то такое говорил. Но она была плохая ученица, и не вспомнить, что именно он рассказывал.

"Так, так. Пассивность рыжей идиотки не способствует продвижению диалога", Стеллу это начинало подбешивать. Ей хотелось выпустить когти и полоснуть по рыжей роже!

— Армисия! — Стелла повелительно рыкнула, пытаясь вывести рыженькую дурочку из ступора,

— Ты собираешься надеть свадебную фату и стать единственной владычицей в замке?

Армисия неуверенно кивнула.

— Смелее, ваше величество! — Стелла бухнулась на колени перед рыжей.(Большой театр в полном составе аплодировал бы стоя).

— А что, если меня поймают?

— Как ты могла подумать такое? Я твой гарант и защита, — Стелла горячо зашептала, оглядываясь на дверь.

— Переоденься в одежду служанки, возьми вещь Этьены. Пробрёшься в замок, на служанку никто не обратит внимания. Бросишь нож в Элен, рядом брось вещь Этьены. Её и повесят потом.

Я буду ждать тебя в условленном месте и после сразу привезу тебя сюда.

А на завтра прибудет официальный гонец с приглашением вернуться к Алонсо.

— А вдруг Алонсо не захочет меня видеть?

— А ему деваться некуда. Надо, чтоб ты забеременела в течении месяца. Иначе не успеет родить наследника.

— А вдруг он не любит меня?

— Вот и отлично. Меньше приставать будет. Клан заставит его жениться, никуда не

денется.

— Я так надеялась на его любовь... — мямлила Армисия.

Стелла уже теряла терпение:

— На черта тебе его любовь. От мужика нужны только деньги! Де-неж-ки!

Ну, поехали!

— Что, сейчас?

— Почему нет? Или ты решила дожидаться свадьбы?

— Нет, но...

— Никаких но! Давай, собирайся быстрее. Не забудь прихватить вещь Этьены.

Армисия проворно запихала верхнее платье Этьены в мешок, стянула её браслетик из шкатулки. Эту памятную вещицу от кого-то там Этьена всем показывала, хвасталась, надевала по торжественным случаям. Кажется, всё. Ах, да, нож! Сама сбегала за ним. Он так и торчал из корзины.

Стелла и Армисия незамеченными выбрались из замка, сели в карету и уехали. Слуги прятались подальше, в другой части замка, чтоб быть подальше от господ, поэтому, услышав звук удаляющейся кареты, обрадовались.

К замку Алонсо заговорщицы подъехали уже к вечеру. Приятные тёплые сумерки плавно собирались в небе сиреновой дымкой, всё ещё не решаясь спуститься на землю.

Стелла высадила Армисию недалеко, так, что никто не заметил её собственную карету. Рыжей злодейке надо было пройти полем, пробраться в замок через прачечную. Всё сделать и вернуться сюда же, к карете.

Как только Армисия исчезла из виду, Стелла дала команду кучеру и сама постаралась как можно быстрее убраться подальше отсюда.

Армисия исколола себе все ноги, пробираясь через заросшее поле. Обошла замок со стороны сада, здесь подойти было проще всего, она тут знала каждый закуток. Изучила, когда подглядывала за прежними любовницами Алонсо.

Девушка сильно побаивалась вступить в коридоры замка, переживала, что может быть узнанной.

На её счастье, всё случилось много лучше, чем она могла надеяться. Армисия услышала голос Элен в саду, в замке появляться не надо.

Прячась и оглядываясь, Армисия, выслеживая свою добычу, превратилась в осторожную рысь. Удивительно, на что способен человек, когда им руководит личная выгода.

Двигаясь бесшумно, сливаясь тенью с каждым деревом, она всё ближе подбиралась к весёлым голосам. Эти два голоса ей были знакомы: Элен и Тильда.

Армисия видела их мелькающие платья, расплзающиеся сумерки играли ей на руку, она почти слилась с серыми тенями.

Понимала, раз эти две тут, значит где-то охрана. Того хуже, Сеул!

Убийца осторожно осматривала территорию вокруг, не видела опасности для себя. Выбрала позицию, чтоб клинку не помешала листва, дождалась момента, задержала дыхание — бросок!

В этот самый момент, невероятным образом Тильда толкнула Элен и...рухнула, как подкошенная.

Армисия со всех ног бросилась бежать. Просто стелилась по земле, в ужасе осознав, что натворила. Она промазала!

Откуда взялась эта Тильда?! В ушах стоял крик Элен, Армисии казалось, за ней несётся

охрана, но оглянуться не было ни сил, ни времени. Армисия уже миновала сад, оградительную стену. Перед ней было чистое поле. Там, где-то на краю, её ждёт Стелла.

Армисия мчалась, чувствуя, что спаслась. За ней никто не бежит, не догоняет. Странно. Она уже добралась до края поля.

Растрёпаная, растерянная искала глазами карету Стеллы и не находила её. Ничего не понимала. Спрятать карету с лошадьми в лесу невозможно, да и зачем? Армисия озиралась, искала глазами, вертелась на месте, всё гнала от себя мысль, что кареты нет.

Как же быть? Решила пешком возвращаться к себе. Ночью, через лес? Она содрогнулась от одной мысли. Тут и днём нельзя ходить, волки подбирались к самым стенам жилищ, не боялись людей. Но не в поле же ей оставаться...

Армисия всё шла вдоль леса, боясь приблизиться к нему. Вздрагивала от каждого хруста, шороха, ей всё казалось, что оттуда за ней следят жёлтые глаза.

Шум, который настиг её, не оставлял сомнений. Её вычислили. Она замерла, подняв голову. Огромный чёрный грифон чёрными крыльями закрывал небо. Сеул.

Элен снился сон. Будто ночью она оказалась в коридоре. Слева стена и там дверь. Между дверью и Элен на стене висит огромное, в пол зеркало.

Позади девушки окно и оттуда льётся призрачный, мерцающий голубой свет. Серебряная дорожка из окна стелется к самой двери, она приоткрыта, зияет чёрной щелью и там кто-то есть.

Девушке надо пройти и закрыть дверь, но страх, ужас приковал её к полу. Промедление грозит смертью.

Неожиданно из зеркала выползает сизый туман и стелется густым, молочным облаком по полу. Из него вырастает большая белая собака и смотрит на Элен, не спуская с неё глаз.

Собака встала между злом за приоткрытой дверью и Элен. На душе сразу стало легко и Элен проснулась.

Не сразу стряхнув сон, услышало тихое мурчание, как будто огромный сытый кот мурлычет свою песенку.

Алонсо нежно касался ухом живота и тихо, по-кошачьи порывивыл.

— Приветик, ты чего? - она ласково гладила его волосы, пугаясь в шёлковых кудрях.

— Тс-с-с... я слушаю сердечко сына.

— Он же совсем маленький, что там можно услышать? — тоже шёпотом спросила Элен.

— Там тук, тук, тук, — наклонился к её лицу, прошептал в самые губы:

— обещаю, соберёшься снова полетать, полетим вместе.

Элен расслабленно смотрела ему в лицо, не хотелось думать, говорить, а хотелось только чувствовать.

А ещё, простите за выражение, хотелось жрать! Вот прям не тыкать вилочкой, кушая, а окунуться моськой в миску и лопать попкорн!

Элен решительно уселась на кровати.

— Что случилось? — Алонсо напрягся, отстранился. Она повернулась к нему:

— Я есть хочу.

Секунду он недоумевающе смотрел на неё, потом повалился в подушку, мелким бисером сотрясаясь от смеха.

— Откуда ты взялась?

— Оттуда! — Элен мотнула головой в сторону окна.

— Да, да, я видел, — он перестал смеяться,

— Так откуда всё же твои крылья?

— Так, не отвлекай меня. Я есть пошла.

Элен весело подскочила, взвизгнула от неожиданности, когда он поймал её. Весёлая возня в хваталки-догонялки затянулась, запуталась в шёлковых простынях. К завтраку они вышли нескоро.

Для Элен наступило то самое время, которое бывает у каждого человека. Когда вокруг царит безмятежье, лёгкость во всём, радость ниоткуда.

Элен отдыхала душой, телом. К столу подавалось всё, что только пожелает. Внешне она мало изменилась, просто исчезла талия.

Алонсо не выпускал её за порог, поэтому все гости приезжали к ним. Элен обзавелась

новыми приятельницами, леди Эстер и леди Дейзи стали завсегдатаями. Навезли кучу модных журналов и постоянно делали нервы портнихам, вываливая на них кучу идей.

Все принимали действенное участие в подготовке к грандиозному празднику, к её свадьбе.

Всё шло своим чередом, но Элен никак не могла отделаться от ночных впечатлений.

Сон тревожил её, не давал успокоиться. Странная, колючая тревога стягивала горло, мешала вздохнуть как следует. Что за дверь и почему так страшно было смотреть в черноту, зияющую оттуда. И собака...

К вечеру гости разъехались, Элен потянула Тильду в сад.

Служанка призналась, что у них с Сеулом было свидание! Девушка сначала зарделась, потом весело рассмеялась. Как всегда трещала без умолку, передавая все сплетни. Тильда говорила и говорила. Но не казалась такой беззаботной, как обычно. Оглядывалась с каким-то звериным чутьём, осматривалась и кружила вокруг Элен.

Вдруг она замолкла, насторожилась. Ей показалась сомнительной, немного неестественной тень у дерева. Она хотела позвать Сеула, но, мгновение!

Тильда со всех сил толкнула Элен. А потом сама упала как подкошенная. Элен не сразу поняла в чём дело. Сбитая с ног, поднимаясь, увидела лежащую на спине Тильду.

Белое как мел лицо девушки с настежь открытыми глазами навсегда врезалось в память. Тильда пыталась улыбнуться, что то сказать, изо рта вырывался хрип.

Только сейчас Элен заметила, что возле ключицы из плеча девушки торчит нож. Элен схватила, прижала голову служанки, стала звать на помощь.

Прыжками к ним нёсся Сеул. Сорвал свой короткий плащ, бережно уложил в него Тильду, обернулся грифоном и исчез, унося печальный груз под облака.

Охрана рассыпалась по саду, Элен сопроводили в замок. Она билась в истерике, кричала, плакала, требовала, чтоб её отвели к Тильде.

Марева пришла, молча налила настойку, заставила выпить.

— Элен, очнись, успокойся. Тильда жива. Она у знахаря.

— Кто, кто это сделал?

— Успокаивайся, моя кукушечка. Найдут кто сделал.

— Я должна была быть на её месте, я. Это из-за меня случилась.

— Не из-за тебя. Тильда скоро поправится. Всё хорошо.

К ночи прибыл Алонсо. Они уединились с Сеулом. Долго о чём-то говорили.

Элен сползла с кровати, отправилась в пустую комнату. Туда, где собиралась обустроить детскую. Там было так тихо, спокойно. Реально, Элен казалось, что это место силы.

Она бессильно опустилась на колени, и...стала молиться. Никогда раньше не делала этого, не умела, но сейчас молилась. Не за себя. За подругу, которая уже второй раз спасла ей жизнь.

Элен так горько плакала, что и не заметила, как вошёл Алонсо. Он, не обнаружив невесту в спальне, встревожился и только по тихому плачу нашёл, где она. Опустился позади неё на колени, обнял, спрятал у себя на груди.

Всё, завтра он лично этому положит конец.

Армисия, пробираясь вдоль леса, с ужасом подняла голову. Чёрные крылья грифона закрыли небо. Сеул.

Он был... Он был без капюшона. Перед ней стояла гора мышц, бычью шею венчал лысый череп исполосованный жуткими шрамами. Шея вся перевернута старыми следами от глубоких ожогов раскалёнными прутьями. Плечи испещрены розоватыми ямами-отметинами стрел с прошлых боёв. Такого страшного, изуродованного тела, вечно скрытого капюшона, Армисия себе и представить не могла.

Он стоял перед ней широко расставив ноги, не сводя глаз. Девушка похолодела от ужаса, закрыла лицо руками.

Сеул и сам боялся шевельнуться. Ярость, что кипела в нём, не давала возможности справиться с собственными силами. Он чувствовал, если дотронется до неё, убьёт одним движением.

Сеул молча, ничего не говоря, схватил её за волосы и потащил за собой. Армисия пыталась идти, но не могла встать. Ей не удавалось даже подняться на четвереньки, она болталась мешком.

Зажатая в его кулаке рыжая коса, приклеила её к нему, разливалась нестерпимой болью. В глазах то темнело, то она теряла сознание от боли и страха. Ноги, бёдра — всё было разодрано в кровь от волочения по колючей траве.

Сеул шёл, меньше всего думая о том, что она чувствует. Ей же вообще лучше было не знать, что чувствует он.

Он ещё не стряхнул с себя ощущения от невесомости тела Тильды. Не так он представлял себе первое объятие с любимой.

Перед глазами стояла картина, когда он влетел в знахарскую и бережно раскрыв плащ взглянул в бледное личико любимой. Казалось, она спит. Ящер осторожно раскрывал лепестки кружев на воротах Тильды, высвобождая рану.

Кинжал — лёгкий, инкрустированный драгоценными камнями торчал из худенького плечика девушки.

— Это хорошо, что ты не тронул его, Сеул. А то не донёс бы человечку, кровью изошла бы. — Ящер обернулся к могучему исполину, осёкся; таким растерянным и печальным он раньше его не видел.

— Иди, иди отсюда, Сеул — Ящер вытолкнул сопротивляющуюся машину для убийства из знахарской,

— Жить будет. Иди уже, ритуал провести мешаешь. Иди...

Выходя, Сеул уставился в небо. Странно, глаза так щипало, он раньше такого не чувствовал. Провёл ладонью по ним — мокро. Чудеса.

Мечь застлала разум. Он повёл носом. Замер. Обернулся в чёрные крылья, взмыл в вышину. Рыжую точку, мелькающую вдоль кромки леса, обнаружил сразу.

Знал кого искать, запах Армисии считал с кинжала, как только коснулся Тильды. Там, на лужайке.

К вечеру прибыл Алонсо, заперся с Сеулом в кабинете. Они долго говорили. Сеулу предоставилась возможность обстоятельно доложить обо всех происшествиях. Ну не мог он раньше выдвигать косвенные обвинения драконше.

Стелла находится под неприкосновенной защитой клана и обвинить её может только дракон. Теперь у Алонсо были в руках протоколы допросов стражи, кухарки.

Сомнений не осталось. Стелла готовит планомерное покушение за покушением на Элен. Конца этому не будет.

Алонсо отправил посыльных с поручением собрать всех членов клана завтра у себя. Особое распоряжение для Грейса: Стелла!

Сам отправился к невесте, а Сеул в дознавательную темницу к Армисии. Палач уже ждал его. Сегодня мастеру заплечных дел придётся повременить, своё дело он выполнит завтра. Сегодня от Армисии нужна правда.

С утра в замок доставили Этьену, дворецкого, кучера. Они ждали вызова на допрос. К замку стекались одна за другой кареты представителей семейств клана. Прибывших провожали в переговорную.

Стелла не понимала, чего они делают спозаранку у Алонсо. Впрочем, ей на всё наплевать. Драконша злилась на промах Армисии, ну ничего!

Она снова что-нибудь придумает. Есть у неё одна идея. Стелла поискала глазами фуршетный столик. Мартини бы сейчас было очень кстати. Она хлопнула в ладоши, собираясь вызвать официанта.

Опешила. У двери, лицом к ней стоял Сеул в своём страшном, пробирающем до костей чёрном капюшоне.

Внешне он был всё тем же, бетонно-непробиваемым громилой. Внутри у него сердце кровью обливалось, расколотое болью за Тильду. Он до утра стоял возле её кровати. Девушка металась в бреду, её сжигала высокая температура.

Сеул не отрываясь смотрел на Стеллу, та поторопилась отвернуться, плюхнулась на диван. Раздражённая, злая, просидела довольно долго, прежде чем двери переговорной распахнулись.

Мужчины вышли, выстроились полукругом. Стелла смотрела на них с недоумением. Грейс, Алонсо, отец... Лица такие отстранённые, чужие.

Противоположная дверь открылась. По одному заводили кучера, дворецкого, кухарку без рук. Они отвечали на вопросы комиссии. Постепенно распутывался страшный клубок злодеяний Стеллы.

Алонсо держался из последних сил, чтоб не броситься в рукопашную с драконшей. Глядел ей в лицо, видел ненасытную утробу алчности. Жадность и коварство сводной сестры требовали расплаты.

Не оставалось сомнений, это безумное существо насквозь пропитано желанием уничтожить его семью. Стелла никогда ни перед чем не остановится.

Стелла всё ещё на что-то надеялась. Она наблюдала за ситуацией, плела в голове варианты отмазок. Думала, что Грейс не расскажет про её проделки с печатями и документами в кабинете. Зря.

Он всё рассказал. Потерял должность начальника полиции, но сохранил свою честь и жизнь.

Стелла изменилась в лице, когда в комнату втащили Армисию. Девушка не стояла на ногах, сразу рухнула на пол, как только стражники выпустили её из рук.

Она замерла на полу зелёной кучей рваного тряпья. Рыжая копна некогда роскошных волос лохматой паклей покрывала голову, спрятав под собой лицо.

На вопрос кто её заставил совершить преступление, вытянула руку, указав на Стеллу.

Интриганка вскочила с дивана, попятилась. Вид измученной женщины, ещё вчера полной сил и надежд заставил вздрогнуть даже её бесчувственное сердце.

Армиссия покинула зал. Стелла оказалась лицом к лицу с тридцатью представителями клана.

— Стелла, ты приговариваешься к забвению.

Хор мужских голосов, произносящих заклятие обрушился ударами колокола. Воздух вибрировал, взвился вокруг Стеллы. Горячей росой полыхнул в лицо. Огненными сполохами рванул по складкам одежды.

Через секунду женщина исчезла.

Заклятие унесло её в другой мир. Туда где нет места перевоплощениям. Где навсегда будет стёрта её память о прежнем существовании. Её ждёт чужой мир низших драконов с их очень жёсткими драконьими законами.

Дни летели, обгоняя друг друга. Элен порхала от счастья. Послезавтра свадьба.

Платье, фата — всё было готово. Роскошная бриллиантовая диадема купалась в переливах драгоценных камней.

Тильда выздоравливала. Она уже двигалась, но рука была плотно прибинтована к телу, каждый шаг давался с трудом ослабевшей девушке.

Ей в помощь привели двух новеньких служанок. Тильда командовала ими как заправский сержант. Апартаменты блистали чистотой, цветы благоухали ароматами, стёкла светились хрустальной прозрачностью, а сами служанки не попадались под ноги господам. Тильда рулит!

С того самого момента, как исчезла угроза жизни, и Сеул принёс её на руках из знахарской в замок, тайна их симпатии сразу перестала быть секретом.

Конечно, никому и в голову не пришло бы судачить на эту тему. Вид Сеула никак не располагал к лирическим подколам. Да и Тильда — на редкость жизнерадостная, весёлая девчонка на эту тему не общалась.

Доверяла только Элен. Ну и Мареве, эта проныра знала всё и обо всех без доверительных смс.

Снисходительно окинув взглядом свою спасительницу, наблюдающую, как горничные чистят серебро, Элен отправилась к Мареве.

Они давненько не виделись, ей просто хотелось посидеть в компании хитро-мудрой старушечки. Подходя к покоям сводни, Элен расслышала голоса.

Неплотно прикрытая дверь плохо таила секрет тех, кто скрывался внутри. Не собираясь подслушивать, Элен всё же подслушала.

Голос Сеула негромко бубнил:

— Тильда сначала спорила, а потом сказала, что я прав и обиделась. Что делать?

— Иди и скажи, что больше так не будешь. — Марева говорила вполне серьёзно, спрятав улыбку.

— Как не буду? Быть правым?

— Что больше спорить не будешь.

Элен зажала рот ладошкой, чтоб не прыснуть и не спалиться, что подслушала.

Улепётывая от двери Маревы, с улыбкой думала, что даже такой огромный амбал и тот попался в капкан женской логики. Она, эта логика, как раз изобретена, чтоб сломалась мужская психика.

Элен весело шуршала юбками, неслась по коридорам, подставляя лицо лучикам, пробивающимся сквозь разноцветные витражи.

В ней было столько юного задора. Она была совсем девочкой, сумевшей сохранить очарование.

Сколько бурь пронеслось у неё над головой, а ей всё нипочём. Элен чувствовала себя такой счастливой, красивой, желанной.

Остановилась у большого зеркала, придирчиво осмотрела фигурку. Животика и не видно, а уж под складками свадебного платья и подавно не будет заметно плавную выпуклость.

Элен отправилась в центральную гостиную, собираясь отыскать Алонсо и поприставать

к нему с какойнибудь ерундой. Ей просто нужно было внимание, её с самого утра никто не обнимал.

Уже подойдя к самым дверям, распахнутым настежь, снова услышала разговор. Да что же это такое сегодня! Всюду она не вовремя. У окна за столиком напряжённо говорили двое: Алонсо и его отец, лорд Ванишгтон.

— Я говорил тебе, сын. Женись на рыжей. Она тупая, безвольная. Сидела бы мышкой где-то в деревне, родила и квохтала до поры над мальчишкой. И ни звука! А тут проблема на проблеме.

— Что снова не так? — Алонсо, по обыкновению уткнулся в газету, чтоб спрятаться от разговора с отцом.

— Зачем ты строишь военную академию в Северных землях?

— Я так решил.

— Но с чего вдруг?! Есть законы, принципы клана, нормы воспитания, наконец. Почему надо обязательно лезть поперёк?

Алонсо молчал, листая газету.

— Из-за белой столько народу уничтожено. Руфь, Армисия. Одну служанку повесили, другой отрубили руки. Шесть человек охраны казнены. Стелла.

— Это не из-за белой, папаша. А из-за твоей дочери. Вернее, из-за тебя.

— Что?!

— Неразборчивые связи в юности, приводят к разборкам в старости, так, кажется, говорят. Где мать Стеллы? Моя сводная сестра хоть раз видела свою мать? Если нет, кто же её вырастил таким чудовищем. Разве не ты?

Лорд Вашингтон вскочил, взмахнул руками, кинулся прочь. Увидел Элен, подлетел к ней, наклонился к самому лицу девушки, заглянул в глаза, прошипел страшным шёпотом:

— Я из-за тебя дочь потерял.

Внезапно возник Алонсо, оттеснил Элен плечом, закрыл собою:

— А ещё и сына не хочешь потерять, папаша, м-м-м...?

Лорд Ванишгтон резко дёрнулся, обошёл молодых людей, скрылся в коридорах. Элен испугалась.

Такой несправедливой, внезапной вспышки ярости она не ожидала:

— Алонсо...

Он не дал ей договорить:

— Уйди, Элен.

От обиды у неё слёзы сами катились по лицу. Почему так? Стоило ей обрадоваться, прибежать за обнимашками, как всё рухнуло из-за их разборок.

Алонсо стоял к ней спиной, засунув руки в карманы.

Элен не двигалась. Чувство справедливости лезло, пёрло из неё наружу, ей хотелось крикнуть, что Армисия сюда пришла её убивать, а не наоборот.

— Армисия...

— Армисию давно жрут черви! Зачем ты вспоминаешь о ней? — его слова прозвучали жестоко, зло, железными шарами прокатились по лаковому паркету.

— Я хотела...

— И я хочу положить конец этой говорильне. Виновные наказаны. Чего ты ещё хочешь?

— Почему вы обвиняете меня в этом?

— О, Элен, прекрати. Не мешай чушь с ересью. Причём здесь "обвиняете"?

— Алонсо, мне надоело воевать за право жить. Война это не моё. Я девочка!

Он молчал, не поворачиваясь к ней раскачивался с пятки на носок. В запале она брякнула:

— Почему было бы и вправду не послушаться папеньку.

— Наши с ним беседы не твоё дело.

Она не слушала его. Мозги подали в отставку, эмоции взяли верх, её понесло.

— Я думала, каждый сделал свой выбор. Там на утёсе.

— Мы каждый день делаем выбор.

— Я сделала свой. Я доверилась тебе.

Он повернулся к ней. Как будто только сейчас увидел, с кем разговаривает. Она стояла перед ним такая маленькая нежная, чистая.

— Каждый день я доказываю тебе, что ты не ошиблась.

Он обнял её, щекой вдавился в волосы. О, небеса. Он так давно не целовал её. С самого утра. Алонсо осушил её слёзы, гладил вздрагивающие плечики. Чувствовал, как колотится её сердце, как совсем рядом бьётся ещё одно. И нет никого, кого бы он обнял с такой любовью.

Элен отдыхала душой на его груди, ловя нежный жар его губ, думала, что на свете нет женщины счастливее её. А ещё о том — что послезавтра свадьба!

Наверное, на свете нет невест, что спят ночь перед свадьбой.

Конечно, самые продвинутые девчата отжигают ночь до утра на девичнике. Кто-то уезжает в свадебное путешествие.

Элен, скажем так, приехала в своё свадебное путешествие. Точнее прилетела. А ещё точнее впрыгнула с парашютом в свою брачную тусовку.

Ей тоже очень-очень хотелось девичника, созвать всех девчонок, воспеток из детдома. Повариху тётю Зину. Но...никто и никогда из прежней жизни не узнает о её свадьбе.

Под утро Элен вертелась, вздыхала, её распирало от избытка чувств.

Завтрак подали в её покои. Элен не могла сдвинуться с места, её со всех сторон осаждали служанки, мастерицы. Массаж, маникюр, причёска, макияж.

Вспоминая через много лет тот день, она плохо помнила детали. Впечатления смешались в сплошную феерию.

Охрана сопровождала её по коридорам замка. Она, роскошная, непередаваемо прекрасная, вышла к ступеням и солнечный блеск, обрушившийся на неё, вспыхнул сиянием. Платье сверкало, алмазы блистали, Элен светилась!

Она спустилась к карете, запряжённой шестёркой белых лошадей, пышно украшенной белыми розами. Слышала оглушительный гвалт ликующей толпы, отесняемой стражей.

Карета тронулась, конный отряд в алых одеждах сопровождал её к храму.

Величественные стены собора встретили её тишиной, значимость момента всё нарастала, Элен была в восхищении, счастлива.

То, о чём она так мечтала, свершилось.

На свадебной церемонии тысяча гостей, находясь в храме, украшенном белыми цветами, затаила дыхание. Встретила её абсолютной тишиной, сквозь воздух было слышно, как потрескивают свечи.

Алонсо ждал её у алтаря. Приближаясь, она видела только его. От избытка чувств девушка ничего не слышала, только видела лицо любимого.

Осторожно надела ему кольцо на палец, прижала ладошки к груди, согревая своё колечко у себя на сердце.

Алонсо наклонился, поцеловал её так нежно, как целуют воздух.

Внезапно тишина взорвалась аплодисментами, грянули трубы, громогласный парадный клич сотен стражников обрушился на присутствующих.

В замке их ждали, там всё было готово к празднику.

Как водится, на площади были накрыты столы с бесплатным угощением, вино лилось рекой. Большой отряд дозорных следил за порядком на улицах, успокаивал не в меру развеселившихся граждан.

Градус веселью добавил указ Алонсо: в честь знаменательного события каждой семье и каждому солдату выдана премия — монета. Знатная по тем временам деньжища, цена коровы.

Прибыв в замок молодожёны поднялись на центральный балкон. Элен такая красивая, счастливая, помахивала ручкой. Внизу ликовала бесчисленная толпа горожан.

Знатных гостей пригласили к столу. Все были в восхищении от изысков на столе, от царящей вокруг праздничной суеты. Многочисленные артисты давали представления на

каждом углу.

В саду разбили множество шатров с диванами и фуршетными столиками. Бесшумно сновали официанты.

Элен окружали стайки женщин, все пытались застолбить своё почтение. Хвалебными речами оставить след в памяти теперь такой влиятельной персоны. Элен отлично понимала, что львиная доля лести укутала злую зависть, ну так что ж. Удел богатых и счастливых тянуть за собой обоз зависти несчастливых людей.

Леди Эстер и леди Дейзи не отступали ни на шаг от Элен. Парировали двусмысленные вопросы, закрывали рот словоохотливым дамочкам, всячески оберегая уже подуставшую Элен.

Одна мадам, леди Винтер, особенно преследовала девушку своим вниманием. Все знали, леди Винтер до последнего момента пыталась пристроить свою дочь к кошельку Алонсо.

— Элен, у вас такая бледная кожа. Вы нездоровы или что то специально наносите на лицо, делая его таким? — леди Винтер состроила участливую гримасу.

— Она на ночь мажет лицо горячей ртутью. Прислать вам баночку? — надеясь, что подрезала злой язык язвительной тётке, сказала леди Дейзи.

Но нет. У леди Винтер был целый мешок заготовок, рот у неё не закрывался.

— Говорят, леди Элен, ваш муж лорд Алонсо строит новую военную академию для сына. Что вам не нравится в нашей знаменитой, устоявшейся старой академии?

— Видите ли, леди Винтер, я, в отличие от вас, не собираюсь сдать своего ребёнка в неизвестность.

Я своему сыну хочу лучшего.

— Прошу прощения, дамы, я вынужден похитить у Вас мою жену. — Алонсо недобро взглянул в глаза Элен, — Да, и чтоб внести ясность, сын леди Элен будет находиться вместе с другими мальчиками на общих основаниях.

Алонсо крепко сжал локоть жены и повёл её прочь от гостей.

— Сядь, Элен.

— Но я...

— Сядь! — он вспыхнул так внезапно, что Элен оторопела.

— Ты, женщина, с чего взяла, что можешь рассуждать о семейных делах с посторонними.

— Я... — Элен задохнулась от обиды, она вовсе ничего такого не имела ввиду.

— Ты будешь делать то, что я тебе скажу, велю или позволю. Ясно?

Элен напряглась, всё ещё не веря, что это он, милый, любимый, так разговаривает с ней в день свадьбы.

Она попыталась что-то сказать, сбитая с мысли его выпадом. Алонсо не дал ей шанса:

— Даже не думай начинать меня шантажировать своим выбором. Мы делали его вместе. Я о своём помню.

— Я... я не думаю, что кто-то подумает, что я командую в семье.

— Что снова в твоей голове? Кто что подумает, что за чушь. Мне надо до тебя достучаться. Я мужчина и я, ты слышишь, только я принимаю решения. Мне наплевать кто и что подумает. Здесь я хозяин!

Элен молча смотрела на него обиженными глазками, слёзы текли по её лицу, носик покраснел

Он подступил к ней вплотную, сказал в самые губы, почти касаясь их:

— Ты и сын моё счастье. Я защищаю вас своими возможностями и способностями.

Легко, нежно поцеловал жену, вытер её слёзы.

— Предлагаю вместе вернуться к гостям. И делаю я это именно для тебя. Мне, как видишь, не всё равно, что ты почувствуешь через минуту.

Элен взяла его под руку. Вышли в зал. Их тут же окружила стайка дам, конечно, леди Винтер была тут как тут:

— Леди Элен, вы расстроены?

Элен с придыханием, с небесно-безмятежной улыбкой уставилась ей в лицо, выдохнула:

— В отличии от вас, леди Винтер, в моих глазах слёзы счастья. Ведь именно мне повезло стать женой моего господина.

Элен счастливо смотрела в лицо мужа. Алонсо поднёс её пальчики к губам, долгим взглядом задержался на личике жены, и, откланявшись отправился к гостям.

За Элен он не переживал. Острый язык жены умел давать сдачу наотмашь. Теперь надо было переживать за леди Винтер и всех подобных.

Гуляния продолжались, свадьба гремела несколько дней. Солнце и Луна сошлись на мысли, что такого празднества оба светила ещё не видели.

Знали бы они что их ждёт, очень скоро.

То ли ещё будет на рождение королевича Северных Земель.

Мальчишечка народился золотой!

С первой минуты своего появления Бруно радовал всех и сам радовался жизни.

Спокойный, улыбочивый кареглазый малыш "переходящим вымпелом" передавался с рук на руки.

Это был отличный пример правящего меньшинства.

Марева по-бабушатски тетёшкала очаровательное создание с редкими волосёнками на круглой голове.

Тильда коршуном носилась вокруг да около, снайперски прицеливаясь к каждой пылинке.

Сеул в полуобморочном восторге смотрел на мальчика издалека, боясь приблизиться собственной слонячей фигурой к такому крошечному созданию.

Лорд Ванишгтон... Это была отдельная история. У него так и не наладились отношения с Элен. Он не мог простить ей своей дочери.

Стелла, пусть и дрянь от природы сейчас жила бы с ним рядом, если бы не разоблачения Элен. Он помнил об этом и скучал по дочке тем тоскливее, чем больше привязывался к внуку.

Как только Бруно оказывался у него на руках, лорда Ванишгтона начинала колотить мелкая дрожь: он боялся, что внучок заплачет.

Предпочитал смотреть на мальчика издалека. Конечно, скрывая истинный повод, всё чаще находил предлог появиться в гостях у Алонсо. Ему казалось, что это не по-мужски проявлять дедовские чувства. А сам млел в те мгновения, когда виделся с пацанёнком.

Алонсо души не чаял в сыне. Выгонял всех из комнаты, носил его на руках, внимательно вглядывался в его личико.

Обожал смотреть как спит его сын. Алонсо присаживался, упирался подбородком в кулаки, уперев их в бортик кровати и неподвижно смотрел не сводя глаз на сына. Не было мгновения лучше, чем когда Бруно просыпался. Тёплый, сонный, схмутив бровки смотрел на отца, потом ротик растягивался в улыбке, обнажая сахарную полосочку первого зуба.

Все готовились к празднику. В полгода лорд Алонсо должен вынести сына на балкон и представить будущего властителя северных земель собравшимся.

Алонсо перебирал, готовил множество вариантов для будущего Бруно. Была у него одна мысль... Но, об этом никто не должен знать. Пока не должен.

Элен, как и всякая молодая мама заморачивалась на пелёнках, детских коликах, сомнениях и материнских тревогах.

Для неё дни летели один за другим, она жила, дышала сыном.

До праздника надо было навестить тётушку Мирабэллу.

Элен не забыла о её настоящем приглашении. Не приехать было бы невежливо. Правда, Элен сомневалась, вспомнит ли тётя Мирабэлла о ней.

Сборы были недолгими, но, как всегда, обстоятельными от слова "абсолют". Алонсо рассчитывал всё наперёд, предусматривал все возможные форс мажоры. А уж путешествие Бруно всю подготовку помножило на два.

Обоз, конная стража, многочисленная прислуга, сопровождение Сеула — к чему такие сложности? Элен и не подумала задать этот вопрос мужу, тем более у неё на языке крутился

другой вопрос.

Ей прям не терпелось спросить, как Алонсо представлял себе расставание с сыном на пятнадцать лет, если сейчас не может дня без него прожить?

Через день пути прибыли ко дворцу тётушки Мирабэллы. Алонсо должен был ждать их на месте. Честно сказать, Элен думала, что пройдёт всё тихо, по семейному, как в прошлый раз.

Но та картина, что развернулась перед ней по приезду повергла её в шок.

Ряды карет ровными шеренгами припаркованы вдоль центральной аллеи. Лошадей не видно, значит они в стойлах и приехавшие сюда гости задержатся не на день. В чём дело, на какой праздник они попали?

Алонсо встретил их, провёл в отведённое крыло. Всем надо было отдохнуть.

Элен уложила сына в очаровательной комнате, оббитой персиковым шёлком. Окна выходили в старый сад, солнце путалось в зелени, осторожными зайками прыгало по лаковому паркету. Разморённая летним жаром тишина, остывая, повисла серневыми сумерками.

Двери распахнулись. Неожиданно на пороге появилась тётушка Мирабэлла. Элен бросилась к ней, как к родной, сама не ожидая от себя такого порыва.

Мирабэлла подошла к кровати. Бруно уже проснулся, по обыкновению засунул пальчик в рот. Сразу потянул к ней ручки, будто знал тётушку-драконшу сто лет.

Она удивительно ловко подхватила его на руки. Малыш заглядывал ей в лицо, касался щёк, упирался тёплым лбом в плечо, что то гулил. Она прижалась к нему щекой, погладила по голове. Долго раскачивалась, не сводя с ребёнка глаз.

Повернулась к Элен:

— Молодец! Мальчишка то удался! Жду вечером. С сыном.

Она вышла, Элен растеряно посмотрела ей в след. Зачем на вечерний приём к посторонним людям нести ребёнка.

Однако она в гостях и не ей устанавливать правила.

К назначенному времени, Элен в белом бальном платье, в украшениях из голубых бриллиантов в сопровождении Алонсо спустилась в зал.

На пороге забрала Бруно у Тильды, перед ними распахнулись двери. Они оказались в огромном зале заполненном гостями. При их появлении все замолкли.

Элен видела много знакомых лиц. Не понимала, что происходит. Оглянулась на мужа,

Алонсо по обыкновению был спокоен. Откуда Элен было знать, что это он всё спланировал, договорившись с тётёй.

Кстати, первоначально предложение поступило как раз от неё. Тётя Мирабэлла единственная имела статус, о котором знали в стране драконов. Элен была гостьей на этих землях. Понятия не имела о политических течениях и интригах бурными клубами kloкочущими под коврами власть имущих. Всё, что произошло дальше для неё было потрясением.

Бруно играл с колье, дёргая драгоценные камни на шее у матери, совершенно не реагируя на кучу народа.

Элен поглаживала сына по спинке, с удивлением наблюдая, как именно смотрят на них. Вот так она сама смотрела девочкой в экран телевизора, когда показывали парад. Разве можно передать эмоции? Вот и она сейчас была растеряна и ежесекундно посматривала на Алонсо.

Наступила тишина. Тётушка сидела в тронном кресле. С достоинством вдовствующей королевы встала, подошла к Элен.

Громко, чётко и ясно произнесла:

— Представляю всем собравшимся гордость нашего рода, моего единственного внука Бруно, сына моего единственного племянника лорда Алонсо. Присутствие Бруно делает честь всем нам.

Над залом разлилась пауза. В тишине было слышно, как потрескивают свечи, все напряжённо молчали, отдавая дань серьёзности момента, во все глаза глядя на малыша.

Бруно был занят важным делом, пытаясь засунуть в рот сверкающие капли бриллиантов с шеи матери.

— Хочу сделать подарок этому маленькому хватчику моего сердца. Собственно, ради этого Вас пригласили.

Тётушка Мирабэлла окинула взором присутствующих:

— Смотрите все, и не говорите потом, что Вы не видели. Слушайте все, и не говорите потом, что вы не слышали.

Она царственно повернула голову. Слуга открыл перед ней огромную кованную шкатулку. В звенящей тишине тётя Мирабелла достала тяжёлую золотую цепь с амулетом, размером с ладонь. Подошла к малышу. Тот улыбнулся ей, протянул ручки. Она надела ему цепь на шею. Конечно, её тяжесть пришлась на плечи Элен.

Тётя Мирабэлла повернулась к гостям:

— Приветствуйте! Перед Вами король северного государства Бруно де Норд.

Дамы присели в глубоком реверансе, мужчины склонили головы перед новым королём. Грянули трубы, Бруно поймал глазёнками лицо матери, от громких звуков вздрогнул, разревелся.

— Что происходит? — Элен была ошеломлена.

— Твой сын король собственного государства.

Алонсо взял орущего Бруно на руки, высоко поднял над головой. Бруно затих, ему очень нравилось в руках отца, да и вообще он редко плакал.

Мирабэлла подошла к ним, потрепала за щёчку улыбнувшегося Бруно:

— Бабушка тоже тебе рада, Ваше величество.

— У меня и для тебя кое-что есть, Элен. Потом, — подмигнула.

Всех пригласили к столу, Бруно отправился на руках Тильды в свои теперь уже королевские апартаменты. Элен и Алонсо присоединились к гостям.

Совсем поздно, под утро Мирабэлла поманила Элен за собой.

В будуаре, возле пылающего камина, в полутьме просыпающегося утра, тётушка, присев напротив Элен, выглядела загадочной.

— Что может подарить одна женщина другой?

— Тётя, то что вы сегодня сделали для Бруно неоценимо. Я перед вами в долгу. Хочу спросить, боюсь быть невежливой...

— Брось, говори.

— Разве властитель Северных земель и король в данном случае не одно и то же? — Элен поперхнулась от собственной дерзости, но она правда не понимала.

Тётушка расхохоталась, потом доверительно наклонилась к Элен, тихо спросила:

— Ты вправду жена дракона?

Затем стёрла улыбку с лица:

— У властителя есть начальник, он не самостоятельный. Бруно теперь полновластный хозяин королевства Норд. У него все права на эту землю и на всё, что там находится. Понимаешь?

Элен покачала головой.

— Элен, твой сын главнее чем твой муж в королевстве Норд. Не век же мальчику по папиной указке жить. Пусть растёт, самостоятельно дело делает.

— Чем я могу Вас одарить, я, право..

— Ты уже сделала мне подарок. Так долго я его ждала.

Тётя Мирабэлла погрузилась в мысли, помолчала, добавила:

— Я вдовствую. Моего любимого уничтожили Чёрные драконы. Это враги, война с ними длится вечно.

Но драконы сами не воюют. Сражаются их армии.

Алонсо отвоевал часть их земель. Теперь королевство Норд на границе с их землями.

Ты подарила мне возможность навешать пилюлей врагам, если сунутся. Бруно мой протеже. Его дети, он сам, его армия под моей защитой. Так что, Элен, пусть звучит грустно, но знай: даже когда тебя не станет, я позабочусь о твоих внуках, детях и правнуках.

На самом деле, что может подарить одна женщина другой?

Иногда такую малость...

Элен сидела оглушённая новостью: "Её сын король?!"

— Где вы были? Оба? — Элен с полоборота взвилась пружиной, подлетела к парочке, переминающейся с ноги на ногу.

— Отвечайте! И потом, на кого вы похожи, что за маскарад? — Алонсо и Бруно стояли накрытые медвежьими шкурами, чумазые, расцарапанные, взъерошенные.

— Ну мам... — потянул Бруно. Обычно, Элен сразу сдавалась, за 25 лет сын изучил маму. Но не сегодня.

— Не мамкай! Говорите, где были!

— Мы на санках катались. — Бруно смотрел на отца, пряча улыбку.

— Ага, на санках, — подтвердил Алонсо, честно глядя ей в глаза.

Элен переводила взгляд с одного на другого. Они обняли её вдвоём, взяв в плен, спрятав между собой.

— Я волновалась, время обеда, а вас нет, — пролепетала упавшим голосом, выбиваясь из мокрых шкур, зажатая между ними,

— Да отпустите меня, я задохнусь. Сейчас же переодевайтесь, пора ехать, а вы ещё не обедали.

Она смотрела вслед удаляющейся компании, покачав головой.

Элен, конечно знала, что сын её вместе с папенькой увлечены охотой. Но ей было невдомёк, что оба отчаянные, смелые, непревзойдённые охотники балуются схватками со зверем один на один.

Для одного это стало отдушиной в государственных делах, в бесконечных стройках, в экономически и политических распрях, сопровождающих любую власть.

Элен не представляла, что Алонсо, её Алонсо, наплевав на смертельную опасность от влаги для своего огненного естества, будет вместе с сыном пропадать в королевстве Норд.

И Элен никогда не узнает, на каких "санках" они сегодня катались.

Эти двое давно задумали сбежать от егерей на утёс. Сегодня Алонсо, подставив свою могучую спину Бруно, взмахнул крыльями и рванул к утёсу, резко набирая высоту.

Лететь над беснующимися волнами в морозном воздухе огненному дракону тот ещё квест. Но Алонсо с сыном часто проделывали подобные штуки, оба ничего не боялись.

Утёс — давняя мечта заядлых охотников, прям манил их своей неприступностью. Говорят, там никто не бывал, легенд ходила масса.

Поговаривали, медведи там огромные, чудища всякие и вообще. Ну! Самое то для парочки безбашенных.

Уже на подлёте разглядели маленькое плато вершины, скользким обрывом уходящее в беснующуюся море. От плато резко вниз спускалась узкая полоска, поросшая непроходимым лесом.

На вершине выл ветер, заворачивая содранную позёмку со снежного наста, бросал в лицо, забивал горло.

Пелена крутящегося снега сжимала видимость, колола глаза. Дыхание ледяными кристаллами повисало на морозе. Пелена крутящегося снега сжимала видимость, колола глаза.

Из-за малой площади, Алонсо, рыкнув: "Готовься, сына!" обернулся ещё в воздухе. Мужчины кубарем свалились в снег.

Оторопели.

Их ждали.

Шеренгой по одному их взяли в кольцо горомадные чёрные волки.

Всё убыстряясь, двигаясь по кругу, звери не сводили с них глаз. Узкие зрачки плескались в жёлтой ярости. Закипающая жажда крови сверкала на оскаленных мордах.

Круг сужался. Всё произошло мгновенно. Волки бросились одновременно, не оставив секунды, чтоб Алонсо обернулся, да и Бруно он мог зацепить крылом при развороте.

Мгновение решило всё.

Выхватив кинжалы, спина к спине, отец и сын вступили в схватку.

Хитрый зверь влетел Алонсо сбоку под колено, в то время как он защищая спину сына отражал атаку справа.

Удар сшиб его, он болидом заскользил к обрыву. Вывернулся, ухватив подвернувшегося волка за морду, в то время как другой пытался схватить его за руку. Подмял обоих и схватившись за их шкуры, увлёк за собой, падая в бездну.

Вынырнув, Алонсо собравшись с силами, рыча, цепляясь за обломки скалы, рвался прочь из смертельной ловушки.

Одна мысль " Быстрее! Надо выбраться быстрее. Там сын. Бруно, сынок, сейчас!" — Алонсо карабкаясь, пытался обернуться драконом, чтоб взлететь на помощь.

Вода...Подлая, мощная, забирала силу огня. Алонсо напрягался изо всех сил, оставалось ещё мгновение и он бы взлетел.

Бруно, в привычной манере отражая удары с двух рук, заметив исчезновение отца, не раздумывая бросился в пучину.

Вода и огонь несовместимы. Отцу грозит смерть. Ведь нет ничего проще, чем потушить огонь водою. Вот именно этим море и занялось, заполучив в свои сети огненного дракона.

— Батя, я тут. Держись, родной! — Бруно, вынырнув, вскарабкавшись на камни, тащил отца прочь из воды.

Сильные, ловкие они помогали друг-другу.

Выбравшись из воды, ждали егерей. Те со всех сил, преодолевая ненасытные злые волны, гнали шлюп к тем двоим, что ждали их на берегу.

Уже в шлюпе, как два накосячивших школьника, закутанные в шкуры грелись и планировали следующее приключение.

Между прочим, в другой раз можно подлететь к утёсу с другой стороны. Там площадка пошире. На том и порешили.

Мокрые, счастливые и продрогшие, возвращаясь домой, условились ничего не рассказывать матери. Наезды Элен страшнее волков будут.

Глава 61. Эпилог

Бесчисленные толпы зевак запрудили улицы, прилипли к решёткам замка, отделяющей его внутренний двор.

Обалденный по красоте и помпезности отъезд матери короля притягивал к себе зрителей и больших и малых. Особенно малых, детям потом раздавали карамель.

Белая шестёрка лошадей окутана шлейфом морозного тумана.

Карета, оббитая изнутри шкурами, снаружи блистала золотом. Штандарт, развевающийся над ней символом власти, был виден издалека. Отряд конного сопровождения выстроился каре в ожидании своей госпожи.

Элен вышла к центральному входу. Ветер кружил позёмку. Весёлая, бестолковая, она стелилась под копыта переминающихся лошадей, цепляясь обо всё, что не спряталось под плотное одеяло снега.

Солнце, пробиваясь закатными лучами сквозь морозную мглу, красило небо в розовый. Такой же нежный, как задор на щеках ребятишек, ожидающих сладкого угощения.

Элен расположилась в карете.

Горничная укрыла её соболиным палантином, карета тронулась.

Алонсо и Бруно уже улетели, поджидали её дома, в тайне готовя праздник для неё.

Сегодня у Элен юбилей. Ей 50.

К своим годам она мало изменилась, оставалась всё такой же Леной, как прилетела на парашюте, когда-то много лет назад.

Простой, сострадательной, замечательной московской девчонкой.

Алонсо всё так же прирастал властью, деньгами. Обожал жену, души не чаял в сыне.

Лорд Ванишгтон тигром в клетке мерил шаги по замку, дожидаясь приезда Бруно. В восторге был от его приветствия, когда здоровенный внучок стучался с ним плечом, басом шептал на ухо: "Привет, дед!".

Дед носился с идеей подобрать внуку невесту. Чтоб прям и красотка, и умничка, вот прям как Элен. Купался во внимании мамаш, пытавшихся пристроить своих дочек на просмотр к его внуку. Мало того, за ним самим тянулся шлейф собственных невест. Если раньше им мешала подобраться к нему гордость, то сейчас мешала драконовская конкуренция. В общем, он был таким, как всегда.

Бруно уважительно хлопал деда по плечу, нисколько не мешая ему плавать в мечтах и бурной деятельности. Тем не менее не обращал внимания на его наставления.

Алонсо и Бруно, переглядываясь, прятались за газетой за завтраком, когда лорд Ванишгтон просыпался с новой идеей.

Тётушка Мирабэлла проживала безвыездно в своём дворце. Бруно заезжал к ней и они вдвоём запирались, подолгу разговаривая о чём-то. О чём именно никто не знал.

Марева, уже совсем старушка, коротала свой век в замке Алонсо. Обожала Бруно, называла его внучком и он обязательно заглядывал к "бабушке", привозил ей любимое варенье из морошки.

Тильда, заправский сержант, командовала отрядом горничных. Она немного располнела и от этого была еще милее. Сеул всё так же стоял перед ней навтыжку. На людях появлялся в своём легендарном плаще, был бессменной тенью Алонсо.

Их дочка, юная Матильда, училась в Академии Драконов.

Была вся в мать. Такая же шустрая, заводная и весёлая.

Элен смотрела в окно на меняющуюся безбрежную даль. Снежное полотно постепенно уплывало в ночные сумерки, завтра она вернётся в свой дом.

Дом. Как много в этом слове для каждой женщины. Тепло, уют.

Счастье.

Оно есть у каждого. И ждёт каждого в доме. В его доме. Надо только в него верить!

Больше книг на сайте - Knigoed.net